

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»
(Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске – филиал)

На правах рукописи

А. Мустафин

Мустафин Альхас Амирович

**ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

09.00.03 – История философии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Баранов Георгий Самуилович

Иркутск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ.....	18
1.1. <i>Становление западноевропейской школы географического детерминизма.....</i>	<i>18</i>
1.2. <i>Распространение идей географического детерминизма в России.....</i>	<i>33</i>
1.3. <i>Формирование базисных идей отечественной геосоциологической парадигмы в концепции цивилизаций Л.И. Мечникова</i>	<i>46</i>
1.4. <i>Историко-философский и методологический анализ концепции локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского как этап развития отечественной геосоциологической парадигмы</i>	<i>63</i>
Глава 2. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В XX ВЕКЕ.....	81
2.1. <i>Роль геосоциологической парадигмы в формировании отечественных концепций социоприродной коэволюции</i>	<i>81</i>
2.2. <i>Фундированность теории этногенеза Л.Н. Гумилева парадигмой отечественной геосоциологии.....</i>	<i>104</i>
2.3. <i>Геосоциологическая парадигма в объяснении особенностей развития русской цивилизации.....</i>	<i>122</i>
2.4. <i>Общие методологические принципы отечественной геосоциологической парадигмы.....</i>	<i>142</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследования в области истории философии призваны, в частности, вскрыть закономерности становления тех или иных направлений философской и научно-методологической мысли с целью более глубокого и всестороннего понимания их современного состояния, идейных принципов, структуры и эвристического потенциала.

К настоящему времени пространство философской мысли характеризуется многообразием путей и перспектив развития философских исследований, а также тенденцией к комплексному использованию различных исследовательских методологий. Но, рискуем утверждать, что поиском единства и взаимосвязи природы, общества и человека характеризуется геосоциологическая парадигма в философии и социальных науках (а именно, в геополитике, политологии, теории и истории культуры, теории цивилизаций, этнологии и т.д.). Однако указания на традиционность геосоциологической проблематики для философии было бы явно недостаточно для обоснования ее актуальности. Сегодня эта актуальность качественно возрастает в силу следующих обстоятельств.

1. Настоящее историко-философское исследование актуализируется также новыми методологическими потребностями в развитии современной отечественной философии и всего спектра социально-гуманитарных наук. Добиться этого возможно путем диверсификации применяемых исследовательских методологий. Сегодня в социально-гуманитарном познании воплощается в жизнь принцип плюрализма методологий, из которого следует, что истина достижима не на пути одной, «единственно верной», универсальной методологии, а на пути многомерных исследований, основанных на разных методологиях, которые в совокупности вносят свой вклад в «копилку» знания. Здесь особую актуальность приобретает реконструкция и применение в современных философских и научных исследованиях методологических парадигм, которые зарекомендовали себя в

истории философии и науки в плане эффективности их объяснительного и эвристического потенциала. К таковым с полным правом можно отнести сформировавшийся в период Нового времени географический детерминизм, ставший одним из источников генезиса отечественной геосоциологической парадигмы. В связи с задачей диверсификации методологий и возникает потребность в историко-философской реконструкции отечественной геосоциологической парадигмы.

2. Процесс глобализации, ныне приобретший всепланетарный характер, делает особенно актуальными проблемы поиска уникальности форм и путей развития отдельных локальных цивилизаций, а также выработки отношений между ними, что относится к вопросам геополитики. Данная проблематика хотя и присутствовала в марксистской парадигме, господствовавшей в отечественной социальной философии практически на протяжении всего XX века, – но только вторично, где-то на её периферии, поскольку в центре внимания находился классово-формационный анализ генезиса социума. Сегодня же вопросы соотношения глобального цивилизационного развития и развития отдельных человеческих культур и цивилизаций вышли на первый план, в том числе и вопрос о цивилизационных особенностях российской цивилизации. Представляется, что данная проблематика может найти своё успешное разрешение, прежде всего, именно на базе геосоциологической парадигмы, ее исходных идей и категорий.

3. Наконец, актуальность данному исследованию придает все обостряющаяся от десятилетия к десятилетию проблема глобального экологического кризиса, а в философском изложении – проблема взаимодействия природы, общества и человека. Иначе говоря, в условиях глобального экологического кризиса поиск ответа на вышеозначенный третий круг вопросов приобретает не только философское и теоретическое, но и практическое значение. Но именно он представляет собой центральное исследовательское поле для геосоциологической парадигмы.

Перечисленные моменты делают задачу историко-философской реконструкции становления и развития отечественной геосоциологии, экспликации её исходных постулатов особенно актуальной как в философском, так и практическом отношении.

Степень разработанности темы. Исследования, в рамках которых предпринимались попытки объяснять социальные процессы и различия в жизни тех или иных народов и этносов природно-географическими факторами (особенностями рельефа, климатом, равнинным или горным ландшафтом и т.д.) исчисляются более чем двумя тысячелетиями и имеют богатую историю. В европейской культуре они берут начало еще с античности. Данный подход, получивший, как известно, обозначение «географический детерминизм», использовали в своих сочинениях Фалес, Анаксимен, Гераклит Аристотель, Антиох, Геродот, Гекатей, Гиппократ, Посидоний, Полибий, Страбон, Птоломей, Фукидид, Тиберий, Эратосфен, Эфор и многие другие историки и философы древности. Из восточных учёных, унаследовавших античную традицию объяснения жизнедеятельности человеческих сообществ условиями природно-географической среды, следует назвать арабского историка и мыслителя Ибн Халдуна. Однако географический фактор в трудах античных и восточных мыслителей использовался фрагментарно, эпизодически и ни в одном из древних текстов концептуально оформленным как методологический принцип, не встречается.

Свой следующий расцвет географический детерминизм получил в XVI веке и был связан в первую очередь с деятельностью Жана Бодена, заложившего его теоретические основания. Творчество французского мыслителя дало необычайно мощный импульс, во многом определивший основные тенденции дальнейших исследований в этой области, в частности, сформировавший интеллектуальные усилия Френсиса Бэкона, Бернара Лее Бове де Фонтенеля, Жана-Батиста Дюбо. Огромную роль для определения сущности, специфики и значения концепции географического детерминизма

имели сочинения Ш. Монтескье, а также восприемников его идей К. Гельвеция, И. Гердера.

Со второй половины XIX века географический детерминизм достиг самого широкого признания и распространения. Наибольший вклад в дело его развития и популяризации в этот период внесли Г. Бокль, А. Гумбольдт, А. Геттнер, Э. Геккель, А. Гюйо, Т. Карлейль, О. Конт, К. Риттер, Э. Реклю, Г. Спенсер, И. Тюнен, Ф. Тённис. В это же время от него отпочковались (как отдельные направления) антропогеография (Ф. Ратцель, Л.Д. Сеницкий, А.А. Кубер), французский possibilisme (П.В. де ла Блаш, Л. Галлуа, Ж. Брюн), геополитика (Б. Адамс, А. Грабовски, Ф. Коломб, Дж. Керзон, Дж. Киффер, Х.Д. Маккиндер, А. Мэхен, И. Парч, Н. Спикмен, Дж. Фейргрив, К. Хаусхофер, Р. Челлен, К. Шмитт, Л.С. Эмери), американский environmentalism (Э.Ч. Семпл, Э. Хантингтон).

В разное время определённый вклад в теоретическое оформление идеи зависимости тех или иных аспектов развития общества от природно-климатических условий внесли также работы О. Андерле, Ф. Броделя, Д. Биллингтона, М. Вебера, К. Гилба, Р. Ингледарта, У. Макнейла, М. Перри, Г. Риккерта, А.Дж. Тойнби, Д. Уилкинсона, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, О. Шлютера, О. Шпенглера, Ш. Эйзенштадта и др.

Географический детерминизм, как принцип объяснения социально-исторических процессов, стал чрезвычайно популярным также в отечественной философии и историографии XIX века. Среди известных философов и историков, опиравшихся в своих работах на методологию географического детерминизма, необходимо назвать имена И.Н. Болтина, А.И. Воейкова, Т.Н. Грановского, Н.Я. Данилевского, В.В. Докучаева, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, П.А. Кропоткина, К.Н. Леонтьева, Л.И. Мечникова, С.М. Соловьёва, Л.Д. Сеницкого, В.Н. Татищева, Н.Ф. Фёдорова, А.С. Хомякова, П.Я. Чаадаева, А.П. Щапова, С.Н. Южакова. Наиболее плодотворную попытку максимально учесть природный фактор в

культурно-историческом процессе предприняли евразийцы: Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский.

В советский и постсоветский период большое значение для понимания роли и значения окружающей среды для социального развития представляют работы таких исследователей, как В.А. Анучин, А.В. Антипов, В.И. Вернадский, А.А. Галактионов, Л.Н. Гумилёв, В.И. Данилов-Данильян, А.Г. Дугин, А.В. Дулов, Б.В. Емельянов, И.М. Забелина, И.В. Круть, В.В. Клименко, В.А. Коптюг, В.М. Котляков, К.Н. Любутин, К.И. Лукашев, В.В. Мантатов, Н.Н. Моисеев, Л.В. Милов, А.Г. Малыгин, П.Ф. Никандров, Ю.В. Олейников, А.П. Паршев, А.В. Перцев, Б.В. Пряхин, В.Ф. Пустарнаков, В.Д. Сухоруков, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Д. Урсул, М.Г. Фёдоров, А.Л. Яншин и др.

В части современных научных публикаций для обозначения отечественного социогеографического направления в философии и науке стал использоваться термин «геосоциология». Он был введен в научный оборот некоторыми российскими исследователями 70-х годов минувшего века (см. например: М.Г. Федоров «Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму». Новосибирск, 1970), наряду с которым предлагаются и другие, сходные по значению термины, например, «геософия» (Раскина. Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009), «геократия» (Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации / Полис. – 2009. – № 1).

Понятие «геосоциология» в последние годы некоторые философы используют в своих работах, прежде всего из-за его смысловой точности, поскольку в нем фиксируется равенство, параллелизм, взаимообусловленность и методологическая равнозначимость двух начал в объяснении социальных процессов: природно-космического (географического) и собственно социального (социокультурного), а не приоритет природного начала, как в понятии «географический

детерминизм». По этой причине понятия «геосоциология», «геосциологическая парадигма» избраны в настоящем диссертационном исследовании в качестве основополагающих. В частности, оно используется в работах С.Г. Куткина («Русская геосоциология от Льва Мечникова до Льва Гумилева». Екатеринбург, 1994), Н.Г. Апухтиной («Геосоциологическое учение Л.И. Мечникова в контексте современных реформ». Челябинск, 1996), В.М. Демченко («Критика Г.В. Плехановым геосоциологии В.С. Соловьёва». Москва, 1997.), В.Ф. Пустарнакова («Проблемы этнографии и этнологии в геосоциологической концепции П.А. Кропоткина». Москва, 1997).

Анализу самой парадигмы отечественной геосоциологии вплоть до начала 90-х годов XX в. уделялось более чем скромное внимание. К исследованиям данного рода можно отнести работу академика Л.С. Берга («Номогенез или эволюция на основе закономерностей». Петроград, 1922), вступительную статью Н.К. Лебедева к книге Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» («Мечников и его теория социального развития и прогресса». М., 1924), предисловие Элизе Реклю к книге Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», изданной в 1924 г., статью-рецензию Г.В. Плеханова, посвященную творчеству Л.И. Мечникова (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973), программную статью П.Н. Савицкого («Евразийство», 1925), монографию М.Г. Федорова («Плеханов Г.В. и географическое направление в социологии». Томск, 1966), ряд публикаций Л.Н. Гумилева в журналах «История СССР» («Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии», 1967) и «Вестник ЛГУ» («О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии», 1970), статью А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова в журнале «Философские науки» («Лев Мечников и его историко-социологическая концепция», 1968).

С начала 90-х гг. минувшего столетия ситуация стала заметно меняться. Вышли в свет книги В.И. Вернадского «Биосфера и ноосфера». М., 2007; Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли». М., 2005,

«Этносфера: история людей и история природы». М., 2012; А.В. Перцева «Типы методологий историко-философского исследования». Свердловск, 1991, «Почему Европа не Россия». М., 2005; Емельянова Б.В. Русская философия в портретах. Екатеринбург, 2010; «Русский космизм: основные направления», Екатеринбург, 2006.

Буквально в последнее десятилетие защищены отдельные диссертации по близкой настоящему исследованию тематике. К ним относятся докторская диссертация Е.Ю. Раскиной («Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева». Архангельск, 2009); кандидатские диссертации С.Г. Шкуропат («Географический фактор в культурологических концепциях конца XIX–нач. XX вв.» СПб., 2004), Катерного И.В. («Инвайронментализм в социальной философии: методологические и мировоззренческие аспекты». М., 2004), Е.Н. Гориной («Вклад Л.И. Мечникова в становление отечественной социологии». Саратов, 2010); А.А. Бурзаловой («Козволюционная модель «человек, общество и природа» в контексте самоорганизации». Улан-Удэ, 2011).

Однако следует отметить, что в данных исследованиях не ставится цель дать систематическое и полное изложение принципов отечественной геосоциологической парадигмы, процесса ее формирования, содержания и методологических принципов, всесторонне раскрыть её роль и значение в формировании различных школ и направлений в отечественной философии и социальных науках. Таким образом, геосоциология как методологическая парадигма отечественного социально-гуманитарного знания и познания до сих пор остается недостаточно изученной.

Это положение дел обуславливает *исследовательскую проблему* настоящей диссертационной работы, которая заключается в несоответствии потребности в методологически рефлексивном применении геосоциологической парадигмы для изучения различных социальных реалий, и современной бессистемной, нерелексивной и поэтому порою «случайной» практикой её использования, что обусловлено сохраняющимся характером

подходов к осмыслению сущности отечественных геосоциологических исследований.

Гипотеза диссертационной работы заключается в следующем тезисе. Отечественные геосоциологические исследования, возникнув на базе европейской школы географического детерминизма, в своем последующем развитии оформились в самостоятельное, оригинальное направление философской мысли, поэтому могут быть представлены как единое философско-методологическое целое и обозначены именно как геосоциологическая парадигма. Данный подход позволяет объединить в общий философско-методологический комплекс целый ряд учений и теорий, до настоящего времени казавшихся никак не связанными между собой.

Цель диссертационного исследования заключается в поиске идейно-философских истоков формирования отечественной геосоциологической парадигмы, определении ее специфического содержания и методологических принципов, а также выявлении их эвристического потенциала.

Тем самым, **объектом исследования** оказывается генезис, пути и перспективы развития отечественной геосоциологической мысли.

Предметом исследования выступает формулировка основных теоретических и методологических принципов отечественной геосоциологической мысли, сложившихся в процессе ее развития, определение их целостности и своеобразия.

Реализация заявленной цели предполагает постановку и поэтапное решение *следующих задач*:

1. Определение идейно-теоретических истоков отечественной геосоциологической парадигмы;
2. Выявление основных философско-теоретических идей и методологических принципов отечественной геосоциологической парадигмы в трудах её наиболее значимых представителей XIX века;

3. Анализ развития идейно-теоретического и методологического потенциала геосоциологической парадигмы в отечественных культурфилософских учениях и научных исследованиях XX века;

4. Демонстрация эвристичности геосоциологической методологии в объяснении особенностей развития российской цивилизации;

5. Экспликация основных методологических принципов отечественной геосоциологической парадигмы.

Теоретико-методологические основы исследования.

В качестве методологического инструментария в работе применяются историко-философский анализ, предполагающий реконструкцию идей, содержащихся в изучаемых первоисточниках. В процессе исследования были использованы как общетеоретические методы (теоретический анализ и синтез материалов и источников, метод систематизации выводов и результатов, сравнительно-сопоставительный анализ), так и методы, непосредственно связанные с историко-философскими исследованиями.

Для определения целей и задач данного историко-философского исследования использовались следующие подходы:

Подход Г. Гегеля, основанный на тезисе, что изучение истории философии есть изучение самой философии, и предполагающий, тем самым, что история философии может быть представлена как развитие и конкретизация ключевой философской идеи. Данный подход позволяет увидеть в возникновении и трансформациях геосоциологических исследований формирование и развитие единого философско-методологического целого;

Подход К. Ясперса, сформулировавшего одно из первоочередных требований к историко-философскому исследованию, основанном на методе понимания: «Нужно понимать философскую мысль в действительности мыслящего человека, а не только как оторванное от него предметное содержание. Нужно исторически присутствовать в мире, в котором

мыслилась мысль, в ландшафте, и природе, в способах производства и социальных отношениях, в общественном положении самого мыслящего»;¹

Подход Б.В. Емельянова, полагающего, что «историко-философская персонология с её биографическим методом – ...одна из важнейших областей историко-философского знания».²

Для определения места и роли географического фактора в истории развития человеческих цивилизаций использовались подход С. Хантингтона, близкий философско-историческим учениям О. Шпенглера, А. Тойнби и основанный на признании существования цивилизаций как специфических исторических общностей и ключевых акторов мирового процесса.

А так же геополитический подход, созданный на объяснении связи политики и географической среды, через ее восприятие политическими деятелями. В частности, через восприятие её классиками геополитики: Ф. Ратцелем, Р. Челленом, А. Мэхеном, Х. Маккиндером К. Хаусхофером, которые считали, что ключевым, системообразующим моментом в геополитике является взаимозависимость политики государств и географических факторов, а именно – островное или континентальное расположение государств, характер границ, моря и океаны, рельеф местности, полезные ископаемые, климат, почва и т.д.

Научная новизна работы:

1. Выявлены философские (идейно-теоретические) источники формирования отечественной геосоциологической парадигмы.

2. На основе анализа историографического наследия XIX столетия (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), а также философско-культурологических трудов Л.И. Мечникова и Н.Я. Данилевского показан путь становления и теоретическо-методологической спецификации отечественной

¹ Цит. по: А.В. Перцев. Молодой Ясперс: Рождение экзистенциализма из пены психиатрии / Перцев А.В. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 4.

² Емельянов Б.В. Русская философия в портретах / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. – С. 3.

геосоциологической парадигмы. Раскрыты идейные и методологические особенности отечественной геосоциологии в сравнении с западноевропейской школой географического детерминизма.

3. Обосновано значение отечественной геосоциологической парадигмы как объединяющей методологической платформы для современных теорий социоприродной коэволюции, теории этногенеза и пассионарности Л.Н. Гумилева, философии евразийства, учения В.И. Вернадского о ноосфере, концепции «Коллективного Разума» Н.Н. Моисеева.

4. Обоснован тезис о возможности продуктивного использования геосоциологической парадигмы для объяснения особенностей российской цивилизации.

5. Эксплицированы, описаны и систематизированы основные методологические принципы отечественной геосоциологической парадигмы.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие основные результаты диссертационного исследования:

1. Геосоциологические представления, связывающие жизнедеятельность того или иного этноса, сообщества, государства с природными условиями его бытия, уходят своими идейно-философскими корнями не только во французское Просвещение, а гораздо глубже: в эпоху Возрождения, а через неё – в античность. Именно в античности следует искать идейные истоки западноевропейской школы географического детерминизма, идейными «наследниками» которого являются антропогеография, французский попперизм, отечественная геосоциология (XIX-XX вв.), американский инвайронментализм;

2. Правомерно выделить и критериально различить два этапа в формировании и развитии отечественной геосоциологической парадигмы. Первый – «эмбриональный», – связанный, прежде всего, с работами С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, представляет собой этап распространения идей западноевропейской школы географического детерминизма в России в XIX веке. Второй – с рубежа XIX-XX веков –

получил свое развитие в трудах ряда отечественных мыслителей, в первую очередь, Л.И. Мечникова и Н.Я. Данилевского, и представляет собой формирование собственно отечественной геосоциологической парадигмы, что проявилось во введении новых методологических принципов и теоретических идей, отсутствующих в методологии и теоретическом багаже западноевропейской школы географического детерминизма, а именно, двухстороннего и равнозначного учёта группы географических и социокультурных факторов при анализе социальной среды, которые, в равной степени взаимодействуя друг с другом, определяют характер общественных изменений;

3. В XX веке геосоциологическая парадигма может быть представлена как общая идейно-теоретическая и методологическая платформа для целого ряда философских и научных направлений отечественной мысли, к которым относятся евразийство, учение В.И. Вернадского о ноосфере, теория социоприродной коэволюции, теория этногенеза Л.Н. Гумилева, учение о «Коллективном Разуме» Н.Н. Моисеева, отечественной геополитика конца XX – начала XXI вв. Перечисленные учения и теории предполагают что природно-географическая, ландшафтно-рельефная, климатическая специфика локализации и географического бытования на планете обуславливают особый культурно-цивилизационный вектор развития (в истории, культуре, экономике, политике, социально-государственном устройстве);

4. В диссертационном исследовании на широком эмпирико-историческом материале установлен и проиллюстрирован, на отдельных примерах взаимозависимости этноса и ландшафта, факт реального проявления закономерностей геосоциологической парадигмы (Горный Бадахшан и др.);

5. Основными методологическими принципами отечественной геосоциологической парадигмы следует считать:

а) принцип обусловленности развития социума природно-климатическими условиями и географической средой обитания;

б) принцип относительной автономности природных и социокультурных детерминант развития;

в) принцип несводимости (и невыводимости) социокультурных детерминант развития к природным (из природных) и обратно;

г) принцип коэволюции природных и социальных факторов;

д) принцип параллельного и обратозависимого коэволюционного возрастания социальных, техногенных природных закономерностей и факторов;

е) принцип интегральности (системности) анализа;

ж) принцип пассионарности, т.е. зависимости социума от происходящих в различных регионах планеты природно-энергетических процессов;

з) принцип ноосферности,

и) экологический принцип сбережения и охраны окружающей природной среды, являющейся необходимым условием существования человека, отдельных человеческих сообществ и планетарной цивилизации в целом.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии методологического потенциала современных историко-философских исследований в социально-гуманитарном познании. Систематическая аналитика принципов и методов отечественной геосоциологической парадигмы призвана способствовать их рефлексированному, алгоритмическому применению в социальной философии и конкретных социальных науках.

Теоретическая значимость диссертационной работы видится также в возможности использования ее результатов для продуктивных исследований особенностей и путей развития российской цивилизации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертации при составлении учебных и методических пособий, разработке общих лекционных курсов и семинарских

занятий по всему циклу социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе. Выводы и фактические данные, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы при чтении спецкурса «Парадигма отечественной геосоциологии и современность». Результаты диссертационного исследования могут иметь общеметодологическое значение для прогнозирования и практического решения современных социокультурных и политических проблем.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов и выступлений на следующих научных и научно-практических конференциях: Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России», Москва, 3-5 октября 2006; III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения. Социальные процессы в современной России: традиции и инновации», Москва, 4-5 декабря 2007; «Международном дне философии (ЮНЕСКО) в Кузбассе-2007: Глобализм и гуманизм», Кемерово, 15 ноября 2007; Научно-практической конференции «Studium-IX. Российский социум в перспективах и противоречиях развития», Иркутск: ИГУ, 2008; XI Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, 2008; IV Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое», Новосибирск, 19-20 ноября 2009; II Международной научно-теоретической конференции «Евразийство: история и современность», Екатеринбург, 26 апреля 2012; II Международной научно-теоретической конференции «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени», Екатеринбург, 7-8 ноября 2014.

Результаты работы рассматривались на аспирантском семинаре Иркутского государственного лингвистического университета и на кафедре общественных наук Ангарской государственной технической академии. В полном объеме диссертация обсуждалась на кафедре истории, философии и

социальных наук Иркутского государственного лингвистического университета и кафедре истории философии Уральского Федерального университета. Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 21 авторской научной статье и тезисах.

Структура диссертации определяется ее логикой, целями и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, включающих 8 разделов, заключения и списка литературы. Она насчитывает 178 страниц текста; список использованной литературы включает 285 наименований.

ГЛАВА 1. ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1. Становление западноевропейской школы географического детерминизма

Задачи настоящей главы состоят в раскрытии идейно-философских истоков географического детерминизма, как исторического этапа в становлении отечественной геосоциологической парадигмы. Предваряя исследование, оговорим некоторые центральные понятия диссертационного исследования. Термин «геосоциология» зачастую трактуют как простой синоним термина «географический детерминизм». Как представляется, это не так. Данные термины обладают важным смысловым отличием друг от друга, что и заставляет предпочесть термин «геосоциология» привычному для нас термину «географический детерминизм». Дело в том, что в понятии «геосоциология» фиксируется взаимообусловленность равенство, параллелизм и методологическая равнозначимость двух начал в объяснении социальных процессов: природно-космического (географического) и собственно социального (социокультурного). В то время как в термине «географический детерминизм» доминирующим, если не единственным, объяснительным началом выступает принцип первичности природно-климатических условий существования того или иного человеческого сообщества (этноса, народа, государства).

Следует ясно определить, что понимается в дальнейшем под «парадигмой», и какую эвристическую роль оно в нём играет. Понятие «научная парадигма» используется в работе в его классическом, со времен Томаса Куна, значении. Под «парадигмой» будет пониматься «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают

научному сообществу модель постановки проблем и решений».³ «Внутри» парадигмы могут существовать достаточно отличающиеся друг от друга теории, школы и направления, но все они, так или иначе, объединены одним тотальным подходом (моделью) к пониманию и объяснению изучаемых явлений и процессов, и этот подход (модель) оказывается доминантным для всех направлений, учений и школ данной парадигмы.

Исследование, как нам представляется, следует начать с определения очевидного факта. Человечество, несмотря на всю свою сегодняшнюю мощь и независимость не в состоянии существовать и развиваться без непосредственно окружающей его природной среды, влияние которой на историческое развитие того или иного народа весьма различно. Оно проявлялось в формировании жизненного уклада и быта, развития специфических ремёсел, в уровне развития земледелия и т.д. Другими словами формирование того или иного этноса во многом определялось тем, в какой именно природно-климатической зоне (степной, лесостепной, прибрежной) он существует. Данное различие было особенно чувствительным для человека на ранних ступенях развития общества, когда преобразование предметов природы составляло лишь незначительный процент, по сравнению с их использованием в готовом виде. Неблагоприятные природные условия существенно тормозили общественное развитие. Поэтому человеческие сообщества возникали первоначально именно в районах с благоприятными климатическими условиями. Отменный климат требовал меньших трудозатрат на изготовление жилищ и одежды, на производство продуктов питания. Однако прекрасные природные возможности южных регионов обеспечивали эти преимущества главным образом на ранних ступенях развития человеческой цивилизации.

В дальнейшем положительная роль благоприятных климатических условий парадоксальным образом превратилось в отрицательную, так как во многом отсутствовал стимул производства. Если бы человек находил все

³ Кун Т. Структура научных революций / Томас Кун. – М.: АСТ, 2003. – С. 17.

необходимые ему средства к существованию в природе в готовом виде, то не было бы стимулов для совершенствования производства, следовательно, и для его собственного развития. Таким образом, не только наличие благоприятных природно-климатических условий, но также их отсутствие, оказывали ускоряющее влияние на развитие общества. Степень воздействия географической среды и климата на развитие общества и зависимость человека от них были столь велики, что осознание этого послужило основой для появления целого направления в науке – *географического детерминизма* (от лат. *determinare* – «определять»).

Мыслители прошлого обращали своё внимание на проблему детерминирующих факторов в развитии общества. К таковым можно отнести следующие монофакторные концепции:

1. концепцию провиденциализма, согласно которой, основным двигателем социального развития является воля Провидения (Бога);
2. демографический детерминизм, согласно которому в результате роста численности населения быстрее исчерпываются ресурсы и человек вынужден совершенствовать орудия труда, развивать производительные силы;
3. технологический детерминизм, который обосновывает идею об определяющей роли техники и технологий в развитии общества;
4. концепция естественного отбора, согласно которому выживают наиболее приспособленные страны, народы, общества;
5. концепция классического волюнтаризма, согласно которой развитие истории определяется отдельными людьми, их разумом и волей.

Фактор географический так же заслуживал особенного внимания, т.к. являлся важнейшим (наряду с другими) в развитии общества. Теория географического детерминизма пережила свой расцвет ещё в эпоху античности. Известно, что первыми делали попытки объяснить явления общественной жизни особенностями географической среды многие древнегреческие мыслители. Эти сведения рассеяны в научных,

философских, исторических и литературных памятниках Древней Греции (Гомер, Геродот, Гиппократ, Аристофан, Платон, Ксенофонт, Аристотель), Эллинистического периода (Архимед, Эратосфен, Полибий) и Древнего Рима (Юлий Цезарь, Вергилий, Сенека, Страбон, Помпоний Мела, Плиний Старший, Плиний Младший, Тацит, Птоломей, Авиен).

Во время архаического этапа развития Древней Греции последователи милетской школы Фалес, его ученик Анаксимандр, Гекатей Милетский, пытались объяснить строение Вселенной естественными причинами, «ибо должно быть некоторое природное естество или одно, или больше, чем одно, откуда возникает. Фалес – родоначальник такого рода философии – считает его водою... Анаксимен и Диоген ставят воздух раньше чем воду... Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса выдвигают огонь».⁴ Однако истолкование природных явлений у них носило умозрительный характер. Землетрясения, например, они объясняли следствием трескания земли от засухи.

Идеи географического детерминизма в зачаточной форме присутствовали в рассуждениях Гиппократа, который один из первых «пробует связать особенности народных характеров с различиями климата и географических условий»⁵. Продолжая дело отца, известного врача, давшего сыну отличное образование, Гиппократ при жизни становится знаменитым врачом, вошедшим в историю признанным основоположником научной медицины. Изучая различные территории и населяющие их народы, Гиппократ неоднократно подчеркивал, что от природных условий зависит не только физический облик людей, но и их нравы. Общий его вывод состоит в том, что «У людей [в жарком климате] более живой и цветущий вид, у них чище голос, характер мягче, ум проницательнее, чем у жителей северных областей; в то же время и все произведения лучше, чем в холодных странах... [Однако] в такой температуре душа не испытывает живых

⁴ Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: ЭКСМО, 2008. – С. 13.

⁵ Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию / Г.Г. Шпет // Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 483.

толчков, тело тоже не подвергается резким изменениям, естественно не сообщающим человеку более дикий, неукротимый и пылкий характер: ибо быстрые переходы от одного состояния к другому будят дух человека и вырывают его из состояния бездействия».⁶

Выдающийся древнегреческий философ Аристотель использовал этот вывод в политических целях, объясняя право греков управлять другими народами, расцветом греческой культуры и благоприятными природными условиями. Он считал, что «племена, обитающие в странах с холодным климатом, при том в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремёслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностями к ремёслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии».⁷

Основоположником математической географии был греческий астроном, геометр, философ, поэт Эратосфен. Будучи главой Александрийской библиотеки, он много сделал для формирования античной географии. Им впервые была введена сетка меридианов и параллелей и применены, вслед за Гиппархом, греческим астрономом, термины «широта» и «долгота». Эратосфен описал всеобщую систему землеведения, изложив её в «Географических очерках», используя известную в то время карту мира. Он полагал неизвестные пространства на земле окружающие известный мир, обширным океаном, поэтому его считают сторонником «океанической теории» античной географии.

Последователем «океанической теории» являлся крупнейший географ античности Страбон. Современник Помпея, Тиберия и Юлия Цезаря, Страбон получил прекрасное образование. Он является автором крупнейшего

⁶ Цит. по: Античная география / Сост. проф. М.С. Боднарский. – М.: Географгиз, 1953. – С. 48.

⁷ Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: ЭКСМО, 2006. – С. 247.

научного труда античности, дошедшего до нас в 17 книгах, получивший название «География». При жизни труд Страбона не был по достоинству оценён (Птолемей, Плиний Старший, Тацит, его современники, не опирались в своих работах на «Географию»). Однако, для сегодняшней науки сведения, сообщаемые Страбоном, являются ценнейшим источником по морфологии поверхности земли, страноведению Древнего Рима. Благодаря его «Географии» представляется возможным воссоздать картину природно-климатических особенностей того времени, во многом определяющих формирование и развитие общества. Например, политическую жизнь общества Страбон ставил в прямую зависимость от физико-географических факторов. «Особенно мне кажется важно то обстоятельство, что большая часть географии относится к предметам политической жизни. Очевидно, правители лучше могут управлять страной, если знают, как велика она, её расположение, каковы её свойства, как в окружающей атмосфере, так и в самой почве».⁸

Клавдий Птоломей был одним из последних великих ученых античности, уделявший внимание географическим проблемам и обобщивший в работе «Руководство по географии» теоретические идеи своих предшественников. Однако его «Руководство по географии», как и «География» Страбона, не оказала сколько-нибудь заметного влияния на современников автора. Интерес к работе Птолемея проявился лишь в эпоху Возрождения, благодаря стараниям Эразма Роттердамского, первым издавший в 1523 году греческий подлинник. Таким образом, важнейшим достижением эпохи Древнего мира можно считать начало формирования географического направления в науке, ставшим базовым для формирования методологии географического детерминизма.

На Востоке одним из родоначальников современного обществознания был арабский мыслитель Абд ар-Рахман Абу Зейд Ибн Халдун. В своём

⁸ Цит. по: Античная география / Сост. проф. М.С. Боднарский. М.: Географгиз, 1953. – С. 141.

основополагающем труде «Мукаддима» он пытался обнаружить закономерности развития общества, важнейшей из которых он считал географическую среду и прежде всего климат. Им было выделено несколько климатических поясов, из которых наиболее благоприятным для жизни людей и расцвета цивилизации он полагал умеренный пояс, тогда как жители севера и юга, по мнению учёного, не имеют побудительных причин для развития культуры в силу особых природно-климатических условий этих регионов. Ибн Халдун развивал представления античных мыслителей, но в отличие от них анализировал влияние ландшафтов на развитие только арабской цивилизации.⁹ Любопытно, что в арабо-мусульманском мире основателем социологии до настоящего времени считают не Огюста Конта, а Ибн-Халдуна.

Очередной этап развития географического детерминизма связан с эпохой великих географических открытий. Интерес к этой проблематике в XVI в. оживил французский философ, экономист, правовед Жан Баден. Известность к мыслителю пришла после опубликования им в 1566 г. работы «Метод легкого изучения истории», в которой философ изложил свои размышления об истории развития человечества, концептуально оформленные им позднее в «Шести книгах о государстве» и сделавшие его по существу одним из основоположников географического детерминизма. Наибольшее значение среди географических факторов Ж. Баден придавал климату, предложив всю область земли, простирающуюся от экватора до полюса содержащую девяносто градусов разделить на три части. Из них тридцать градусов он отводил жаре, тридцать – холоду, а оставшиеся тридцать градусов районам с умеренным климатом. Таким образом, философ полагал, что «характер народов в первую очередь зависит от климатических условий среды их обитания. На севере живут физически более сильные и воинственные люди, на юге – более одарённые и при правильном взгляде на

⁹ См.: Ибн-Хальдун. Введение: Фрагменты / Ибн-Хальдун // Избранные произведения мыслителей стран ближнего и среднего Востока. IX-XIV вв. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – С. 291-325.

историю видно, что величайшие полководцы приходят с севера, а искусство, философия, математика рождаются на юге».¹⁰

Географический детерминизм Ж. Бадена отразился на деятельности многих европейских мыслителей, в частности, на творчестве выдающегося английского философа и гуманиста Френсиса Бэкона. Это видно из его работ «Опыты, или Наставления нравственные и политические» и «Новый органон», в которых учёный проводит одну из своих основополагающих идей о взаимоотношениях природы и человека, в которых последний является её истолкователем и слугой.

Философские воззрения Ж. Бодена сформировали интеллектуальные усилия французского философа-просветителя, историка и дипломата Жана-Батиста Дюбо. Размышляя о причинах расцвета и упадка искусства, Ж-Б. Дюбо усматривал их в природно-климатических условиях. Изменения свойств воздуха являлись для Ж-Б. Дюбо «причиной перемен, происходящих в нравах и одарённости жителей разных стран, подобно тому, как отличия между характерами разных народов принято объяснять разницей между свойствами воздуха этих стран».¹¹ Он полагал, что «климат всегда является основной причиной человеческих склонностей и обычаев, которые разнятся между собой не больше, чем состав воздуха одной области разнится от другой».¹²

Однако самая известная в эпоху Просвещения концепция географического детерминизма была создана французским адвокатом Шарлем-Луи Монтескье, выдающимся философом и политическим теоретиком XVIII столетия. В 1748 г. Ш. Монтескье опубликовал работу «О духе законов», в котором изложил основополагающие идеи своей концепции развития общества, став наряду с Ж. Боденом, одним из основоположников географического детерминизма. Из числа важнейших сил,

¹⁰ Антология мировой философии: Возрождение. – М.: АСТ, 2001. – С. 673.

¹¹ Дюбо Ж-Б. Критические размышления о поэзии и живописи / Ж-Б. Дюбо. – М.: Искусство, 1975. – С. 422.

¹² Дюбо Ж-Б. Указ. соч., С. 416.

определяющих характер общественного строя, он считал, прежде всего, климат. Кроме этого, климат определяет так же индивидуальные особенности человека, телесную организацию, характер, привычки и тому подобное. Ш. Монтескье утверждал, что в холодном поясе люди гораздо крепче и физически сильнее, а южные народы ленивы от природы и потому не способны к героическим поступкам, предпочитая спокойную жизнь.

Размышляя над вопросами государственного строительства, он пришёл к выводу, что «в стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости от государственной власти. Людям, занятым земледелием, просто некогда думать о свободе. Они боятся потерять своё богатство и потому предпочитают правление одной, пусть деспотической личности, которая защищала бы их от грабежей. В странах же с холодным климатом, где условия для земледелия крайне не благоприятны, люди, напротив, склонны более задумываться о своей свободе, чем о богатстве. Именно поэтому в таких странах отсутствует деспотизм».¹³

Обращает на себя внимание ещё и тот факт, что географический детерминизм Ш. Монтескье стал рабочей гипотезой для тех, кого принято называть «просвещёнными монархами». Не случайно российская императрица Екатерина II настроенная в духе просвещенного абсолютизма легко и спокойно читала эти строки в книге великого просветителя. Ведь Россия как раз была страной «с подходящей для земледелия почвой», крестьянской, к тому же крепостнической, с правлением одного.¹⁴

Доктрине провиденциализма деятели эпохи Просвещения противопоставили положение о том, что при изучении развития общества нужно искать естественные причины происходивших событий, так как в истории и в природе, действуют одни и те же естественные законы. С этим и

¹³ Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения / Ш.-Л. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 392-393.

См.: Федоров М.Г. Русская прогрессивная мысль от географического детерминизма к историческому материализму / М.Г. Федоров. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1972. – С. 62.

связано обращение Ш. Монтескье к природным условиям, в которых существовали конкретные человеческие общества. В XVIII-XIX вв. в Европе, под влиянием идей Ш. Монтескье, среди учёных сформировалось значительное число, как сторонников, так и противников географического детерминизма.

Развёрнутую аргументированную критику географического детерминизма, в понимании его Ш. Монтескье, можно найти у Клода Андриана Гельвеция, французского философа-материалиста. В работе «Об уме» он утверждал, что люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть, т.е. достоинства и пороки людей не являются унаследованными качествами, они целиком продукты среды их обитания. В отличие от Ш. Монтескье, К.А. Гельвеций предлагал иное определение географической среды. Она есть совокупность предметов, которые способны влиять на человека, вызывать в нем различные ощущения и соответственно этому определять его сознание, политические убеждения, моральные принципы, эстетические вкусы, поведение и многое другое. Он не принимал идею Ш. Монтескье о превращении географической среды в силу способную определять потребности людей, которые в свою очередь накладывают отпечаток на нравы и законы государства. На многих примерах К.А. Гельвеций показывал, как изменялись нравы и законы государств, в то время как географическая среда оставалась неизменной. «Если температура различных климатов имеет такое влияние на души и на умы, то почему же римляне, столь великодушные, столь мужественные при республиканском правлении, стали теперь такими слабыми и изнеженными? Почему греки и египтяне, некогда славные своим умом и доблестью и возбуждавшие восхищение всего мира, теперь вызывают его презрение? Почему науки и искусства, то культивируемые, то презираемые у различных народов, постепенно обошли почти все страны? Почему в Афинах мы не встречаем больше Фокиона, в Фивах – Пелопида и в Риме – Деция? Температура в этих

странах не изменилась...»¹⁵. И далее: «Физическое положение Греции осталось неизменным: почему же современные греки так отличаются от прежних? Потому что изменилась форма их правления».¹⁶

В числе первых восприемников идей Ш. Монтескье был Иоганн Готфрид Гердер, философ, историк культуры, литературовед и поэт. Его основная работа «Идеи о философии истории человечества» оказали значительное влияние на развитие европейской и русской философской мысли. Личный секретарь и друг И.В. Гёте, немецкий писатель И.П. Эккерман писал: «Мы вновь вернулись к Гердеру, и я спросил у Гёте, что он считает самым лучшим из его произведений. «Его «Идеи о философии истории человечества», – сказал Гёте, – безусловно, самое лучшее».¹⁷ За исходное в оценке народов И. Гердер берёт идею Ш. Монтескье о влиянии климата на характер людей, но максимально расширяет понятие климата, включая в него географические факторы, культуру и философию природы. Основным отправным положением его является мысль о наличии законов, управляющих историей человечества, их принципиальном единстве с законами управляющими развитием природы. «Что дано всякой горной породе, всякой почве на Земле – так это общий закон, управляющий всеми творениями, и закон этот заключается в строе, определенном виде, особом существовании всего. Ни у водного существа всего этого нельзя отнять, ибо все свойства и проявления каждого зависят от этого закона. Безмерная цепь спускается с небес и связывает воедино и творца мира, и мельчайшую песчинку, потому что есть свой вид и у песчинки, и песчинки нередко складываются в прекрасные кристаллы. И самые смешанные существа, если говорить об их частях, следуют тому же закону».¹⁸

¹⁵ Гельвеций К. А. Об уме / К. А. Гельвеций. – М.: Соцэкгиз, 1938. – С. 249-250.

¹⁶ Гельвеций К. А. Указ. Соч., – С. 261.

¹⁷ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте / И.П. Эккерман. – М-Л.: Academia, 1934. – с. 248.

¹⁸ Гердер И.Г. Идеи к философии истории общества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – С. 37.

В лице И. Гердера, фактически, обозначилось новое направление философского знания – «геософия», которая своими корнями уходила в античность. Однако разворачивалось это новое направление уже в иной историософской плоскости, что, безусловно, было важным шагом в осознании проблем географического детерминизма. В Англии в XIX веке последовательным сторонником концепции географического детерминизма был английский историк и философ Генри Томас Бокль. Из-за слабого здоровья он рано оставил школу и был вынужден учиться в домашних условиях, не получив таким образом систематического образования. Однако, по мнению большинства его последователей, оригинальность работ Г. Бокля, как ни парадоксально, во многом обязана именно отсутствию у него формального образования. Идея создания своего главного труда «Истории цивилизации в Англии» овладела им в 18 лет, однако осуществил он свою мечту значительно позже. Первый том появился только в 1857 г. Работа тут же завоевала успех у читателей и сделала автора знаменитым. Спустя четыре года вышел второй том, где опираясь на методологию географического детерминизма, Г. Бокль пытался обосновать ход исторического развития условиями географической среды: специфическим ландшафтом, климатом, урожайностью почв, различиями между народами в сознании, телосложении, накоплении богатства, социальной организации и в конечном итоге в исторических судьбах.

«Если мы станем рассматривать, какие физические деятели имеют самое могущественное влияние на род человеческий, то найдем, что их можно подвести под четыре главные разряда, а именно: климата, пищи, почвы и общего вида природы; под последним я разумею те явления, которые хотя и представляются главнейшим образом зрению, но, через посредство этого и других чувств, дают направление сближению понятий и тем порождают в различных странах различный склад мыслей народа. К трем первым из этих четырех классов могут быть отнесены все влияния внешнего мира, имевшие постоянное влияние на человека; последний же класс или то,

что я называю общим видом природы, действует главнейшим образом, возбуждая воображение человека и внушая ему те бесчисленные предрассудки, которые представляют значительное препятствие распространению знания».¹⁹ Будучи сторонником методологии географического детерминизма, Г. Бокль полагал этот вариант философского знания более продуктивным, нежели толкование божественного провидения или выявление случайности в истории.

В Германии взгляды Г. Бокля разделял Карл Риттер, один из основоположников школы сравнительной географии. Став в 1820 г. профессором Берлинского университета, Риттер до самой смерти в 1859 г. возглавлял там кафедру географии, являясь одновременно членом Прусской Академии наук и иностранным почётным членом Петербургской Академии наук. В своём основном труде «Землеведение в отношении к природе и истории человечества» Риттер проводил идею взаимодействия природы и культуры, взаимосвязанности всех элементов, формирующих исторически конкретный регион. По его мнению, Земля – целостный организм, делимый на внутренне связанные регионы, для правильного определения которых, необходимо всестороннее описание ландшафта, климата, растительности, животного мира и человека в его историческом взаимодействии с природой. В трудах К. Риттера собраны воедино проблемы, которые позднее дифференцировались и стали предметами отдельных исследований.

Одним из таких предметов исследования стала антропогеография, родоначальником которой считается немецкий географ, этнограф, один из основоположников политической географии и творцов геополитики Фридрих Ратцель. В 1882 г. в Штудгарте Ф. Ратцель опубликовал свой фундаментальный труд «Антропогеография». Предмет антропогеографии он определял в русле общей традиции XIX века, как изучение человеческого рода в той мере, в какой человек в своих жизненных проявлениях

¹⁹ Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. В 2 т. Т.1. / Г.Т. Бокль. – М.: Мысль, 2000. – С. 40.

определяется географической средой. По его мнению, пространственное расположение и климат является основой соматических и психических различий между группами людей проживающих на разных территориях. Ф. Ратцель, например, считал, что горы и пространственная замкнутость вырабатывают у населения традиционализм, довольство малым, а равнины и море такие психические черты, как тоска по пространству, дух экспансии, с которой он связывал выживание наций и улучшение их географического положения. Учёный утверждал, что «история показывает нам осязаемо, до какой степени земля является базой политики».²⁰ Тем самым, Ф. Ратцель положил начало геополитической науке.

Другой разновидностью антропогеографических течений является французский POSSIBILИЗМ (от фр. *possibilite* – возможность), родоначальником которого принято считать географа и основателя французской научной школы «географии человека» Поля Видаль де ла Блаша. Основные теоретические работы учёного были обобщены в посмертно опубликованной его работе «Принципы географии человека». Центром внимания в его исследованиях стала не предпосылка, будто данная среда определяет тот или иной образ жизни человека, а постепенные исторические изменения, которым подвергается среда в результате смены образа жизни человека. Ландшафт для человека не просто продукт естественной последовательности событий, а результат его труда, создающего новые условия существования для грядущих поколений.

Проблемы влияния географического фактора на общественное развитие затронул Карл Маркс, в своем известном тезисе об «азиатском способе производства». Впервые этот тезис был использован им в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии». Он неоднократно упоминался К. Марксом в ряде других работ, являлся предметом его переписки с Ф. Энгельсом. В предисловии к труду «К критике политической экономии»

²⁰ Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. В 2 т. Т 1. / Ф. Ратцель. – СПб.: Брокгауз и Эфрон, 1906. – С. 232.

К. Маркс отнёс «азиатский способ производства» к первоначальной, азиатской социально-экономической формации, которая предшествует античной (рабовладельческой), феодальной и капиталистической формациям. Характеризуя «азиатский способ производства» К. Маркс выделил ряд определяющих его особенностей. Важнейшими среди них он полагал климатические, ландшафтные, почвенные и прочие географические особенности, обуславливающие необходимость применения широких общественных работ по сооружению и использованию противопаводковых, ирригационных и иных оросительных систем в условиях жаркого и засушливого климата азиатских стран. Соблюдение этих условий потребовало в дальнейшем централизованного планирования и управления, что в свою очередь привело к укреплению роли государства. Вполне очевидно, что такое объяснение К. Марксом «азиатского способа производства» подразумевало движение азиатских государств исключительно в направлении капиталистического пути развития, путём постепенного перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

В начале XX века много внимания обоснованию географического детерминизма уделяла последовательница Ф. Ратцеля, американская исследовательница Эллен Черчилл Семпл. В работах «Влияние географической среды на основе системы антропогеографии Ратцеля» и «Американская история и ее географические условия» она детально разработала собственную концепцию географического детерминизма, основная идея которой заключалась в том, что в основе общественного развития лежат изменения окружающей природной среды. Эта идея послужила исходным пунктом возникновения нового направления в науке получившего название экологического детерминизма или американского инвайронментализма (от англ. *environment* – «среда»).

Вследствие сказанного можно заключить, что западноевропейская школа географического детерминизма сформировала новое универсальное

понимание истории, которое объясняло общественное развитие практически полной её зависимостью от геоприродных и климатических факторов и которая оказала значительное влияние на формирование аналогичных идей в России.

1.2 . Распространение идей географического детерминизма в России

Русские мыслители прошлого, так же как и зарубежные, обращали своё внимание на проблему географических и социокультурных детерминирующих факторов в развитии общества, стремясь обосновать как их своеобразие, так и взаимосвязь. Древнерусские литературные памятники «Повесть временных лет», «Поучения Владимира Мономаха» и др. дают право утверждать, что славяне высказывали идеи о влиянии географической среды на существование славянских племён. Сами названия «поляне», «древляне», «северяне» уведомляют нас о разности их географического положения и жизненного уклада. В «Повесть временных лет» акцентируется привязка славян к речному торговому пути, который пролегал по Волге и Дону, что отражает влияние на славянские племена ландшафтов. Общим мотивом древнерусской мысли является идея объединения народов, которая отражает осознание особенностей географической среды, вмещающей и объединяющей славянские племена. В наше время её точно отразил Л.Н. Гумилев: «Экономико-географическое единство региона, в котором сочетались зональные и а зональные ландшафты, (речные долины) определяло необходимость создания целостной хозяйственной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую».²¹

Таким образом, исторические предпосылки возникновения и развития геосоциологических идей в России раскрылись с появлением своеобразного умонастроения, направленного на доказательство исторического,

²¹ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2007. – С. 436.

этнического, культурного единства славянских народов, как особого геоприродного и социокультурного мира. Однако следует отметить, что географический фактор в русских летописных текстах встречается фрагментарно, эпизодически, и не в одном из древних текстов, как методологический принцип, не встречается.

Первым в ряду отечественных мыслителей, кто поставил в своих трудах проблему учёта взаимосвязи геоприродных и социокультурных факторов в объяснении исторических событий на научную основу, следует назвать талантливейшего из русских людей XVIII века, Василия Никитича Татищева. В.Н. Татищев был энциклопедически образованным человеком, хорошо знающим современную ему научную и философскую литературу. В своих трудах он опирался на сочинения Х. Вольфа, Г. Гроция и П. Бейля, ссылаясь на произведения Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка и П. Боккалини.

В.Н. Татищев первым в русской науке дал объяснение особенностям русского исторического процесса и осуществил попытку найти закономерности в развитии человеческого общества. В своём обобщающем труде «История Российская» он писал: «И хотя некоторые полагают, что поскольку события или деяния это всегда дела, учинённые людьми, значит, приключения естественные или сверхестественные не должны рассматриваться, но внимательно разобравшись всякий поймёт, что не может быть приключения, чтоб могло деянием назваться, ибо ничто само собою и без причины или внешнего действия приключиться не может. Причины же всякому приключению разные, как от Бога, так и от человека. Кому интересно изъяснение сего, советую ознакомиться с «Физикой» и «Моралью» господина Вольфа».²²

В 1720 г. по приказу царя Петра I В.Н. Татищев стал руководителем горнозаводской промышленности Урала и Сибири. Кроме руководящей деятельности, В.Н. Татищев активно занимался научными изысканиями.

²² Татищев В. История Российская. В 3 т. Т 1. / В. Татищев. – М.: АСТ, 2003. – С. 5.

Его исследования в области географии Урала сделали этот край наиболее изученным по сравнению с другими районами России. Его Работы о природе и её охране, о климате, почвах, полезных ископаемых, хозяйстве и населении Урала представляют до сих пор большой научный интерес. Известный российский историк географии М.С. Боднарский определяя В.Н. Татищева как первого из русских географов, писал: «Татищев вместе с Ломоносовым положил начало научно-теоретической разработки отечественной географии».²³

Труды В.Н. Татищева оказали значительное влияние на всю последующую русскую науку. В частности, они сформировали научные взгляды русского историка, гуманиста и государственного деятеля, Ивана Никитича Болтина. И.Н. Болтин много путешествовал по России, что позволило ему собрать обширный запас сведений о российской действительности. В результате своих философских и исторических изысканий, а так же под воздействием научной полемики, которую И.Н. Болтин вёл с членом Российской академии наук князем М.М. Щербатовым, у него сформировались собственные представления о ряде общих закономерностей развития общества, в частности Российского. Свои мысли он изложил в работах «Критические примечания на Историю князя Щербатова» и «Ответ генерал-майора Болтина на письмо Щербатова, сочинителя Российской истории».

Для И.Н. Болтина русская история представлялась как процесс управляемый законами общими для всех народов. Одним из определяющих факторов развития общества И.Н. Болтин считал природно-климатический фактор, который оказывает влияние на формирование культуры и нрава людей. Он находил, что главное влияние на человеческие нравы, качества сердца и души имеет климат, а различные состояния климата производят перемены в теле и душе человека, которые очень тесно сопряжены между

²³ Боднарский М.С. Словарь географических названий / М.С. Боднарский. – М.: Гос. уч.-пед. изд., 1947. – С. 68.

собой. В этой связи он заключает, что особенный российский климат сформировал особенный русский нрав и национальный характер, являющийся фундаментом на котором строится государственный порядок.

Россия для И.Н. Болтина страна с самобытной культурой, ни в чем не похожая на другие европейские государства, потому, что слишком различны её «физические местоположения» и совсем иначе сложился ход её истории.

Яркую страницу в разработку русской общественной мысли об определяющем влиянии географических условий на судьбу России вписал Пётр Яковлевич Чаадаев, русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. В 1829-1831 годах П.Я. Чаадаев создает свои знаменитые «Философические письма», в которых выразил свою философию истории, философское осмысление исторического процесса, где указывал на огромную роль географического фактора в жизни людей. Эту мысль философ отчётливо сформулировал в статье «Апология сумасшедшего»: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе так сказать всю нашу философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и тоже время и существенным элементом нашего политического величия, и истинно причиной нашего умственного бессилия: — это факт *географический*».²⁴ Суровые климатические условия, по мнению П.Я. Чаадаева, детерминировали тяжёлые условия жизни российского народа и, как следствие, преобладание материального начала жизни русского общества над духовным и нравственным его состоянием.

Достойное место в плеяде русских мыслителей XIX века воплотившего лучшие черты своего века, занимает фигура крупнейшего русского историка и просветителя, Николая Михайловича Карамзина. За свои пятьдесят девять

²⁴ Чаадаев П.Я. Сочинения / П.Я. Чаадаев. — М.: Правда, 1989. — С. 154.

лет Н.М. Карамзин прожил интересную, полную динамизма и творчества жизнь. Официальное звание придворного историографа, полученное Н.М. Карамзиным в 1803 г. по указу царя Александра I, позволило ему приступить к осуществлению давнего замысла – написать русскую историю. Работа по созданию крупнейшего исторического полотна, занявшая без остатка последние 23 года жизни Н.М. Карамзина, получила название «История государства Российского» и стала главным итогом его творчества. Н.М. Карамзин, как и его знаменитые предшественники В.Н. Татищев и И.Н. Болтин, одним из определяющих факторов формирования культуры и нравов людей считал климатический фактор. «Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию, как замечают медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, – слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха, и терпением укрепляется. Таковы были древние Славяне по описанию древних историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неустрашимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду».²⁵

Принцип географического детерминизма к объяснению геосоциокультурных процессов происходящих в России, в качестве исследовательского метода, использовал выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьёв. Вся научная и педагогическая деятельность С.М. Соловьева связана с Московским университетом. Здесь более тридцати лет он работал профессором, возглавляя кафедру русской истории. Столько же лет он писал свой труд «История России с древнейших времён» – шедевр русской исторической науки в котором, к обоснованию особенностей

²⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: Альфа-Книга, 2011. – С. 32.

отечественной истории, географический детерминизм был применён наиболее полно.

«Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Чёрного и от Балтийского моря до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чём резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведёт народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев, верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению. И равнина, как бы ни была обширна, каким бы не было разноплеменным её население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними».²⁶ Связь между древнерусским этносом и географической средой здесь представляется очевидной. Этим самым, философско-методологической основой взглядов С.М. Соловьёва, благодаря которой обнаруживается объективная связь между естественными условиями географической среды и характером хозяйствования восточных славян, оказывается принцип детерминизма, позволивший связать ему в единое целое географическую среду «обитания» восточных славян с особенностями их хозяйственной и культурной жизни.

Важным методологическим моментом в учении С.М. Соловьёва является так же то, что сравнивая условия природно-климатических зон Западной и Восточной Европы (т.е. территории России), он указывал на их явные различия и связанную с этим заметную разницу в историческом и социокультурном развитии. Длинная береговая линия Атлантики, удобство естественных внутренних сообщений, отсутствие громадных и подавляющих размеров во всём, мягкий климат без африканского зноя и азиатского мороза

²⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 14. / С.М. Соловьёв. – М.: Колокол-Пресс, 1993-1998. – С. 33.

выгодно отличает Западную Европу от других частей света и является, по мнению С.М. Соловьёва, причиной блестящего развития европейских народов.

Положительные результаты поиска взаимосвязи природы и общества и их философское обоснование дают исследования другого крупнейшего русского историка Василия Осиповича Ключевского. Более 36 лет жизни В.О. Ключевский отдал Московскому университету, работая сначала в качестве приват-доцента, а затем профессора. В своих 86 лекциях «Курса русской истории» в определенном смысле В.О. Ключевский повторяет своего учителя С.М. Соловьёва, однако сравнительная характеристика Европы и Азии у В.О. Ключевского представлена в более объемной и яркой форме, с точки зрения потенциальных возможностей человеческой деятельности. «Две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: это, во-первых, разнообразие форм поверхности, и, во-вторых, чрезвычайно извилистое очертание морских берегов. Известно, какое сильное и разностороннее действие на жизнь страны и ее обитателей оказывают обе эти особенности. Европе принадлежит первенство в силе, с какой действуют в ней эти условия. Нигде горные хребты и равнины не сменяют друг друга так часто, как на таких сравнительно малых пространствах как в Европе. С другой стороны, глубокие заливы, далеко выдавшиеся полуострова, мысы образуют как бы береговое кружево западной и южной Европы. Здесь на 30 квадратных миль материкового пространства приходится одна миля морского берега, тогда как в Азии одна миля морского берега приходится на 100 квадратных миль материкового пространства. Типичной страной Европы в обоих этих отношениях является южная часть Балканского полуострова – древняя Эллада...Россия – я говорю о Европейской России – не разделяет этих выгодных природных особенностей Европы, говоря точнее, разделяет их в одинаковой степени с

Азией».²⁷ Правота В.О. Ключевского очевидна в том, что удобное географическое положение Европы, несомненно, играло положительную роль в развитии общественных отношений, особенно в прошлом, когда зависимость человека от природы была особенно велика.

Важным методологическим элементом у В.О. Ключевского является так же и то, что процесс взаимодействия природы и общества он рассматривал сквозь призму влияния человека на окружающую среду. В этой связи справедливым представляется его мнение не только о благоприятных, но и об «угрожающих явлениях», связанных с воздействием человека на окружающую среду. Он был одним из первых в XIX веке, кто обозначил проблему обязательного учёта гармоничной взаимосвязи законов природы с производственными усилиями человека. Сознавая, что нарушение этой гармонии губительно для природы, учёный предупреждал: «Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности: увеличивая и регулируя энергию физических сил нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение. Иначе природа станет в противоречие сама с собой, и будет противодействовать видам человека, одной рукой разрушая то, что создала другой, и географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при неосмотрительном с ними обращении могут превратиться в помехи народному благосостоянию. Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: её сравнительно легко вывести из равновесия».²⁸ Слова В.О. Ключевского служат своего рода предостережением нам, его потомкам, что природу легко вывести из равновесия неумелыми действиями, разрушающими взаимодействие её естественных сил.

К весьма оригинальным выводам в понимании общественного развития приходил Константин Николаевич Леонтьев, самобытный русский философ,

²⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М.: Альфа-книга, 2009. – С. 28-29.

²⁸ Ключевский В.О. Указ. соч., С. 46.

писатель и общественный деятель, взгляды которого сформировались под влиянием русского философа и учёного Н.Я. Данилевского. Это влияние, по утверждению профессора В.В. Зеньковского, «пришло тогда, когда основные идеи Леонтьева уже сложились: Данилевский лишь укрепил Леонтьева в его историософских и политических взглядах, которые слагались у Леонтьева самостоятельно».²⁹ Историки русской общественной мысли утверждали связь идей К.Н. Леонтьева с органицизмом Н.Я. Данилевского, которую сам философ не отвергал. К.Н. Леонтьев рассматривал историю как естественный процесс рождения, развития, старения и гибели культуры и в этом просматривается связь его идей с концепцией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Однако К.Н. Леонтьев не соглашался с утверждением Н.Я. Данилевского о непередаваемости культурных начал от одного культурного типа к другому, полагая, что хотя в целом тип культуры не передаётся, но «кусками» – а именно религия, обычаи, философия, стиль искусства, государственные законы, – передаются легко.³⁰ К.Н. Леонтьев обладал даром эволюционного прогнозирования и предсказанием отдалённой перспективы развития общества. В XIX веке в России много писалось об отрицательных последствиях научно-технического прогресса о гармонии человека и природы. В связи с этим в среде русской интеллигенции возникло «умонастроение», получившее название «русского космизма». Н.Я. Леонтьев к космистам не относился, однако высказывал созвучные им мысли. Он твердо выступал против «всего этого физико-химического, умственного разврата, против этой страсти орудиями мира неорганического губить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное многообразие, животный мир и самое

²⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т.1. / В.В. Зеньковский. – Ростов на / Д.: Феникс, 2004. – С. 505.

³⁰ См.: Емельянов Б.В. Русская философия в портретах Екатеринбург / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. – С. 213-214.

общество человеческое, долженствующее быть организацией сложной, округлённой наподобие организованных тел природы».³¹

Особое внимание среди представителей русской географической школы вызывает фигура Петра Алексеевича Кропоткина, крупнейшего революционера и теоретика анархизма, известного так же и как выдающегося учёного. Окончив с отличием в 1862 году Пажеский корпус, П.А. Кропоткин был произведён в офицеры. Перед ним открывалась блестящая офицерская карьера, однако, П.А. Кропоткин добровольно избрал военную службу в Сибири, в Амурском конном казачьем войске. Именно там произошло его становление как учёного-натуралиста, исследователя природы, путешественника. П.А. Кропоткин принял участие в нескольких научных экспедициях, обследовавших область Северной Маньчжурии, неизвестные на тот момент северные склоны Восточного Саяна, районы центральной части Восточной Сибири. По их результатам им было создано множество научных трудов, за которые Русское географическое общество присудило молодому исследователю Золотую Константиновскую медаль. П.А. Кропоткин познакомился с крупнейшими русскими путешественниками и географами Н.Н. Миклухо-Маклаем, Н.М. Пржевальским, А.П. Федченко, оказавшие значительное влияние на его становление как учёного. Своими работами П.А. Кропоткин способствовал становлению таких научных дисциплин, как геотектоника, геоморфология, палеогеография, гляциология. Его книга «Исследования о ледниковом периоде» считается классическим, фундаментальным трудом, и современные географы в своих работах часто ссылаются на неё. Однако наибольшее воздействие на формирование его научных взглядов оказало творчество Г. Бокля, под влиянием которого в основном сформировалась геосоциологическая концепция П.А. Кропоткина, ставшая ядром его философского и естественнонаучного мышления, в частности, этнологических представлений учёного. Особый интерес

³¹ Цит. по: Корольков А.А. Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного процесса / А.А. Корольков // Философские науки. – 1991. – № 11. – С. 117-118.

представляют мысли учёного о закономерностях развития этносов и их зависимость от географической среды. Объясняя географическими факторами первоначальный «пусковой механизм» истории человечества, в том числе его этнической истории, П.А. Кропоткин ими не ограничился. Действительно, наивно представлять, что почвой, климатом и другими элементами географической среды можно объяснить все в жизни человеческого общества. Поэтому, какие бы конкретные этнологические проблемы П.А. Кропоткин не рассматривал, всегда в его анализе присутствовал как географический, так и метагеографический фактор. В разных случаях по-разному и в разных пропорциях: где-то мог превалировать географический фактор, а где-то на передний план выступали – метагеографические факторы, в которых исследователь отстаивал необходимость изучения географических представлений тех или иных этносов, социальных групп или отдельных личностей.³²

Глубокие для своего времени идеи об определяющих факторах формирования и развития общества высказывал оригинальный русский мыслитель Максим Максимович Ковалевский. Научные взгляды М.М. Ковалевского сформировались под влиянием позитивизма Г. Спенсера, с которым русский учёный был лично знаком. Он так же знал близко К. Маркса и Ф. Энгельса, однако их учение М.М. Ковалевский не принял, полагая неверным односторонний подход в определении системообразующих факторов в развитии общества, главным из которых в марксизме, с точки зрения М.М. Ковалевского, был фактор экономический. Определяя общую формулу поступательного движения общественной жизни, он полагал одинаково важными и равнозначными экономические, психологические, этнографические, демографические, технологические и прочие условия. Например, устанавливая значение географических

³² См.: Пустарнаков В.Ф. Проблемы этнографии и этнологии в геосоциологической концепции П.А. Кропоткина / В.Ф. Пустарнаков // Труды Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. – М., 1997. – Вып. 2: Идеи П.А. Кропоткина в социально-экономических науках. – С. 110-126.

и социокультурных факторов, он писал: «Если мы станем говорить о влиянии климата или почвы на развитие учреждений, то нам придётся принять во внимание расслабляющее влияние слишком жаркой температуры, благодаря чему ни одна культура не могла упрочиться на продолжительное время в стране с тропическим климатом; мы примем во внимание и воздействием чрезмерно сурового климата – и всё это приведёт нас к заключению, что культурное развитие могло сделаться достоянием народов, занимающих одну умеренную климатическую полосу».³³

Русская интеллектуальная мысль XIX века богата одарёнными мыслителями, чьи работы поражают глубиной мысли и необыкновенным даром предвидения. К таковым, безусловно, нужно причислить практически забытого в настоящее время русского учёного, философа и экономиста, Василия Павловича Воронцова. Биографические данные о нём крайне скудны. Известно, что он родился в 1847 г. в семье мелких дворян Екатеринославской губернии. Высшее образование получил в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Принимал активное участие в народническом движении, за что неоднократно подвергался арестам. По свидетельству писателя И.А. Бунина, В.П. Воронцов являлся «столпом народничества, ведшим ожесточённую борьбу с представителями «легального марксизма» Туган-Барановским и Струве».³⁴ Именно с В.П. Воронцовым, как одним из лидеров народничества, 9 января 1894 года в Москве сошёлся в своём первом теоретическом споре между марксистами и народниками молодой В.И. Ленин. За сорок лет творчества им было опубликовано свыше 25 книг и брошюр, представлявших в то время огромный интерес для читающей публики. Общефилософской точкой зрения В.П. Воронцова являлось убеждение в том, что России не обязательно повторение форм пройденных Европой. Он настаивал, что Россия способна

³³ Ковалевский М.М. Социология. Соч. в 2 т. Т. 1. / М.М. Ковалевский. – СПб.: Алетея, 1997. – С. 59.

³⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 280.

не просто догнать, но и перегнать Запад, опираясь на культурные традиции и ценности, которые она выработала тысячелетним ходом истории. Прежде всего, это ценности коллективизма, на которых базировались традиционно русские формы хозяйствования – общины, артели, кустарные промыслы народного производства. Другими словами В.П. Воронцов теоретически пытался обосновывать некапиталистический путь развития России. Указывая на факты, определяющие данный путь развития он писал, что «первый из этих фактов мы находим в географическом положении страны».³⁵ Далее он указывал, что огромная протяжённость территорий, «вследствие чего сокращается лето – время удобное для сельскохозяйственных работ, и удлиняется зима – мёртвый земледельческий сезон», бездорожье, недостаток влагообеспечения делает невозможным развитие животноводства и товарного производства зерна, чтобы на равных конкурировать на внешнем рынке с развитыми капиталистическими странами. Отсюда вытекает необходимость формирования внутреннего рынка и протекционистского механизма защиты отечественных рынков от иностранных конкурентов».³⁶

Таким образом, возникновение и развитие географических идей в России связаны с доказательством исторического, этнического, культурного единства славянских народов, как особого геоприродного и социокультурного мира. Именно учёт геоприродных и социокультурных факторов, а так же утверждение их равнозначности, являлись важнейшими положениями, (на которое опирались русские мыслители, размышляя о детерминирующих факторах в развитии российского общества) ставшими концептуальным ядром отечественной геосоциологической парадигмы. Наиболее полно формирование базисных идей отечественной геосоциологической парадигмы состоялось, прежде всего, в рамках концепции цивилизаций Льва Ильича Мечникова и Николая Яковлевича Данилевского, к историко-философскому анализу которых мы и переходим.

³⁵ Воронцов В.П. Интеллигенция и культура / В.П. Воронцов – М.: Астрель, 2008. – С. 643.

³⁶ Воронцов В.П. Указ. Соч., С. 643.

1.3. Формирование базисных идей отечественной геосоциологической парадигмы в концепции цивилизаций Л.И. Мечникова

Как отмечалось, в истории формирования отечественной философской мысли делались неоднократные попытки обосновать культурное своеобразие и уровень развития цивилизаций внешними естественными условиями жизни: количеством солнечного тепла, рельефом местности, почвой, растительностью, водной средой. Обращение к географическому фактору было следствием усиливающегося влияния идей естествознания на общественную мысль, а также попытками объяснить естественнонаучными методами социальный прогресс. В этом русле выстраивали свои концепции многие русские ученые. К их числу необходимо отнести творчество видного философа, географа и этнографа Льва Ильича Мечникова.

«Громадные умственные данные, блестящая феноменальная память, необыкновенное трудолюбие и замечательная способность усвоения фактического материала давали ему возможность исполнять единолично такую гигантскую работу, какой хватило бы на несколько обыкновенных работников, трудящихся исподволь и помаленьку».³⁷ Такую характеристику дал Л.И. Мечникову его первый биограф М.Д. Гродецкий. Имя Л.И. Мечникова, как талантливого публициста, было широко известно в среде читающей российской и зарубежной интеллигенции второй половины XIX века. Однако в советский период его и научное и литературное творчество было практически в полном забвении, а если и упоминалось, то (за небольшим исключением) в сопровождении сомнительных комментариев.

Родился Л.И. Мечников 18 мая 1838 г. в Петербурге в семье Ильи Ивановича Мечникова, харьковского помещика, происходившего из старинного молдавского боярского рода. Мать – Эмилия Львовна, урождённая Невахович, была дочерью известного публициста и просветителя

³⁷ Евдокимов. В.И. Феномен Льва Мечникова / В.И. Евдокимов // Л.И. Мечников. Цивилизации и великие исторические реки – М.: Айрис-пресс, 2013. – С. 5.

Льва Николаевича Неваховича. Именно в честь деда Льва Неваховича и был назван будущий учёный. Его младшим братом был всемирно известный физиолог, лауреат Нобелевской премии, Илья Ильич Мечников. До 1852 г. Л.И. Мечников был воспитанником петербургского училища правоведения, однако из-за болезни ему пришлось оставить учёбу и перебраться к родителям в Харьков, где он и получил первоначальное образование в гимназии. По её окончании Л.И. Мечников поступил в Харьковский университет на медицинский факультет, но за участие в студенческих волнениях был исключён с первого курса. Стремление к знаниям привело его в столицу. Там сначала Л.И. Мечников поступил в Медико-хирургическую академию и Академию художеств, так как ещё с детства увлекался живописью, а затем в Петербургский университет на физико-математический факультет, где одновременно стал изучать языки на восточном факультете. «Я знаю, что вы будете меня бранить и вот почему: начал я слушать лекции в военно-медицинской академии, на физико-математическом факультете университета и в академии художеств. Но сейчас, дорогие мои, не это главное. Я взялся за изучение персидского, турецкого и арабского языков и, честно говоря, сделал заметные успехи».³⁸ Необыкновенные лингвистические способности и феноменальная скорость овладения иностранными языками проявились у него еще в раннем детстве, позднее позволившие ему овладеть практически всеми европейскими и основными восточными языками.

В 1858 г. по той же самой причине, что и в первый раз, его исключили из всех высших учебных заведений Петербурга. В том же году Л.И. Мечников уехал на Ближний Восток в качестве переводчика при русской дипломатической миссии Б.П. Мансурова. Однако его служебная карьера сложилась не очень удачно. Молодой переводчик рисовал карикатуры на начальство, а затем устроил дуэль с сослуживцем, в результате чего был отстранен от службы. Постоянно нуждаясь и в поисках средств к существованию, он переменил множество родов занятий, побывав

³⁸ Карташёва И.С. Дороги Льва Мечникова / И.С. Карташёва. – М.: Мысль, 1981. – С. 8.

чуть ли не во всех частях света. В 1860 г. Л.И. Мечников оказался в Италии, где вступил в революционные войска Д.Д. Гарибальди. В одном из боев, командуя артиллеристской батареей, он чуть не погиб, получив тяжёлое ранение.

Отойдя от участия в военных действиях, Л.И. Мечников продолжал еще несколько лет жить в Италии, не порывая связей с итальянскими революционерами. В это же время он начал проявлять интерес к публицистике – писал для «Современника» и «Русского вестника» и даже сам издавал газету «Flegello» («Бич»). В 1856 г. Л.И. Мечников переехал в Швейцарию, где сблизившись с А.И. Герценом и М.А. Бакуниним, вступил в анархистскую секцию I Интернационала. По поручению секции он вёл большую пропагандистскую работу: выступал с лекциями и докладами, писал статьи на политические темы в газеты и журналы, выполнял рискованные поручения по организации революционных сил в Италии и Испании.

Несмотря на активную литературную деятельность, денег Л.И. Мечникову постоянно не хватало, поэтому он с радостью принял приглашение, посетившей в 1873 г. Женеву японской миссии, организовать в Японии русскую школу для самураев Сацумского княжества. Изучив (за один год!!!) японский язык он в 1874 г. отбыл в Японию. Организация школы не удалась, и ему было предложено возглавить русское отделение Токийской школы иностранных языков, где он преподавал математику, русский язык и историю. Там же Л.И. Мечниковым была организована кафедра социогеографии, ставшая впоследствии ядром японской академической социологии.

Итогом его двухлетнего пребывания на японских островах стала выполненная им, уникальная по своему научному значению, работа «Японская империя». В ней Л.И. Мечников впервые изложил новый подход к описанию территории, а именно: детальная характеристика природно-климатических особенностей изучаемой страны, описание населяющих её

народов и их культуры и формирующуюся на этой основе историю изучаемого объекта.³⁹ Именно этот исследовательский метод, ставший концептуальным ядром его геосоциологической концепции, был использован им позднее в работе «Цивилизация и великие исторические реки». В дальнейшем, уже в XX веке, подобный метод исследования территорий использовался евразийцами, в их концепции «месторазвития»⁴⁰ и Л.Н. Гумилёвым в его теории этногенеза.⁴¹ В современной науке преобладает иной, утилитарный подход в описании территории изучаемого объекта, а именно с точки зрения его практической полезности и возможной дальнейшей эксплуатации.

Вернувшись в 1876 г. в Швейцарию, Л.И. Мечников целиком ушёл в науку. Вместе с П.А. Кропоткиным он принял участие в работе над фундаментальным трудом «Земля и люди» известного французского учёного Э. Реклю. С 1883 г. и до последних дней жизни Л.И. Мечников занимал кафедру сравнительной географии и статистики в Невшательской Академии наук в Швейцарии. Одновременно он работал над собственным научным трудом «Цивилизация и великие исторические реки», благодаря которому его имя стало широко известным научному миру.

Выход в свет основного труда Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» была изданная в 1889 г. в Париже спустя год после смерти автора, пробудил особый интерес в учёном мире, как в России, так и за рубежом. Философ В.С. Соловьёв, определив её как «замечательную книгу», писал: «Схема Мечникова, внушённая ему, как он сам признаётся, некоторыми немецкими географами, но развитая им с несомненной оригинальностью, выгодно отличается от других подобных трихотомий, например, от мнимого исторического «закона трех фазисов» у Авг. Конта

³⁹ См.: Евдокимов, В.И. Феномен Льва Мечникова / В.И. Евдокимов // Л.И. Мечников. Цивилизации и великие исторические реки – М.: Айрис-пресс, 2013. С. 22-23.

⁴⁰ См.: Савицкий П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Философские науки. – 1991. – № 12.

⁴¹ См.: Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 560 с.

большею определённою и фактической бесспорностью своей главной основы».⁴² Историк П.Г. Виноградов, сообщая о выходе книги, писал: «Во всём этом столько новых и блестящих идей, что посмертный труд Мечникова должен обратить на себя внимание учёного мира».⁴³ М.М. Ковалевский обратил внимание на «соображение высказанное Львом Мечниковым, что несмотря на различия в климате, Египет, Индия, Месопотамия и Китай одинаково явились колыбелью цивилизации, выработали более или менее сходные типы военных деспотий и теократий».⁴⁴ Высокую оценку его научной концепции дал Г.В. Плеханов: «Нисколько не преувеличивая дела можно сказать, что книга Л.И. Мечникова затрагивает самые основные вопросы философии истории и для некоторых из них дает вполне удовлетворительное решение. Кроме того, она положительно изобилует чрезвычайно меткими замечаниями по частным, второстепенным вопросам науки», и там же: «Французская литература далеко не бедна серьезными сочинениями по истории и географии, а между тем и в ней книга нашего покойного соотечественника является важным приобретением».⁴⁵

Выход книги Л.И. Мечникова совпал с формированием различных школ в социогуманитаристике, в центре интересов которых находился вопрос об определяющих источниках развития общества. Учёные по-разному понимали эту проблему, поэтому единой точки зрения на этот счёт не существовало. Одни видели определяющий источник социального прогресса в законе жизненной конкуренции, направляемой естественным отбором, другие анализировали проблему сквозь призму аналогий между органическими и социальными образованиями. Для Л.И. Мечникова же основным источником, определяющим ход общественного развития,

⁴² Соловьёв В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. / В.С. Соловьёв. – М.: Правда, 1989. – С. 323-324.

⁴³ Виноградов П.Г. Рецензия на книгу Мечникова Л.И. «Цивилизация и великие исторические реки» / П.Г. Виноградов // Северный Вестник. – 1892. – № 6. – С. 34-44.

⁴⁴ Ковалевский М.М. Географическая школа в социологии / М.М. Ковалевский // Социология. Соч. в 2 т. – СПб.: Алетея, 1997. – Т. 2. – С. 366.

²⁶ Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. В 3 т. Т.1 / М.: Наука, 1973. – С. 29.

являлась географическая среда обитания человека, неразрывно связанная с освоением водных ресурсов.

Геосоциологическая концепция Л.И. Мечникова опиралась на методологию позитивизма. Дополнив его дарвинизмом, он разработал теорию исторического прогресса как одну из ключевых формул этой доктрины, в рамках которой изложил свои философские взгляды. Но использование биологического материала вовсе не означало, что Л.И. Мечников встал на позиции социал-дарвинизма, чрезвычайно распространённого в XIX в. Он был уверен, что «с Дарвиным знание органической природы делает гигантский шаг вперёд, совершенно соответственный тому, который был сделан в области неорганических наук с открытием закона всемирного тяготения»,⁴⁶ и что влияние дарвинизма на научное и философское развитие новейшего времени велико и разносторонне. Вместе с тем Л.И. Мечников был также уверен и в невозможности отождествления области органической и социальной, несмотря на их тесное взаимодействие. «Мир общественный не лежит над миром биологическим в форме прямолинейного, разграниченного пласта: оба эти мира, напротив, взаимно входят в друг в друга, сцепляются один с другим бесчисленным множеством корней и нитей, доходящих порой до микроскопических разветвлений, но ни в коем случае не сливаются и не отождествляются между собою».⁴⁷

Л.И. Мечников считал, что в теорию Ч. Дарвина, абсолютизированную его последователями, необходимо внести существенный корректив, усматривая его в том, что в природе кроме закона борьбы за существование существует так же закон солидарности, который является важнейшим элементом, как в эволюции органического мира, так и в общественном прогрессе. Определив для себя формулу исторического прогресса, как одну из важнейших в философии, ученый сделал вывод: «Человеческая история, лишённая идеи прогресса представляет лишь бессмысленную смену событий,

⁴⁶ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – С. 153-154

⁴⁷ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 164.

вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения».⁴⁸

Л.И. Мечников полагал, что «историческая наука довольствующаяся занесением на свои страницы фактов и деяний главнейших народов земного шара во всём их хронологическом беспорядке не может служить для обоснования теории прогресса, она может лишь доставить материалы для истории прогресса, но не больше. Задачу определения аriadниной нити, необходимой руководства в запутанном лабиринте исторических фактов, подлежащих исследованию, надлежит выполнить более абстрактной науке, которую принято теперь называть философией истории».⁴⁹

Доказательство существования общего прогресса в истории представлялось ему в очевидном прогрессе усовершенствования техники. Однако одним техническим прогрессом, в его понимании, понятие общего прогресса не исчерпывается. Кроме того, он считал, что неравномерное и скачкообразное его развитие не может служить верным критерием общего прогресса и мерой для оценки прогрессивной степени последовательных фазисов исторической эволюции.

Вопрос, откуда исходит и какими путями проявляется в истории прогресс, не представлял для Л.И. Мечникова особого интереса. Куда как более существенной задачей для него являлось определение, в чём он состоит и по какому точно определённом признаку можно узнать, прогрессирует ли данное общество. Он считал наиболее основательным доказательством существования общего прогресса в истории, непрерывную эволюцию социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности. Именно эти факты он полагал основными, в качестве критерия и признака общественного прогресса.

Вслед за позитивистами школы О. Конта Л.И. Мечников утверждал, что как нельзя свести биологию к физике или химии, так и проблемы социальной

⁴⁸ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников – М.: Голос труда, 1924. – С. 39.

⁴⁹ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 44.

жизни невозможно анализировать сквозь призму биологических законов. Таким образом, соглашаясь с позицией контовской школы, он считал необходимым ясно и определённо установить специфический закон социальной жизни, дать свой собственный критерий, при помощи которого в области социальных явлений, возможно, будет определить социальный прогресс так же безошибочно, как это делает биолог в своей области.

Л.И. Мечников видел наиболее характерной чертой всякой социальной жизни кооперацию, а наиболее существенным её признаком «отличие и противоположность принципа кооперации дарвиновскому принципу борьбы за существование».⁵⁰ Таким образом, подчеркивая в очередной раз своё отрицательное отношение к попыткам биологизации общественной жизни, Л.И. Мечников полагал, что между общественным прогрессом и эволюцией органической жизни существуют некоторые совпадения, заключающиеся в том, что общественный прогресс повторял стадии эволюции не на основе борьбы, а на основе кооперации объединённого труда.

Размышляя о различных видах сообществ и ассоциаций, наблюдаемых на различных ступенях морфологической лестницы, на самой низшей ступени среди первичных многоклеточных организмов, он видел кооперацию, выраженную в простой механической связи различным образом соединяющихся отдельных клеток организма. На очередной, более высокой ступени биологической лестницы кооперация, в силу физиологической необходимости, вытекает из невозможности для каждой отдельной особи или члена сосуществовать вне общения и сотрудничества с другими членами. Наконец, на высшей стадии отношения между животными становятся более свободными и добровольными. Почти по аналогии происходит и социальный прогресс в основе которого лежит рост и совершенствование различных форм кооперации. Другими словами «улучшение или прогресс социальных связей, в начальной стадии проявляющийся чисто механическим образом,

⁵⁰ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 50.

постепенно принимает всё более и более психологический характер и выливается в форму свободного союза».⁵¹

Как и природа, общество достаточно сложный в функциональном отношении социальный организм, включающий в себя разнообразные показатели определяющие уровень общественной жизни. Сюда можно отнести характер общественного устройства, состояние социальных учреждений, развитие научно-технического прогресса, семейно-брачные отношения и многое другое. В этой связи возникали определённые вопросы, связанные с пониманием причин, определяющих развитие и совершенствование человеческого общества. Почему одни племена объединяются в крупные государства с развитой политической системой, высоким уровнем науки, литературы и искусства, а другие остаются не совершенными? Почему места сосредоточения цивилизаций переносятся с одной территории земного шара на другую, а её носителями становятся народы, прежде находившиеся на низкой стадии развития?

Размышляя над, этим учёные приходили к самым разнообразным решениям и ответам. В большинстве своём, по утверждению Л.И. Мечникова, совершенно неудовлетворительным. Например, он считал большим преувеличением некоторых учёных, в оценке проблемы возникновения деспотизма, ссылки на милитаризм и войны. В частности, он приводит теорию Г. Спенсера, видевшего причину различия в судьбах народов в их милитаристических и экономических устремлениях. Л.И. Мечников полагал, что «гипотеза английского учёного основывается на преувеличенной оценке значения милитаризма. В действительности война является лишь эпизодом в истории и представляет частный случай всеобщей борьбы за существование».⁵²

Отвечая на вопрос о неравномерности прогресса, связываемый отдельными учёными с существованием исторических и неисторических

⁵¹ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 59.

⁵² Мечников Л.И. Указ. соч., С. 62.

народов Л.И. Мечников утверждал, что «дифференциация, т.е. неравенство людей в умственном и материальном отношении не является признаком прогресса цивилизации». ⁵³ Ряд учёных сводили проблему неравномерности прогресса к особым свойствам той или иной расы. Критикуя теорию известного учёного-антрополога Ш. Летурно об «отверженных» и «чистых» расах Л.И. Мечников указывал, что его взгляды мало чем отличаются от взглядов негроторговцев и бывших американских рабовладельцев. Что они не состоятельны в научном отношении хотя бы потому, что в результате продолжительного смешения и скрещивания многочисленных племён, невозможно говорить о так называемой «чистой расе». «В Азии, где народы и племена перебрасывались с востока на запад и с запада на восток несколько раз, человеческие расы так перемешались между собой, что крайне трудно сказать, какая раса была первоначальной и основной азиатской расой. В Африке тот же самый процесс повторялся то же несколько раз в течение жизни человечества. В Америке, где подобный процесс смешения и перемещения рас происходил уже в исторические времена, так же нельзя встретить представителей чистой первобытной расы, а лишь продукты бесконечных смешений и скрещиваний». ⁵⁴

Л.И. Мечников считал так же ошибочным мнение, ставившее общественное развитие в зависимость от сознательной деятельности людей понимая, что определить долю участия элемента свободы и разума в истории весьма затруднительно потому, что с большим трудом возможно отыскать в истории улучшение жизненных условий, осуществленные добровольными и сознательными усилиями людей. Если допустить, что сознание и воля являются основными двигателями исторического прогресса, тогда необходимо согласится и с вариантом того, что люди совершенно сознательно наложили на себя ярмо деспотизма, став рабами и крепостными.

⁵³ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – С. 259-260.

⁵⁴ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 295.

Ученый был убеждён, что часть прогрессивного движения, вызванная сознательными и разумными причинами, очень незначительна в сравнении с общей массой прогрессивного движения, происходящего фатально, благодаря стечению непредвиденных обстоятельств. Прогресс был бы очень непрочным явлением, если его единственной причиной и, следовательно, единственной гарантией осуществления являлась добрая воля немногих избранных.

В понимании западноевропейских последователей географического детерминизма ландшафтно-климатическая среда определяет психический склад проживающего в ней человека и является двигателем истории. Однако ими игнорировался тот факт, что человек как общественное существо формируется в гораздо большей степени под влиянием социальной среды, чем под прямым воздействием природы. Он подчёркивал: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений, и их последующей эволюции, следует искать не в самой среде, а в соотношениях между самой средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности».⁵⁵

Таким образом, Л.И. Мечников пытался раскрыть механизм взаимодействия природы и общества, который являлся наиболее оригинальной стороной его концепции. Для него было предельно ясно, что географическая среда с течением времени изменяется крайне медленно, тогда как общество прогрессирует сравнительно быстро, поэтому ставить общественный прогресс в абсолютную зависимость от природно-климатических условий было бы неразумно поэтому для Л.И. Мечникова «историческая ценность той или иной географической среды, предполагая даже, что она в физическом отношении при всех обстоятельствах остаётся неизменяемой, тем не менее, бывает различна в разные исторические эпохи, в

⁵⁵ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников – М.: Голос труда, 1924 – С. 69.

зависимости от способностей обитателей к добровольному, солидарно-кооперативному труду».⁵⁶ Суть вопроса для него сводилась не столько к влиянию среды, сколько к тому, в каких формах ассимилируется среда посредством трудовой деятельности людей. Другими словами двигателем общественного прогресса, по его мнению, является потребность человека к трудовой деятельности, а физико-географическая среда в данном случае либо содействует прогрессу, либо является его тормозом. Именно географическая среда и способность людей к приспособлению через организацию коллективного труда подвержены изменениям, откуда с необходимостью следует, что исторические судьбы народов разных стран тоже должны меняться.

Характер воздействия окружающей среды на общество определяется влиянием ряда некоторых условий, определённым образом сказывающиеся на социальном развитии. Наиболее значимыми среди них Л.И. Мечников считал климатические, физические факторы, влияние флоры и фауны. Астрономическим влиянием он объяснял формирование на поверхности земного шара нескольких климатических поясов, находящихся в неодинаково благоприятных условиях для развития в них органической жизни и исторических процессов. Он полагал, что околополярные области на крайнем севере и крайнем юге совершенно не пригодны для развития и образования мощных человеческих коллективов. Вот почему роль этих областей в истории человечества ничтожна. Это касалось, по его мнению, и жаркого пояса, так как роскошная флора и фауна создают все условия для жизненного изобилия и служат в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения. Л.И. Мечников был убежден в том, что человек «не сможет подняться здесь на более высокую ступень цивилизации, так как здесь отсутствует первое и самое необходимое условие для зарождения исторического прогресса – потребность постоянного и напряжённого труда... Все великие исторические цивилизации, по крайней мере, на материках

⁵⁶ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 69.

Старого Света сосредоточены исключительно в умеренном поясе»,⁵⁷ так как именно там созданы природой соответствующие для их возникновения условия и существует необходимость в постоянной трудовой деятельности.

Рассматривая влияние физической среды на социальное развитие, которую он представлял себе в виде трех составных частей: геосферы, гидросферы и атмосферы ученый считал, что сложные физические условия влияют на социальную жизнь людей самым различным образом, поощряя или затрудняя развитие солидарности и взаимопомощи между людьми. В подтверждение этому он указывал на целый ряд физико-географических преимуществ Европы обусловленных удачным её расчленением, слегка волнообразным рельефом её поверхности, направлением её главных горных хребтов параллельно экватору и, наконец, тем фактом, что её берега омываются теплым океаническим течением – Гольфстримом. Рассматривая значение растительного и животного мира, Л.И. Мечников указывал на его огромную роль в жизни человека и общества: «Сибирь и Маньчжурия способствует формированию охотничьих наклонностей у коренного населения или наоборот, население невольно становится пастушеским, если оно обитает среди обширных травяных степей, пампасов и прерий... Вся жизнь эскимоса, все моменты его отдыха и труда отмечены общением с китообразными животными, а тунгузы руководствуются в своих переселениях чутьём оленей... Значительная густота населения Китая Индии и Японии находится в прямой и непосредственной зависимости от применения там культуры риса».⁵⁸

Рассуждая о физико-геологических различиях в строении земной поверхности, о растительности и животном мире, климате и атмосфере учёный признавал, что ни один из природных факторов не должен оставаться без внимания. Огромной заслугой Л.И. Мечникова было то, что он всё разнообразие климатических, рельефных и прочих факторов привел к

⁵⁷ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 81.

⁵⁸ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 87-88.

общему главному знаменателю – к гидрологическому фактору. Он писал, что «хотел бы выяснить влияние физико-географической среды на развитие и прогресс цивилизации и попытаться найти общую синтетическую формулу, позволяющую выразить в кратких словах, отношения и взаимную связь, которые существуют между определённой физико-географической средой и различными стадиями социокультурной эволюции, между различными периодами коллективной истории человеческого рода».⁵⁹ Такой синтетической формулой для Л.И. Мечникова стало единство водного фактора, представленного реками, морями и океанами, которые более всего способствовали зарождению цивилизации.

Анализ роли гидрологического фактора в истории возникновения цивилизаций, ученый начинал с указания, что случайное на первый взгляд передвижение цивилизации из одной страны в другую в разные эпохи, изменение в течение истории культурных ценностей различных географических областей в действительности является строго закономерными и подчинёнными порядку. Географическая среда эволюционирует во времени и расширяется вместе с прогрессом цивилизации. Ограниченная в начале исторического периода не особенно обширными бассейнами больших рек, эта среда в известный момент охватывает побережья внутренних морей, а затем распространяется на океаны. Эта закономерность проявляется в том, что цивилизации впервые возникают в бассейнах великих рек, затем расширяясь, сосредотачиваются вокруг средиземноморских бассейнов и, наконец, выходят на простор океанов, охватывая обширные океанические побережья. Исходя из этого, Л.И. Мечников разделил историю развития цивилизаций на три периода. Первый период учёный относил к Древним векам и назвал его речными периодом. На основе собранного им материала по истории древневосточных культур учёный предположил, что именно «великие исторические реки» стали главной причиной зарождения и развития первых цивилизаций

⁵⁹ Мечников Л.И. Указ. соч., С. 129.

древности. «Река в его представлении, во всякой стране является выражением живого синтеза всей совокупности физико-географических условий: и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области».⁶⁰ «С первых шагов цивилизации великие исторические реки Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Хуанхэ и Янцзы наложили на жителей, населявших берега этих рек, своего рода ярмо исторической необходимости: народы, обитавшие в бассейнах этих рек, самими физико-географическими условиями были сразу прочно привязаны, как пленники к колеснице Джагернаута» к цивилизации и прогрессу».⁶¹

В чём же Л.И. Мечников видел секрет выдающейся роли этих великих, исторических рек? Размышляя над этим вопросом, он пришёл к выводу, что историческое значение рек отнюдь не пропорционально длине их течения или массе приносимой ими воды. Скорее можно утверждать, что наиболее мощные реки до сих пор почти не играли заметной исторической роли. В подтверждение этого учёный писал: «Река Евфрат, если даже считать её с притоком Мурад-чаем, все же является пигмеем в сравнении с Амазонкой, а из двух исторических рек Китая именно меньшую по справедливости следует считать творцом китайской цивилизации. Более длинная, чем Хуанхэ, Янцзы не достигает, однако, величины многих сибирских рек».⁶² Река Нил, по его мнению, хотя и находится в числе гигантов речного мира, но лишь по длине, а не по количеству воды.

Исследователь был убежден, что дело не в гигантских размерах рек, их силе и мощи. А в том, что исторические реки, в отличие от многих других рек Европы, Азии и Америки не ставших очагами цивилизаций, обладают одной характерной чертой, способной объяснить секрет их выдающейся исторической роли. «Все они обращали орошаемые ими области то в

⁶⁰ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 159.

⁶¹ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 143.

⁶² Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 160.

плодородные житницы, питающие миллионы людей, то в заразные болота, усеянные трупками бесчисленных жертв».⁶³

Чтобы выжить в условиях специфической географической среды этих рек, необходимы были общие усилия и старания прибрежного населения. Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость сооружения сложных ирригационных сооружений и управления ими толкало людей на путь кооперации, так как исключительная по своему характеру речная среда могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, дисциплинированным трудом больших масс людей. Л.И. Мечников считал, что именно суровая необходимость, продиктованная условиями географической среды, привела к возникновению древнейших речных цивилизаций.

Со вторым периодом формирования цивилизаций Л.И. Мечников связал эпоху Средних веков и назвал его средиземноморским периодом, который охватывал двадцать пять веков, со времени основания Карфагена до Карла Великого, и подразделялся в свою очередь, на две эпохи. Это «эпоха Средиземного моря, во время которой крупные очаги культуры представлены крупными олигархическими государствами Карфагена, Финикии, Греции, Рима и эпоха Морская, начинающаяся со времени основания Византии, когда в орбиту цивилизации втягиваются Чёрное море, а затем Балтийское».⁶⁴

Третий период истории цивилизаций Л.И. Мечников относил к Новому времени и определял его как этап океанический. Он характеризовался заметным перевесом западноевропейских государств, лежащих на побережье Атлантики расширяющий возможности человечества и связывающий континенты Земли в единую хозяйственную систему. В этом периоде Л.И. Мечников выделил две эпохи – «Атлантическую эпоху, от открытия Америки до момента «золотой лихорадки» в Калифорнии и в Аляске, широкого развития английского влияния в Австралии, с русской

⁶³ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 162.

⁶⁴ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – С. 337-338.

колонизацией берегов Амура, открытия для европейцев портов Японии и Китая и Всемирную эпоху, – едва только зарождающуюся в наши дни».⁶⁵

В соответствии с предложенной периодизацией, Л.И. Мечников рассматривал так же и изменение социально-политического жизни общества. Древним речным цивилизациям соответствует деспотический строй; средиземноморскому периоду – олигархическая форма правления; в океаническую эпоху, по мнению учёного, должны реализоваться демократические принципы, провозглашённые Великой французской революцией. Другими словами, изменение социально-политической строя и соответствующих форм правления, есть вполне закономерные исторические ступени, которые с необходимостью должны привести к построению справедливого и свободного общества, которое, по мнению Л.И. Мечникова, возможно только в условиях демократии.

Подобно Т. Боклю, задумавшему написать историю человечества, но по причине слабого здоровья ограничившемуся «Историей Англии», Л.И. Мечников признавал, дописывая книгу уже тяжело больным человеком, что ему совершенно не остаётся времени подробно, в деталях рассмотреть социально-политическую картину двух последних периодов – средиземноморского и океанического. Поэтому во всей полноте им был проанализирован только первый, речной период развития цивилизаций, которому он посвятил большую часть своей книги, в полном соответствии с её названием. Он писал в связи с этим, что «проблема, поставленная им слишком обширна, чтобы её можно было разрешить силами одного только человека и в одной только книге, вследствие чего он ограничивается лишь рассмотрением вопроса о развитии цивилизации в речных бассейнах».⁶⁶

Разумеется, при всей оригинальности взглядов Л.И. Мечникова на ход мировой истории не во всём с ними можно согласиться. Однако то, что он скорее всего был бы разочарован тем, в каких формах протекает в настоящее

⁶⁵ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 338.

⁶⁶ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 339.

время океаническая фаза всемирной цивилизации, выглядит вполне вероятно. Свидетельством этого являются его мысли о глобальном стремлении «европейской цивилизации стать универсальной, проникнуть во все даже глухие уголки земного шара и заглушить все местные различия»,⁶⁷ и «отчаянном и упорном сопротивлении многочисленных народов нашествию европейской цивилизации и стремящихся охранить себя от европеизма»,⁶⁸ которые не потеряли своей актуальности и в наши дни.

В заключении необходимо отметить, что основная идея, увязывающая географическую среду существования этносов с их социальным строем, особенностями культуры, положенная Л.И. Мечниковым в основу концепции цивилизаций, обладала несомненным теоретическим потенциалом и эвристичностью и имела огромное значение для формирования отечественной геосоциологической парадигмы. А его оценка роли природно-климатических условий для развития цивилизаций, имеет сегодня, пожалуй, ещё большую актуальность, чем в позапрошлом веке.

1.4. Историко-философский и методологический анализ концепции локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского как этап развития отечественной геосоциологической парадигмы

Пристальный интерес к творческому наследию Николая Яковлевича Данилевского связан в последнее время с современными философскими дискуссиями, в основе которых лежит сравнительный анализ проблем связанных с планетарным единством человечества и его культур с одной стороны и множественностью культур, не тяготеющих к единству, с другой. К сторонникам первой стороны дилеммы связанной с идеей универсальности, в которой прослеживается единая линия человеческой истории, ведущей к созданию общечеловеческой культуры, можно отнести

⁶⁷ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 284.

⁶⁸ Мечникова Л.И. Указ. соч., С. 284.

Ш. Монтескье, И. Канта, В.С. Соловьёва, К. Ясперса. Среди сторонников второй стороны обозначенной проблемы, можно выделить О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина, Л.Н. Гумилёва. Их творчество было объединено общим критическим взглядом на евроцентристскую модель и общим пониманием того, что единой истории человечества не существует. История осуществляется в смене культур, каждая из которых живёт своей собственной, самодостаточной жизнью, а сама модель всемирно-исторического развития представляет собой разнолинейный процесс, где линии развития культур расходятся. В русле идеи множественности культур осуществлял свою творческую деятельность Николай Яковлевич Данилевский.

Родился Н.Я. Данилевский 28 ноября 1822 г. на Орловщине, в семье героя Отечественной войны 1812 г. Якова Ивановича Данилевского. Любивший науку и литературу, отец всегда способствовал развитию в сыне склонности к серьезным занятиям. Первоначальное образование Н.Я. Данилевский получил в частных пансионах Москвы и Дерпта. В 1843 г. Н.Я. Данилевский стал вольнослушателем естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, который успешно окончил в 1848 г. Сдав магистерские экзамены, он стал готовиться к защите диссертации на тему «Орловская флора», которую ему не суждено было защитить, в связи с арестом и заключением в Петропавловскую крепость по делу М.В. Петрашевского. Как свидетельствовал философ В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский «оказались виновными в тяжком политическом преступлении: в домашних разговорах о крепостном праве и в потаённом чтении сочинений Ш. Фурье. Приговорённые за это к смертной казни, они были уже по прочтении приговора помилованы, т.е. смертная казнь была заменена другими наказаниями: от каторги до высылки в отдалённые города на обязательную государственную службу».⁶⁹

⁶⁹ Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьёв. – М.: Искусство, 1991. – С. 618.

Н.Я. Данилевский был выслан из Петербурга и определен в канцелярию вологодского губернатора в качестве чиновника по особым поручениям. В ссылке им были созданы два обширных научных труда «Климат Вологодской губернии» и «О движении народонаселения в России». В 1853 г. Н.Я. Данилевский принял участие в научной экспедиции под руководством знаменитого натуралиста К. Бэра, по изучению рыбных запасов на Волге и Каспийском море. По результатам научных исследований, кроме двух упомянутых монографий, им было опубликовано десятки научных статей, за которые он получил высшую награду Русского Географического общества – Золотую Константиновскую медаль. Кроме ихтиологии Н.Я. Данилевский интересовался ботаникой, зоологией, этнографией, статистикой. За работы в области языкознания его избрали членом Общества любителей российской словесности. В 80-х гг. он проявил себя как известный публицист, написавший множество злободневных статей, объединённых и опубликованных уже после его смерти в книге «Сборник политических и экономических статей». Незадолго до смерти, а умер он в Тифлисе 7 ноября 1885 г. от инфаркта, Н.Я. Данилевский начал работу над фундаментальным трудом «Дарвинизм. Критическое исследование», не успев завершить его.

Однако известность и всемирную славу русскому учёному принесла не карьера учёного-естествоиспытателя, а его знаменитый труд «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-романскому». Появление этой работы, по признанию многих отечественных и зарубежных специалистов, можно считать днем рождения цивилизационного подхода в истории философии. После её опубликования, вокруг труда Н.Я. Данилевского возникла широкая научная дискуссия, в которой приняли участие ряд известных русских философов, историков и публицистов. Мнение рецензентов разделились. Среди них были как его сторонники (К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов), так и его противники (В.С. Соловьёв, Н.И. Кареев). Общий негативный тон дискуссии задавал В.С. Соловьёв. Практически все его выступления в печати содержали резкие,

критические высказывания в адрес Н.Я. Данилевского, которого он определил для себя, как автора ультранационалистической книги. Саму «Россию и Европу» В.С. Соловьёв именовал, «самобытным продуктом нашей необразованности, как священную хоругвь для всех проповедников общественного развращения, старающихся сознательно и бессознательно извратить и подорвать духовные силы России».⁷⁰ В статье «Немецкий подлинник и русский список», сравнивая мысли Н.Я. Данилевского и немецкого историка Г. Рюккерта, В.С. Соловьёв обвинил Н.Я. Данилевского чуть ли не в плагиате. Что он якобы полностью позаимствовал свою теорию культурно-исторических типов у немецкого учёного: «Остаётся в силе тот факт, что идея культурно-исторических типов высказана впервые в Германии, в сочинении чисто немецком, и, следовательно, не заключает в себе ничего специфически русского, и, во всяком случае, эта так называемая теория Н.Я. Данилевского с таким же и ещё большим правом может называться теорией Рюккерта, так как этот учёный предложил её немцам двенадцатью годами ранее, чем она была предложена у нас Данилевским».⁷¹

Однако, по мнению некоторых современных специалистов, «несмотря на явное сходство точек зрения, это маловероятно, потому как до сих пор остаётся неясным, был ли русский мыслитель непосредственно знаком с книгой Г. Рюккерта или знал о ней лишь понаслышке. Учитывая, какой научный «багаж» к тому времени накопила теория локальных цивилизаций, Н.Я. Данилевский вполне мог создать теорию культурно-исторических типов и независимо от Г. Рюккерта, опираясь на труды Ф. Гизо, немецких романтиков и славянофилов».⁷²

Можно предположить, что в основе расхождений взглядов В.С. Соловьёва и Н.Я. Данилевского лежали, прежде всего,

⁷⁰ Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьёв. – М.: Правда, 1989. – Т.1. – С. 564.

⁷¹ Соловьёв В.С. Указ. соч., С. 563.

⁷² Хачатурян В. М. Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского / В.М. Хачатурян // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 108.

методологические установки, определившие различные подходы философов к всемирно-историческому процессу. Н.Я. Данилевский был автором мультилинейной модели общественного развития, считая, что цель прогресса состоит не в том, чтобы идти в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку, в сравнении с её предшественницами или сторонах развития. В.С. Соловьёв же, в силу религиозного видения истории, был сторонником линейной схемы всемирно-исторического процесса, считая, что черты уникальности и неповторимости каждого культурно-исторического типа, выделенного Н.Я. Данилевским, являлись своего рода препятствием на пути к общечеловеческой универсальной цивилизации, следовательно, на пути к прогрессу. И, пожалуй, самым главным в этом противостоянии было то, что в основу концепции В.С. Соловьёва была положена религия, вытекающая из его христианских убеждений, тогда как Н.Я. Данилевский отводил ей не основополагающую, а второстепенную роль, однако, не отрицая совсем её значения в процессе формирования культурно-исторических типов.

Н.И. Кареев, в отличие от В.С. Соловьёва, был настроен менее эмоционально и провел более взвешенный и детальный анализ теории культурно-исторических типов. В итоге это позволило ему заключить, что теория Н.Я. Данилевского хотя и покоится на не продуманных основаниях, однако имеет один важный, положительный момент. Н.И. Кареев указал, что Н.Я. Данилевский сумел подметить особенность западноевропейского понимания истории, когда судьбы Европы и германо-романского племени отождествлялись с судьбами всего человечества, и назвал её «очевидной ошибкой перспективы», которая приводит к неверному пониманию исторических событий.⁷³

⁷³ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии / Н.И. Кареев. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – С. 231.

Из наиболее активных сторонников творчества Н.Я. Данилевского, в первую очередь, следует отметить его друзей и единомышленников Н.Н. Страхова и К.Н. Бестужева-Рюмина. Всю свою творческую деятельность Страхов осуществлял в рамках идеологии почвенничества, на идеях преодоления влияния Запада и самобытном пути развития России. Этим объясняется то, что основные идеи положенные Н.Я. Данилевским в основу «России и Европы» нашли у Н.Н. Страхова полное понимание. Он считал, что «заслуга Данилевского так велика, что размеров её мы теперь ещё и определить не можем. В его книге все новое, от начала до конца; она не есть свод и повторение чужих мнений, она содержит только одни собственные мнения автора, мысли, никем никогда ещё не сказанные, почему он и почёл за нужное их высказать».⁷⁴ Академик К.Н. Бестужев-Рюмин, считал «Россию и Европу» Н.Я. Данилевского «поворотным пунктом в развитии русского самосознания, когда, наконец, с нею ближе познакомятся мыслящие русские люди и решаться изучать её без всяких предубеждений».⁷⁵

Небезынтересны, в плане оценки творчества Н.Я. Данилевского, высказывания известных русских писателей. Например, Ф.И. Тютчев в письме к известному историку и филологу В.И. Ламанскому, уже после первой журнальной публикации «России и Европы», выразил свою полную солидарность с основными её положениями. Он увидел в её авторе человека, «в котором, наконец, удалось встретить и приветствовать ревнителя в уровень с моими чаяниями и притязаниями».⁷⁶ В.В. Розанов, оценивая жизнь и творчество Н.Я. Данилевского, посвятил ему несколько статей, называя его превосходным работником на государственной службе и одним из столпов славянофильства. Достаточно высоко отзывался о Н.Я. Данилевском и его книге Ф.М. Достоевский, называя «Россию и Европу» будущей настольной книгой для всех русских читателей.

⁷⁴ Страхов Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» / Н.Н. Страхов // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. – М.: Книга, 1990. – С. 510.

⁷⁵ Цит. по: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1990. – С. 562.

⁷⁶ Тютчев Ф.И. Сочинения. В 2 т. Т 1. / Ф.И. Тютчев. – М.: Правда, 1980. – С. 242.

Совокупность рассматриваемых проблем в книге очень широка и охватывает вопросы внешней политики России, государственной идеологии и многое другое. Раскрытое в её рамках учение о культурно-исторических типах ставшее позднее теоретической основой концепции локальных цивилизаций, является наиболее оригинальной частью произведения, сделавшее её автора всемирно известным учёным. В системе философских представлений Н.Я. Данилевского она исполняла особую роль теоретического фундамента в проблеме понимания взаимоотношений славянского и германо-романского миров и являлась стержнем всего гуманитарного творчества учёного. Из семнадцати глав, составляющих книгу, только в трёх рассматривается проблематика культурно-исторических типов. В 4-ой главе «Цивилизация европейская тождественна ли она общеевропейской?», в пятой «Культурно-исторические типы» и некоторые законы их движения развития» и в семнадцатой главе «Славянский культурно-исторический тип (вместо заключения)».

Анализ учения Н.Я. Данилевского необходимо начать с уяснения исходного замысла концепции культурно-исторических типов, который обнаруживается в мотивах трактовки Н.Я. Данилевским славянофильства. Понимая, что славянофильская идея в своём ортодоксальном варианте не в состоянии дать исчерпывающих ответов на ключевые вопросы времени он ищет их в «славянофильской мечте, в так называемом учении об особой русской, или всеславянской, цивилизации, над которым все так долго глумились, над которым продолжают глумиться и теперь».⁷⁷ Дать необходимый ответ на эти вопросы есть основная задача, которую поставил перед собой учёный. Чётко определив для себя понятие культурно-исторический тип, Н.Я. Данилевский на его основе развил свой новый, отличный от других, взгляд на исторический процесс. Вопреки стадияльным или формационным теориям, представлявшим ход истории как процесс восхождения человечества по ступеням развития, он представил для себя

⁷⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1990. – С. 69.

весь исторический процесс как совокупность отдельных культурно-исторических типов – это первое. Второе – это то, что на смену идее единого человечества он предлагает идею разнокачественности и множественности культур. Таким образом, эти два отмеченных момента являются фундаментальными в концепции культурно-исторических типов. Свою концепцию Н.Я. Данилевский развивает в следующих направлениях. Во-первых, в направлении выделения из совокупности исторических явлений самобытных культурно-исторических типов и характеристика других исторических образований, входящих в этот круг. Во-вторых, в направлении формирования законов исторического движения обозначенных культурно-исторических типов. В-третьих, в направлении ввода различия культурно-исторических типов по признакам количества и характера разрядов культурной деятельности. Как же в первом из направлений решается вопрос выделения культурно-исторических типов лежащих, по Н.Я. Данилевскому, в основе всемирной истории? Ответ на этот вопрос он видит «в выявлении и перечислении этих культурно-исторических типов, в признании за ними их первостепенного значения, которое, вопреки правилам естественной системы и даже простого здравого смысла, подчинялось произвольному, и как мы видели, совершенно не рациональному делению по степеням развития».⁷⁸

Н.Я. Данилевский выделяет 10 культурно-исторических типов (или, как он их ещё называет, самобытных организаций): египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский или древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, ново-семитический, или арабийский, германо-романский, или европейский. К перечисленным типам он добавляет еще два американских мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие, по его мнению, совершить своего развития. Народы, входящие в эти культурно-исторические типы, он называл положительными деятелями в истории человечества, каждый из которых развивался самостоятельным путём заключающийся, как

⁷⁸ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 87.

в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних (природных) условиях жизни. Культурно-исторические типы Н.Я. Данилевский подразделял на «преемственные, плоды деятельности, которых передавались от одного к другому, как материалы для питания или как удобрение той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип. Именно момент преемственности и взаимовлияния, то есть смена одной цивилизации другой, а так же «сверхъестественный дар христианства», качественно отличает их от уединённых цивилизаций, каковыми в его представлении, являются китайская и индийская цивилизации».⁷⁹

Здесь у Н.Я. Данилевского возникает противоречие. С одной стороны, он отказывает индийской и китайской цивилизациям в возможности влиять на другие культуры, находя в этом естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя. С другой, объясняя существо исторического прогресса, который не может существовать без преемственных связей, он считает, что «уединённые культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперником, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа, в чём, собственно, и заключается прогресс».⁸⁰

Содержание всемирной истории не исчерпывается народами, названные Н.Я. Данилевским положительными деятелями истории человечества. Существуют ещё отрицательные деятели человечества, или как он их ещё называет, «временно появляющиеся феномены». К ним он относит гуннов, монгол, турков, историческая задача которых заключается в разрушительном подвиге. В помощи «испустить дух борющимся со смертью цивилизациям, разнеся их остатки, скрыться в прежнее ничтожество».⁸¹ Кроме этого, наряду с народами, играющими положительную и отрицательную роль в истории человечества, Н.Я. Данилевский выделяет племена, имеющие ещё меньшее значение, которым не свойственна

⁷⁹ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 88.

⁸⁰ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 89.

⁸¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 89.

полноценная созидательная или разрушительная сила, а уготована роль этнографического материала, то есть как бы неорганического вещества входящего в состав исторических организмов – культурно-исторических типов. Они, по мнению учёного, лишь увеличивают их разнообразие и богатство, в силу своей не способности достичь исторической самобытности. Исходя из этого, Н.Я. Данилевский делает вывод, что «на долю народа могут выпасть только три роли: либо быть положительным деятелем истории, либо отрицательным, либо играть роль этнографического материала в развитии тех или иных цивилизаций».⁸²

Во втором направлении Н.Я. Данилевским решается задача формулирования пяти «законов исторического развития»:

1. В первом законе он определяет отдельный язык или языковое родство как основной критерий «выделяющий «племя или семейство народов» в самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества»;⁸³

2. Во втором законе очередным условием зарождения и развития цивилизации Н.Я. Данилевский определяет политическую независимость народа;

3. Третьим законом ученый закрепляет условие отсутствия передачи начала цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Однако в этом месте он сделал важнейшую для понимания всей сути его идеи оговорку, из которой следовало, что они (культурно-исторические типы) не остаются без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача и способы которыми распространяется цивилизация;

Н.Я. Данилевский выделял три способа такого воздействия – «колонизация», «прививка», «удобрение». Первый способ этого распространения – это пересадка с одного места на другое посредством

⁸² Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 89.

⁸³ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 91.

колонизации т.е. простой, механический перенос культуры с одной почвы на другую. Вторым способом распространения цивилизации Н.Я. Данилевский называет прививкой. Он считает нецелесообразным попытку навязывания любой культуре чуждых ей начал другой культуры, подтверждая это примером, как из органического мира, когда «черенок, прикреплённый к свежему срезу ствола, нисколько не изменяет характер растения, к которому привит»,⁸⁴ так и из истории России, когда он критикует Петра I в том, что он «ставил иностранные формы жизни на первое, почётное место и тем накладывал на всё русское печать низкого и подлого».⁸⁵ Третий способ взаимовлияния цивилизаций он сравнивает с влиянием почвенного удобрения на растительный организм или, что то же самое, влияние улучшенного питания на организм животных. Н.Я. Данилевский считал, что только при свободном отношении народа одного типа к результатам деятельности другого, когда первый сохраняет свою самобытность, может быть плодотворно воздействие завершённой или более развитой цивилизации на вновь возникающую. Примером в настоящем случае может служить влияние Греции и Рима на романо-германскую Европу;

4. В четвёртом законе исторического развития Н.Я. Данилевский показывает, что культурно-исторический тип только тогда достигает полноты разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств;

5. Пятый и последний закон в его представлении гласит, что период развития культурно-исторических типов можно сравнить с растениями, у которых период роста бывает неопределённо продолжительный, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу.

⁸⁴ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 91.

⁸⁵ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 26.

Ещё одно важнейшее направление, в рамках которого ученый сформировал свою концепцию – это классификация культурно-исторических типов по признаку общих разрядов культурной деятельности, которые должны быть признаны за высшие категории деления. Н.Я. Данилевским были выделены четыре разряда культурной деятельности. Первая деятельность религиозная, как твёрдая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека. Вторая деятельность – культурная, понимаемая как теоретическое (научное), эстетическое (художественное) и техническое (промышленное). Третья деятельность – политическая, представляющая отношения людей между собою как членов одного народного целого. Четвёртая деятельность – общественно-экономическая, объемлющая собою отношения людей, применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их. Исходя из этого деления Данилевский считал, что «культурно-исторические типы в зависимости от этих разрядов, могут быть одноосновными, которые развили каждая только одну из сторон культурной деятельности: еврейская – деятельность религиозную, греческая – культурную, а римская – политическую».⁸⁶

Далее, Н.Я. Данилевский видит исторический прогресс в развитии четвёртой стороны культурной деятельности – общественно-экономической, посредством соединения в одном и том же культурном типе несколько сторон культурной деятельности. Он считал, что после распада Западной Римской империи эту более сложную ступень развития освоил европейский или романо-германский тип, поэтому необходимо усвоить за германо-романским культурно-историческим типом название двуосновного политико-культурного типа.

Рассмотрев будущий славянский культурно-исторический тип сквозь призму четырех принятых точек зрения: религии, культуры, политики и общественно-экономического строя, чтобы таким образом уяснить, хотя бы в

⁸⁶ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 471-472.

самых общих чертах чего в праве мы ожидать от славянского типа, Н.Я. Данилевский приходит к выводу, что «славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом».⁸⁷ В поисках ответа, каким будет будущий славянский культурно-исторический тип, в свете четырёх основных разрядов культурной деятельности, он рассматривает в общих чертах задатки будущего хода культурно-исторического движения. Н.Я. Данилевскому представлялся этот анализ в форме сравнения культурных задатков славянства, которые оно уже успело проявить в настоящем, с деятельностью прошедших культурно-исторических типов уже довершивших своё дело, которые должны показать, насколько в праве мы ожидать в будущем дальнейшего хода славянского развития.

В области религиозной значение веры составляло самое существенное, господствующее содержание древнерусской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей. Отсюда он делает вывод, что «религиозная сторона культурной деятельности составляет принадлежность славянского культурного типа и России в особенности, есть неотъемлемое её достояние».⁸⁸ В области политической славянские народы высказали свои способности к устройству своей государственности. Кроме того, огромное большинство славянских племён образовали огромное, сплошное, могущественное государство, просуществовавшее более тысячу лет. Что же касается другой стороны вопроса, отношения к свободе, то здесь Данилевский не отказывает русскому народу в этой способности, утверждая, что «русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы».⁸⁹ В сфере общественно-экономической Россия составляет единственное обширное государство, имеющее под ногами твёрдую почву, в котором нет обезземеленной массы, где нет, по его мнению, политико-экономических противоречий которые в отличие от России «грозят бедой европейской

⁸⁷ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 479-480.

⁸⁸ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 480.

⁸⁹ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 491.

жизни». Превосходство русского общественного строя перед европейским автору «России и Европы» видится в крестьянском наделе и общинном землевладении.

Наконец, в сфере культурной деятельности успехи славянского культурно-исторического типа по сравнению с греческим и европейским представляются Н.Я. Данилевскому «незначительными» и объясняются они сравнительной молодостью славянских народов. Однако он полагал, что есть все признаки, подтверждающие большие способности русских в сфере культуры: «В некоторых областях изящной словесности мы представили образцы, которые могут равняться с высшими произведениями европейских культур».⁹⁰ Таким образом «славянский культурно-исторический тип представил уже достаточно задатков художественного, а в меньшей степени научного развития, по которым мы можем заключить о его способности достигнуть и в этом отношении значительной степени развития».⁹¹ В своих размышлениях Н.Я. Данилевский заключил, что на основании анализа результатов особенностей славянского мира можно питать основательную надежду, что славянский культурно-исторический тип первый раз представит синтез всех четырех сторон культурной деятельности: религиозной, политической, культурной и общественно-экономической.

Касаясь заключительного этапа анализа теории культурно-исторических типов необходимо отметить несомненную заслугу Н.Я. Данилевского в том, что его теория стала одной из первых альтернатив традиционной в то время эволюционной теории общественного развития, положенной в основу нового направления в философии – неэволюционистских концепций исторической модернизации. В рамках оценки вклада Н.Я. Данилевского в историческую и философскую мысль, необходимо обратить внимание ещё на один очень важный момент. Русский мыслитель один из первых зафиксировал и объяснил феномен

⁹⁰ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 501.

⁹¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 507.

европоцентризма, назвав его «очевидной ошибкой перспективы».⁹² Он же разработал концептуальные средства её преодоления, предложив свою, отличную от неё, теорию общественного развития.

Позднее, уже в XX веке вслед за Н.Я. Данилевским эта проблематика была всесторонне рассмотрена О. Шпенглером в философско-литературном шедевре «Закат Европы». Существует небезосновательная версия, что наиболее оригинальная часть концепции О. Шпенглера была заимствована им именно у Н.Я. Данилевского, хотя сам О. Шпенглер на него нигде не ссылаясь. П.А. Сорокин в своих работах 1947-1948 гг. в связи с этим писал, что теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского была знакома О. Шпенглеру по французскому переводу книги «Россия и Европа» и, что примечательно, «теоретическая традиция локальных цивилизаций началась именно со знаменитого трактата Данилевского».⁹³ Справедливости ради необходимо отметить, что в плагиате О. Шпенглера подозревал не только П.А. Сорокин, но и его соотечественники К. Брейзиг, берлинский философ истории и Ф. Тённис, крупнейший немецкий социолог.⁹⁴

Что касается прогноза Н.Я. Данилевского, о невозможности в России политической революции, то он оказался неверным. Однако, не смотря на ошибочность, Н.Я. Данилевский бесспорно прав в том, что любые преобразования в России будут безуспешными, хуже того разрушительными, если они осуществляются по сомнительным рецептам и вопреки национальным интересам. Эти мысли, высказанные Н.Я. Данилевским ещё в позапрошлом веке, приобрели новую актуальность в наши дни. Интерес к ним не проходит, а напротив, возрастает. Полемика по ним ведется постоянно, и по сей день.

Возвращаясь к названию параграфа необходимо ответить на вопрос, что же роднит концепцию цивилизаций Н.Я. Данилевского с исходными

⁹² Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 82.

⁹³ Амелина Е.М. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня / Е.М. Амелина // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 97.

⁹⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Мысль. 1993. – С. 17.

постулатами геосоциологической парадигмы? В отличие от своих современников, Н.Я. Данилевский о роли природной среды и географических факторов в формировании внутреннего строя и особенностей цивилизаций, высказывается довольно сдержанно. Вероятно, вопрос ему представлялся вполне ясным, ибо и на Западе и в России к тому времени на эту тему было написано уже достаточно много. Другое объяснение состоит в изначальной сосредоточенности ученого на исследовании именно в социокультурных, исторических, этнических, политических, даже антропологических факторов, обуславливающих имманентное своеобразие каждой цивилизации. Тем не менее, связь между детерминистскими принципами отечественной геосоциологической парадигмы и его концепцией культурных цивилизаций вполне прослеживается.

Так, рассуждая о преимуществах оседлой жизни перед кочевничеством в перспективе формирования основ цивилизации, он указывал, что «пастушеская жизнь составляет очевидный прогресс по сравнению со звероловной, однако, прогресс этот обманчивый, потому что из него нет дальнейшего исхода. Кочевничество представляет много удобств, слишком большое обеспечение существованию посредством многочисленных стад, слишком большое потворство лени. Но физическими препятствиями к кочевой жизни могут служить только леса или периодические речные разливы, как, например, в Египте. Эти последние, составляют сильное препятствие, требуют большой наблюдательности от дикого племени, чтобы оно могло извлечь из них для себя пользу. Горы, наоборот, разъединяют людей, запирают их в долины и котловины и, будучи весьма удобными, для сохранения этнографических различий, неспособны, служить почвой для развития первоначальной, самобытной цивилизации. Остаются, следовательно, одни леса, которые, представляя достаточное препятствие для кочевой жизни, не составляют, однако, непреодолимой преграды для жизни оседлой, а, следовательно – и к развитию первоначальной культуры слабыми средствами племени, выходящего под давлением нужды из состояния

первобытной дикости. Лес имеет поэтому огромную культурородную силу. Он имеет и другое влияние: своею таинственною гущей и полумраком он навеивает поэтическое настроение духа на живущий в нем народ. Я не думаю, что самобытная культура, вне всякого постороннего влияния, могла возникнуть иначе как в лесной стране».⁹⁵

Отсюда с очевидностью следует, что предпосылки формирования самобытной и одухотворенной цивилизации Н.Я. Данилевский прямо усматривал в особенностях земного рельефа и географической среды, а именно: в лесных и лесостепных ареалах, способствующих развитию земледелия и оседлого образа жизни. Тем самым, нельзя не видеть непосредственной связи концепции Н.Я. Данилевского с методологическими основами отечественной геосоциологической парадигмы. В основании самобытности культурно-исторических типов (цивилизаций) лежат условия окружающей природно-географической среды, рельефа, ландшафта, климата. Об этом учёный говорит прямо, объясняя цивилизационные различия между западноевропейскими народами (государствами) и Россией. Бескрайняя русская равнина и многообразие европейских ландшафтов, морского рельефа объясняют различия двух цивилизаций. Из этого, по Н.Я. Данилевскому, вытекает нецелесообразность для России европейского пути развития. Однако речь вовсе не идёт о необходимости самоизоляции. Взаимодействовать с Западом важно и нужно. Речь идет о необходимости творческого преобразования и применения на российском цивилизационном пространстве европейских форм хозяйствования, чтобы участвуя в общепланетарной жизни оставаться самобытными.

Таким образом, к концу XIX века в России сформировалось такое направление философской и исторической мысли, которое существенно отличалось в ряде своих идейно-теоретических положений и методологических принципов от западноевропейской школы географического детерминизма, и поэтому его вполне правомерно

⁹⁵ Данилевский Н.Я. Указ. соч., С. 230.

обозначить как отечественная геосоциологическая парадигма. Эти отличия заключаются в следующем:

1. Утверждение равносильности действий наряду с географическими факторами (природно-климатическими и т.п.) и собственно социальных, социокультурных;
2. Признание в качестве ведущих детерминант исторического развития не только естественного отбора и конкурентной борьбы, но и роста общечеловеческой солидарности, толерантности и взаимоподдержки;
3. Признание линейного процесса исторического развития, но не на основе какой-то одной доминирующей цивилизации (западноевропейской), а на основе развития разнообразных и самодостаточных локальных цивилизаций (культурно-исторических типов);
4. Построение типологии и классификации культурно-исторических типов;
5. Философско-культурологическую разработку учения об особенностях российской цивилизации и её вкладе в мировую культуру.

ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В XX ВЕКЕ

2.1. Роль геосоциологической парадигмы в формировании отечественных концепций социоприродной коэволюции

Задача настоящей главы заключается в том, чтобы перейти к исследованию процесса эволюции отечественной геосоциологической парадигмы в XX веке. Важнейшим учением XX века, созданным на идеях и методологии геосоциологии, является теория социоприродной коэволюции. Действительно, одно из центральных мест среди философских концепций глобального эволюционизма занимает идея коэволюции, предполагающая взаимосвязь двух процессов внутри биосферы – природного и социального. Она охватывает широкий круг явлений, приводящих к убеждению в универсальном характере её воплощения. Термин «*коэволюция*» в научный лексикон был введён современным австрийским философом Эрихом Янчем. Он полагал, что адекватное понимание биологической эволюции невозможно без учёта взаимодействия живых организмов и целых экологических систем, в состав которых они входят. Понятие «коэволюция» подчёркивает факт, что эволюция не сводится к одностороннему приспособлению организма к его среде обитания. Сама среда обитания под влиянием живых организмов так же эволюционирует.

При изучении совместной эволюции различных биологических видов, их структур и уровней организации, учёными было выявлено два основных вида соразвития: мутуалистический, или взаимовыгодный, и немутуалистический, когда один из факторов обладает пагубным действием в отношении другого. Именно первый вид взаимного приспособления был положен в основу концепции коэволюции природы и общества. Решение проблем природной коэволюции в настоящее время является актуальным

направлением исследований в отечественной науке, однако их постановка была предпринята у нас ещё в позапрошлом веке. В середине XIX века в России в результате взаимовлияния естественных и гуманитарных наук возникло своеобразное течение или, выражаясь словами Н.Н. Моисеева, «умонастроение», которое получило позднее название русского космизма. В то время представление о космосе ассоциировалось с нынешним понятием природы. Человек и его Разум есть порождение космоса и, будучи носителем Разума, он становится участником развития мира, оказывает воздействие на это развитие. Причём темпы подобного воздействия таковы, что могут создавать проблемы общие для всего человечества. Соответствие идей космизма современной научной картине мира и современному осмыслению глобальных проблем свидетельствует о преемственности основополагающих естественнонаучных достижений в российской науке. Одним из основоположников «русского космизма» был Николай Фёдорович Фёдоров, русский философ, чьи мысли до сих пор поражают глубиной и пафосом выражения общечеловеческих ценностей. Н.Ф. Фёдоров родился 26 мая 1828 года на Тамбовщине. Первоначальное образование получил в Тамбовской гимназии. Позднее, обучаясь на юридическом факультете Ришельевского лицея в Одессе Н.Ф. Фёдорову, по собственному признанию, открылась основная идея его учения о великой роли человечества в деле воссоздания природы, получившее названия «Общее дело».

В серии статей, под общим названием «Философия общего дела» (80-90 гг. XIX в.) он интуитивно предвосхитил концепцию ноосферы В.И. Вернадского. Н.Ф. Фёдоров полагал, что человечество обязано приложить максимум усилий, для обеспечения своего гармоничного взаимодействия с природой. Размышляя о причинах неустройства в мире Н.Ф. Фёдоров считал, что они кроются не в отношениях людей, а во взаимоотношениях природы и человека. Он указывал на злоупотребление понятием «господство над природой», понимая её как «великую ложь текущего века». «...Истощение земли, истребление лесов извращение

метеорического процесса, проявляется в наводнениях и засухах. Мир идёт к концу, а человек своей деятельностью даже способствует приближению конца, ибо цивилизация эксплуатирующая, а не восстанавливающая, не может иметь иного результата, кроме ускорения конца. Отсюда вытекает вопрос об оздоровлении земли, притом всей, а не какой-либо отдельной местности».⁹⁶ Вопрос о глобальной экологии был поставлен Н.Ф. Фёдоровым еще во второй половине XIX века. Следовательно, можно полагать, что понятие «покорение природы» было подвергнуто сомнению именно в России, а не на Западе во многом потому, что цельность восприятия мира была ещё у нас не потеряна.

Эта цельность восприятия повлияла на развитие русской естественнонаучной мысли, в частности, на современника Н.Ф. Фёдорова Василия Васильевича Докучаева, основоположника теории географических зон природы. Родился В.В. Докучаев в Смоленской губернии в 1846 г. в семье сельского священника. Образование получил сначала в Вяземском духовном училище и в Петербургском университете, окончив в 1871 г. физико-математический факультет. После университета В.В. Докучаев целиком уходит в науку, посвятив ей более 30 лет своей жизни. Он считал, что для российской науки в наибольшей степени подходят те направления, которые требуют комплексного и всестороннего охвата сложных явлений и их взаимосвязи со всем остальным миром. В настоящее время это принято называть системным подходом. В цикле статей 1898-1899 гг. им были впервые рассмотрены взаимосвязи живых организмов с окружающей средой в различных природных зонах. В одной из них В.В. Докучаев писал, что «в последнее время формируется и обособляется одна из интереснейших дисциплин в области современного естествознания, а именно, учение о тех многосложных и многообразных соотношениях и взаимодействиях, равно и о законах, управляющих вековыми изменениями их, которые существуют

⁹⁶ Эрлих Г.В. Философия «Общего дела» или учение о воскрешении / Г.В. Эрлих // Химия и жизнь. – 2002. – № 10. – С.10.

между живой и мёртвой природой, между а) поверхностными горными породами, б) пластикой земли, в) почвами, г) наземными и грунтовыми водами, д) климатом страны, е) растительными и ж) животными организмами и человеком. Эти закономерные, незыблемые, вековые соотношения, находясь в основе, в корне наиболее существенных этнографических, исторических, бытовых, экономических, социальных и всевозможных культурных человеческих особенностей и проявлений, всегда, от века в век, тяготели над всем человеческим миром. И по ныне, как Дамоклов меч, висит над ним, связывая мнимого господина земли по рукам и ногам, не смотря ни на какие успехи цивилизации, ни на какие открытия науки, ни на какие политические перевороты, катастрофы, перетасовки».⁹⁷

Небезынтересна и вполне созвучна с современной теорией социоприродной коэволюции концепция «гуманистической географии», которую развивал Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский. Русский учёный, сын знаменитого путешественника, государственного и общественного деятеля П.П. Семенова-Тян-Шанского. Родился В.П. Семенов-Тян-Шанский в Петербурге 8 апреля 1870 г. Образование получил на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, по окончании которого занялся научной и преподавательской работе. В 1925 году В.П. Семенов-Тян-Шанский занял должность профессора сравнительного страноведения, антропогеографии и методологии районирования на географическом факультете ЛГУ. На основе лекционных курсов им была издан фундаментальный труд «Район и страна», в котором были обобщены подходы к районированию. В.П. Семенов-Тян-Шанский являлся одним из основоположников природоохранной деятельности в России, активным её популяризатором и пропагандистом. Созвучно с сегодняшним днём такое его суждение: «Чем больше власть человека над природой, тем к более бережному обращению с ней она его

⁹⁷ См.: Докучаев В.В. Учение о зонах природы / В.В. Докучев. – М.: Географиз. 1948. – С. 34.

обязывает, либо иначе неизбежно происходит ничем не восстанавливаемое расхищение естественных производительных сил страны. Единственным способом избежать таких нежелательных явлений представляется созидание живых музеев нетронутой человеком природы для наиболее ярких, полных и типичных природных сообществ. Никакая правильная индустриализация страны немыслима без планомерной постановки охраны ее естественных производительных сил в виде заповедников».⁹⁸

Среди ученых-натуралистов ищущих свой ключ к пониманию мироздания, следует отметить известного русского ботаника и микробиолога Николая Григорьевича Холодного. Родился он 22 июня 1882 г. в Тамбове, в семье учителя местной мужской гимназии. В 1900 г. Н.Г. Холодный поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета. По окончании университета в 1907 г. Н.Г. Холодный был оставлен в качестве ассистента кафедры физиологии растений и начал читать в Киевском университете курс микробиологии. В 1925 г. он становится членом-корреспондентом Академии наук Украины, а в 1929 г. действительным членом, по специальности сельскохозяйственные науки, которым Н.Г. Холодный состоял вплоть до своей кончины в Киеве 4 мая 1953 г. Еще в юности его одинаково сильно влекло к естествознанию и к философии. Учаась в университете он посещал курсы по философии и психологии, в философском семинаре готовил доклады на этические темы, участвовал во всевозможных диспутах. Свою задачу натуралиста он никогда не считал отделенной от задач общеполитических и общечеловеческих. Ответы на эти задачи были сформулированы им в виде мировоззренческой концепции в книге «Мысли дарвиниста о природе и человеке».

Опираясь в своих выводах на объективные данные науки и включая человека в единую эволюцию природы и космоса, он сформировал контуры нового научного мировоззрения – антропокосмизма. Антропокосмизм у Н.Г. Холодного противопоставляется антропоцентризму, этому, по его

⁹⁸ Цит. по: Семенов-Тянь-Шанский В.П. [электр. ресурс] <http://ecoethics.ru/old/b42/113.html>

выражению, «первородному греху» человеческой мысли, не только ставящему человека в центр мироздания, но и отрывающему его от природы, от космоса. Антропокосмическое понимание лишает человека его природной исключительности, видя в нем один из этапов развития космического целого. Утверждая родство человека с другими жизненными формами и силами, Н.Г. Холодный полагал, что, человек не является неким автономным существом в мироздании, он неотделим от судеб космического развития. Однако он утверждал и обратную зависимость, считая, что человек становится одним из мощных факторов дальнейшей эволюции природы в обитаемом им участке мироздания, и притом фактором, действующим сознательно. Это налагает на него громадную ответственность, так как делает его прямым участником процессов космического масштаба и значения. Н.Г. Холодный призывал к разумному и ответственному отношению ко всей живой и неживой природе, предостерегал от произвольных, не опирающихся на действительное знание преобразований. По замыслу Н.Г. Холодного антропокосмизм влечёт за собой принципиальное изменение отношений человека к природе, приводя его к ощущению своей органической, неразрывной и действенной связи со всем космосом.⁹⁹

Аналогичные мысли об органической связи человека с космосом высказывал Александр Леонидович Чижевский – русский учёный-космист, один из основателей космического естествознания, основоположник космической биологии и автор научной теории гелиоатаксии. А.Л. Чижевский родился 26 января 1897 г. в семье кадрового военного, генерала артиллерии. Он получил разносторонне образование, окончив сразу два института: Московский Коммерческий и Археологический. В марте 1918 г. А.Л. Чижевский защитил диссертацию в Московском университете на степень доктора всеобщей истории и приступил к преподавательской и научной деятельности. В 1931 г. в Москве им была организована лаборатория

⁹⁹ См.: Холодный Н.Г. Мысли дарвиниста о природе и человеке / Н.Г. Холодный. – Ереван, 1944.

ионификации, где активно разрабатывалось это перспективное научно-техническое направление. Научная деятельность А.Л. Чижевского получила широкое мировое признание. Он являлся почетным членом более 30 академий и научных обществ всего мира и выдвигался на присуждение Нобелевской премии. В 1942 году ученый был репрессирован. В последние годы жизни А.Л. Чижевский жил в Москве, работая в лаборатории ионификации. Умер выдающийся учёный 20 декабря 1964 г.

Философия А.Л. Чижевского относится к космизму, согласно которой Земля и человек – открытые системы, существующие не сами по себе, изолированно от космоса, а связаны с ним, подвергаясь систематическому влиянию космических объектов, представляющих собой этап развития материи, общий для всего мироздания. «Мы привыкли придерживаться грубого и узко антифилософского взгляда на жизнь как на результат случайной игры только земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же, как мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живёт динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звёзд, Солнца и планет».¹⁰⁰ Ему принадлежит оригинальная идея зависимости динамики исторического процесса от влияния на неё солнечной активности. Научная новизна открытия заключалась в том, что происходящие с определённой периодичностью всплеск солнечной активности оказывают прямое воздействие на психику и поведение людей. Дополнительная солнечная энергия электризует, динамизирует процессы, играя роль катализатора. Именно на эти промежутки максимальной солнечной энергетики, по мнению учёного, приходятся бунты, революции, войны. Дело человека в этом случае понять закономерности этих явлений, чтобы соответствующим образом

¹⁰⁰ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: годы дружбы с Циолковским / А.Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1995. – С. 18

подготовиться к переработке дополнительной энергии. «А почему бы не попытаться нам наполнить импульс, идущий из космических глубин, нужным нам, вполне нами продуманным содержанием?».¹⁰¹

В своём докладе, на первом международном конгрессе по биофизике и биологической космологии в Нью-Йорке А.Л. Чижевский писал: «Для того, чтобы победить природу, надо её изучать и притом изучать до возможной глубины. Без этого глубинного изучения победа над природой невозможна».¹⁰² Это иная точка зрения, чем знаменитое высказывание Т.Д. Лысенко «Не ждать милостей от природы взять их у неё – наша задача». Победа над природой по Чижевскому, это переключка с фразой Ф. Бэкона: «Природа покоряется подчинением ей». В таком подходе заключается истинная диалектика коэволюции «человек – природа».¹⁰³

Возвращаясь к проблемам природной коэволюции и рассматривая её сквозь призму учения о ноосфере, возникшему на базе русского космизма необходимо отметить, что перед отечественной наукой ставится задача ещё более тесного взаимодействия естественнонаучного и гуманитарного знания, для выявления механизмов коэволюционных процессов. Коэволюционная стратегия задаёт новые перспективы для организации знания, ориентируя на поиск и осмысление путей совместной эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, природы, цивилизации и культуры. Именно такая регулируемая коэволюция стала одним из основополагающих принципов учения о ноосфере, идея которой принадлежала выдающемуся русскому учёному-энциклопедисту Владимиру Ивановичу Вернадскому, положившему начало изучению природных процессов глобального характера. В.И. Вернадский родился в Петербурге 12 марта 1863 г. в семье профессора экономики и истории И.В. Вернадского. Образование В.И. Вернадский

¹⁰¹ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни / А.Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1995. – С. 682.

¹⁰² Цит. по: Емельянов Б.В. Русская философия в портретах / Б.В. Емельянов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. – С. 430.

¹⁰³ См.: Емельянов Б.В. Русская философия в портретах / Б.В. Емельянов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. – С. 430.

получил, окончив физико-математический факультет Петербургского университета. Его интересы были разносторонними. Он серьезно занимался почвоведением, физической географией, мерзлотоведением, природными водами, биологией, историей развития научной мысли, философией, историей и литературой. В 1916 г. В.И. Вернадский приступил к разработке основных принципов биогеохимии, изучению химического состава организмов и их роли в миграции атомов в геологических оболочках Земли. В 1928 г. В.И. Вернадский создает Биогеохимическую лабораторию. Одна из последних его работ, где он определил блок перспективных проблем, называемых сейчас «глобальные проблемы современности», была названа им «О ноосфере».

Распространённое в наши дни понятие «ноосфера» было введено в научное оборот французским математиком Эдуардом Леруа в 1927 г. Идея ноосферы сформировалась у него под влиянием лекций В.И. Вернадского о биосфере Земли и биогеохимических процессах, прочитанных русским учёным в Сорбонне. «Если мы хотим включить человечество во всеобщую историю Жизни, не искажая её роль и не дезорганизуя её, то совершенно необходимо поместить Человека на самом верху предшествующей природы, в положении, когда он над ней господствует, но не вырывать из неё, и это сводится к тому представлению, что выше животного уровня биосфера последовательно продолжается в человеческой сфере мысли, свободного и сознательного творчества – собственно мышления; короче в сфере сознания или ноосфере».¹⁰⁴ Тем самым французский математик впервые применил понятие «ноосфера» для обозначения особой сферы – сферы разума, ставшей позднее общепризнанным концептуальным ядром системы биосферных наук. Произошло это на одном из семинаров А. Бергсона в Париже, когда В.И. Вернадский излагал свою концепцию развития биосферы: «В 1922/23годах на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы биогеохимические явления. Часть этих лекций была напечатана в

¹⁰⁴ Цит. по: Аксёнов Г.П. Вернадский / Г.П. Аксёнов. – М.: Соратник, 1994. – С. 425.

моей книге «Очерки геохимии». Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ, бергсонианец Леруа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел новое понятие «ноосферы», как современной стадии геологической переживаемой биосферой». ¹⁰⁵

К идее ноосферы Э. Леруа пришёл одновременно со своим другом, геологом и палеонтологом Тейяром де Шарденом. Будучи священником, Тейяр де Шарден придал этой идее мистический смысл, заключающийся в том, что преобразование человечеством биосферы в ноосферу имеет божественное происхождение. Утверждение эволюции Божественного начала стало исходной точкой его концепции. Мир в понимании Тейяра де Шардена предстаёт как живой организм пронизанный Божеством и устремленный к совершенству. Это стремление проявляется в эволюции Универсума, вершиной которой становится Человек. Возникновение человека неизбежно влечёт за собой появление ноосферы, как этапа эволюционного процесса. Тейяр де Шарден указывал, что этот процесс сложный и длительный, в течение его людям необходимо преодолеть несовершенство мира, в котором превалирует эгоизм и зло, отнестись к природе разумно и творчески, участвуя в великом Божественном Делании. В.И. Вернадскому были хорошо известны работы французских ученых, однако видимого интереса к идее ноосферы первоначально учёный не проявил. Вероятно осторожное отношение В.И. Вернадского к термину «ноосфера» повлияла её религиозная трактовка Тейяром де Шарденом. В.И. Вернадский, как известно скептически относился к религии. ¹⁰⁶

В своих первых работах учёный предполагал, что все геохимические показатели на планете такие, как суммарная масса живого вещества и количество солнечной энергии, поглощаемое зелеными растениями,

¹⁰⁵ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 184.

¹⁰⁶ См.: Яншина Ф.Т. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива? / Ф.Т. Яншина // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 163-173.

остаются постоянными на всём протяжении геологической истории Земли. Кроме этого, всю человеческую деятельность он оценивал как исключительно отрицательный фактор в биосфере, насильственно наложенный на её естественное состояние. С середины 30-х годов В.И. Вернадский начал пересматривать свои представления о постоянстве биосферы, стал намечать этапы её эволюции, прослеживая значение научной мысли, технологической деятельности и других проявлений человеческой активности, как закономерный последний этап эволюционного процесса. Тогда он и принял предложение Э. Леруа называть ноосферой последний этап её развития. Впервые В.И. Вернадский употребил термин «ноосфера» в письме к Б.Л. Личкову в сентябре 1936 г.: «Я принимаю идею Э. Леруа о ноосфере. Он развил глубже мою биосферу. Ноосфера создалась в постплиоценовую эпоху – человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому, а в результате энергия биосферы увеличивается».¹⁰⁷ В 1937 году в докладе «О значении радиогеологии для современной геологии», прочитанном в Москве на XVII сессии Международного геологического конгресса В.И. Вернадский впервые публично использовал термин «ноосфера» полагая, что человечество живёт в эпоху, когда биосфера, по удачному выражению Э. Леруа, должно перейти в новое состояние – ноосферу. С этого момента ноосфера стала рассматриваться им как завершающий этап в эволюции Земли. В.И. Вернадский рассматривал ноосферу как планетарное явление, как сферу бытия Земли. С жизнедеятельностью человеческого общества он связывает появление новой формы энергии – энергии человеческой культуры или культурной биохимической энергии. Эта энергия обеспечивает необратимость эволюционного процесса, также как и начавшийся более двух миллиардов лет назад процесс энцефализации – совершенствования центральной нервной системы.

¹⁰⁷ Вернадский В.И. Переписка с Б.Л. Личковым (1918-1939) / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1979. – С. 181.

В.И. Вернадский подчёркивал значение энцефализации, открытой американским геологом и палеонтологом Д. Дана утверждал, что Д. Дана заметил ход геологического времени на нашей планете. У некоторой её части обитателей проявляется всё более совершенный, чем раньше, центральный нервный аппарат – мозг. Процесс этот названный им энцефалозом, никогда не идет вспять, хотя многократно останавливается, иногда на многие миллионы лет. Эволюция органического мира движется в направлении, приводящем к усовершенствованию центральной нервной системы начиная от ракообразных и моллюсков и заканчивая человеком. Появление человечества тем самым выступает неслучайным явлением в биосфере, об этом свидетельствует наличие его глубинных корней в эволюционном процессе.

В этой связи В.И. Вернадский высказал оптимистическую мысль, в отношении будущего человеческого общества, считая, что цивилизация «культурного человечества» – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, – не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организации биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было. Следует заметить, что у В.И. Вернадского нет однозначного толкования самого термина «ноосфера» и, что весьма важно, её начальной стадии. На первых этапах разработки концепции ноосферы, момент её возникновения он связывал с появлением *Homo sapiens*, с его способностью мыслить и действовать. Позднее в текстах его работ можно встретить утверждение о том, что ноосфера начинается с момента возникновения человечества, которое взятое в целом, становится мощной геологической силой. Он ставит вопрос о перестройке биосферы в интересах человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, полагает учёный, и есть «ноосфера».

В своих работах В.И. Вернадский рассматривал ноосферу не только как сферу разума, но и как многоуровневое и сложное явление. Ноосфера представляет собой такое единство природы с обществом, в котором человек, его разум и деятельность, являются доминирующими, становятся геологическим фактором в эволюционном процессе. Этот фактор предполагает усиление разумного аспекта человеческой деятельности и ответственности за все принимаемые решения. Он считал, что человек только сейчас стал реально понимать, что он житель планеты и должен мыслить, действовать в новом аспекте, не только отдельной личности, семьи, рода, государства, но и в планетарном масштабе. Он показал, что процесс эволюции биосферы и перехода её в ноосферу характеризуется усилением антропогенного фактора, другими словами преобразующей деятельности человека, который по силе воздействия на биосферу становится сопоставимым с природными факторами. В.И. Вернадский, отмечая всё возрастающие темпы демографического роста, констатировал, что площадь Земли доступная заселению ограничена. Отсюда следует, что существует количественный предел массе живого вещества, могущего существовать на планете.

Кроме этого он предупреждал, что ни один живой вид не может существовать в среде, состоящей из своих отходов, а люди производят их в 2000 раз интенсивнее, чем вся остальная биосфера. Эта цифра ещё раз подтверждает справедливость суждения В.И. Вернадского о том, что судьба биосферы находится в руках человека. В.И. Вернадский полагал, что пределы биосферы обусловлены, прежде всего, полем существования жизни. Но едва ли можно сомневаться, что поле устойчивости жизни выходит за пределы среды биосферы. По утверждению Н.Н. Моисеева, В.И. Вернадский ещё в начале прошлого века высказал мысль, что должно наступить время, когда человечеству для того чтобы сохранить себя на планете придётся взять на себя ответственность не только за судьбу общества, но и биосферы в целом. Таким образом, становление ноосферы предполагает возрастание

роли и ответственности каждого отдельного человека. Связывая дальнейшую эволюцию биосферы с развитием человеческого общества, В.И. Вернадский считал, что человек своим трудом и сознательным отношением к жизни перерабатывает земную оболочку или геологическую область жизни, биосферу, переводя её в новое геологическое состояние, именуемое ноосферой.

Необходимо отметить, что отдельные элементы учения о ноосфере содержались в работах многих учёных-естествоиспытателей. Попытки осмысления геологической истории Земли, в связи с воздействием антропогенного фактора, были предприняты швейцарским естествоиспытателем Ж. Агассисом и американским геологом Ч. Шухертом, русским учёным А.П. Павловым. В ряду этих учёных заслуга В.И. Вернадского, заключается в том, что все эти элементы были объединены им в концепцию ноосферы, как этапа развития биосферы, в основание которой был положен принцип природной коэволюции. Для него не были характерны представления о фатальности наступления эпохи ноосферы. Всё должно зависеть от самого человека и от того, насколько он сам окажется способным перестроить своё общество и самого себя, однако внутренне он был уверен, что эпоха ноосферы всё же реализуется. В особенности об этом можно судить по его письмам и дневниковым записям в годы Великой Отечественной войны.

У В.И. Вернадского не было ни тени сомнения в победоносном исходе войны. Уже в самом её начале учёный считал фашизм обречённым потому, что, по его глубокому убеждению, он противоречил законам естественноисторического развития, венцом которого должна являться эпоха ноосферы. Ноосфера – это этап взаимодействия природы и общества, на котором разумная человеческая деятельность становится главным и определяющим фактором её развития.

Необходимо отметить, что учение о ноосфере было не завершено В.И. Вернадским, однако необходимо отметить, что научное содержание её

отдельных положений вполне очевидно. Это подтверждается рядом интересных научных гипотез, наиболее оригинальной из которых была идея автотрофного существования человечества. О проблеме автотрофности говорили многие мыслители прошлого. Так, о её возможном содержании размышлял К.Э. Циолковский. Однако в том смысле как он её себе представлял, т. е. в смысле независимости человека от биосферы, его понимание идеи автотрофности можно отнести лишь к разряду утопий. Н.Н. Моисеев писал по этому поводу: «Человек – это результат эволюции биосферы, её развития. Биосфера без человека существовала и будет существовать, но человечество существовать вне биосферы вряд ли когда-либо сможет».¹⁰⁸ В.И. Вернадского глубоко волновала эта проблема. Своё понимание автотрофности он сформулировал следующим образом: «Автотрофные организмы строят свое тело целиком из веществ косной «мёртвой» природы, т.е. все их «органические» соединения содержащие азот, кислород, углерод, водород составляющие главную массу их тела, берутся из минерального царства. Гетеротрофные организмы используют как пищу для жизни органические соединения, созданные другими живыми организмами. Главную роль в образовании органического вещества биосферы играют фотосинтезирующие растения, развитие которых зависит от солнечного излучения. Процесс фотосинтеза обеспечивает доступной химической энергией все земные гетеротрофные организмы, к которым относится организм человека. Гетеротрофность человечества определяется его зависимостью от биосферы, которая является источником его существования и вместе с тем принимающая на себя значительный груз негативной антропогенной деятельности».¹⁰⁹ В связи с этим и возникла идея автотрофности цивилизации, с целью ослабить экологические связи

¹⁰⁸ Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству? / Н.Н. Моисеев. – М.: Наука, 1999. – С. 109.

¹⁰⁹ См.: Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – С. 122.

биосферы и человечества, превратить его в «автотрофное общество», и снять с себя значительный груз негативной антропогенной нагрузки.

В.И. Вернадский неоднократно указывал на то, что рано или поздно человечеству придется столкнуться с проблемой истощения запасов природных ресурсов, что наводило его на размышления по поводу изменения, как форм питания, так и источников энергии доступных человеку. В этом учёный видел одно из коренных изменений будущего человечества и в связи с этим необходимо обозначить некоторые моменты связанные с идеей автотрофности. В настоящее время концепция автотрофности чаще относится учёными к области фантастических проектов, нежели как к предмету научного интереса. Действительно, серьезно воспринимать проблему автотрофности человеческого организма не следует, так как по своей сути он гетеротрофен, то есть в питании использует готовые органические вещества.

А вот становление и развитие принципиально нового автотрофного способа производства на сегодняшний день весьма актуально. Реализация его позволит хотя бы частично ослабить существующие противоречия между относительной ограниченностью естественных ресурсов биосферы и материально-энергетическими потребностями общества, а так же рост загрязнения окружающей среды. Решение этой проблемы лежит, например, в создании вещественных и энергетических технологий, способных функционировать аналогично автотрофным биосистемам. Вещественная автотрофность связана с появлением различных биотехнологий, методы которых применяются, например, в пищевой промышленности, позволяющие частично изменять традиционные способы производства продуктов питания, связанные с заменой сельскохозяйственного производства на промышленное, из минеральных веществ и энергии, не затрагивающее и не нарушающее биосферу.

Другими словами, переход на создание альтернативных натуральным, синтетических продуктов; в частности – это заменители сахара, вкусовые и

ароматические добавки, полученные не химическим синтезом, а с применением микроорганизмов или культивируемых растительных клеток, пищевые ферменты, различные стабилизаторы продлевающие срок хранения продуктов питания; в медицине современные биотехнологии позволяют создавать новые вакцины, антибиотики, лечебные сыворотки на базе моноклональных антител и многое другое; в горнодобывающей промышленности применяются современные методы выщелачивания металлов из руд с помощью микроорганизмов, микробное разделение водно-нефтяных эмульсий; в сельском хозяйстве речь может идти о биотехнологических средствах защиты растений, создания новых пород животных методами генетической инженерии. Разумеется, внедрение современных биотехнологий в производство требует предварительной и тщательной их проверки, в особенности, когда дело напрямую касается жизни и здоровья людей, например, в пищевой или медицинской промышленности. Этому следует уделять пристальное внимание и контроль, и это не должно служить поводом к полному отказу от их разработки и внедрения. Перспективность их очевидна и потому инженерная задача по созданию автотрофных технологий во многих отраслях народного хозяйства вполне актуальна. В.И. Вернадский внес существенный вклад в историю философской мысли. Его учение о биосфере и ноосфере прочно вошло в научный и философский оборот. В.И. Вернадский сумел увидеть, что история человечества – не случайный эпизод на одной из планет, а важнейшее космическое явление. Эволюцию мира движет человечество. Идеи ноосферы актуализируют человеческую цивилизацию, обозначая пути её дальнейшего развития.

Подобно В.И. Вернадскому способность к глубинному и в то же время всеохватывающему анализу биосферных процессов была характерна для другого видного учёного-генетика, Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Родился Н.В. Тимофеев-Ресовский 7 сентября 1900 г. в семье крупного инженера-путейца. Уже в юности он поража́л широтой интересов,

участвуя в гимназические годы в работе многочисленных кружков, не только естественнонаучных, но и по вопросам культуры и искусства. В 1917 г. Н.В. Тимофеев-Ресовский поступил на физико-математический факультет Московского университета, где его основными учителями стали первые русские генетики Н.К. Кольцов и С.С. Четвериков. По окончании университета он, по приглашению германского Общества кайзера Вильгельма, вместе с супругой переезжает на работу в Берлин, в качестве научного сотрудника. Весной 1937 г. советское консульство настоятельно потребовало вернуться учёному в СССР, однако зная участь репрессированных братьев, он не вернулся за что после Второй мировой войны в 1946 г. он был осуждён за измену Родине. Однако уже через год, в связи с работами по созданию атомной бомбы его, как специалиста по радиационной генетике, его освободили из лагеря и дали возможность работать над проблемами радиационной безопасности. вплоть до самой кончины в 1981 г.

В последний период своего научного творчества учёный стал работать над глобальной проблемой, которую он обозначил как «Биосфера и человечество». Он исходил из того, что уже к концу XXI столетия, примерно половине народонаселения Земли не только самим нечего будет есть, пить, дышать, но и не чем будет «кормить промышленность». В статье «Биосфера и человечество» учёный предложил свое решение проблемы перенаселения планеты, путём повышения продуктивности биосферы в трёх направлениях, в рамках учения Вернадского о биологическом круговороте биосферы Земли:

1. На энергетическом входе Н.В. Тимофеев-Ресовский предлагает вдвое увеличить биологическую продуктивность Земли за счёт увеличения плотности её зелёного покрова, путём использования растений с максимальным КПД фотосинтеза на всех пригодных площадях земной поверхности.

2. В биологическом круговороте биосферы, возможно пятикратное увеличение продуктивности за счёт увеличения плотности дикого животного

мира планеты, пищей которому будет служить умноженный растительный покров Земли. За счёт увеличения продуктивности сельскохозяйственных культур и домашних животных. За счёт решения проблемы равновесия в живой природе и как следствие – улучшение структуры биологических сообществ.

3. На выходе из биологического круговорота в геологию можно повысить биопродуктивность последней за счёт предупреждения распада органики на исходные химические элементы. Вывод Н.В. Тимофеева-Ресовского был довольно оптимистичным. Человек может в десять раз повысить продуктивность Земли, не подорвав производительных сил биосферы.¹¹⁰

Однако события сегодняшнего дня демонстрируют, что у человечества просто не остаётся времени на реализацию вышеупомянутых возможностей.

Возвращаясь к проблемам коэволюции природы и человека и рассматривая её сквозь призму необратимости влияния антропогенного фактора на биосферу, в результате чего возникает реальная угроза вымирания человечества, следует особо отметить деятельность Никиты Николаевича Моисеева, в творчестве которого экологическая проблематика звучала особенно остро. Н.Н. Моисеев родился 23 августа 1917 года в Москве в дворянской семье. Ещё учась в школе, Н.Н. Моисеев увлекался математикой, посещая математический кружок в Математическом институте им. Стеклова. Активно занимаясь спортом, в 1934 году он стал чемпионом СССР по лыжам среди юниоров. После окончания школы, в 1935 г. он поступил на механико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1941 г. по специальности «функциональный анализ». В 1942 г., после окончания специальных курсов Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского, он попадает в действующую армию. После войны он преподаёт в Военно-воздушной

¹¹⁰ См.: Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания / Н.В. Тимофеев-Ресовский. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – С. 353-362.

инженерной академии им. Жуковского. Защитив в 1948 г. он начинает работать сначала на кафедре реактивной техники МВТУ им. Баумана. В начале 1950-х годов Н.Н. Моисеев поступил в докторантуру Математического института им. Стеклова, где в 1955 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора физико-математических наук. В 1956 г. Моисеева назначили профессором кафедры математики Московского физико-технического института, где он основал Факультет управления прикладной математики, став его первым деканом. С 1985 г. и до конца своей жизни Н.Н. Моисеев работал советником директора ВЦ АН СССР, одновременно являясь главным редактором журнала «Экология и жизнь».

В начале 80-х гг. Н.Н. Моисеев руководил исследованиями по разработке математической модели последствий ядерной войны, в результате которых были получены количественные оценки её возможных последствий, известные как «ядерная зима» и «ядерная ночь». Исследования с помощью компьютерного моделирования биосферы и оценка её возможных антропогенных изменений привели Н.Н. Моисеев и его коллег к необходимости провозглашения приоритета «экологического императива», то есть создания условий для обеспечения коэволюции природы и общества. Упомянутый термин стал обозначать ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах. Такое состояние биосферы и общества, в котором должен реализоваться принцип природной коэволюции Н.Н. Моисеев отождествлял с понятием ноосферы, указывая, что это состояние не может возникнуть само собой.

По его глубокому убеждению обществу ещё предстоит его построить и то, что человечество справится с этим, ещё не является фактом. Поэтому Н.Н. Моисеев говорил не о ноосфере, а об эпохе ноосферы, или о ноосферогенезе. Это означало, что «если человечество сумеет преодолеть надвигающийся глобальный кризис, то вся его дальнейшая история станет историей ноосферогенеза: будут непременно изменяться условия жизни

человека и условия «экологического императива». Альтернативой этому может быть только конец человеческой истории, который вполне возможен уже в середине XXI века. Поэтому сегодня одной из наиболее обсуждаемых проблем является поиск стратегии перехода к обществу, способному обеспечить режим коэволюции природы и человека».¹¹¹

Человечество не вправе переступать границы позволяющие эксплуатировать природную среду, в противном случае начнётся необратимый процесс перехода биосферы планеты в состояние подобное тому, в котором находится Марс или Венера, и в котором уже не будет места для всего живого на земле. Уже есть симптомы потери компенсационных способностей биосферы при взрывном росте населения оскудевающей планеты. Один из них – это повышение концентрации уровня углекислоты в атмосфере, который в свою очередь сопровождается заметным снижением запасов фитомассы растительного покрова, выражающееся в бесконтрольной вырубке лесов и в систематических пожарах, в результате которых площадь лесного массива в мире ежегодно сокращается на многие миллионы гектар. Даже полный переход на безотходные технологии при существующем уровне антропогенных возмущений не обеспечит поддержания биосферы на уровне, приемлемом для жизни человека. Рост необратимой рассогласованности при потере устойчивости системы обычно идет экспоненциально и глобальная катастрофа может разразиться столь стремительно, что люди уже ни чего не смогут изменить. Единственный вариант выхода из глобального кризиса Н.Н. Моисеев видел в развитии знаний о взаимоотношениях природы и человека, о его месте в биосфере, рождении Коллективного Разума – всеобщего планетарного понимания ситуации и перестройке нравственных установок, необходимых для учёта постоянно изменяющихся реалий современного мира. Он подчёркивал

¹¹¹ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 123.

невозможность реализации «экологического императива» без утверждения императива нравственного.¹¹²

Эти установки корнями восходят к одному из фундаментальных положений В.И. Вернадского: «В пределах живого вещества в последнее десяти тысячелетие вновь создаётся и быстро растёт новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией, которая создаёт в настоящее время ноосферу».¹¹³ Относительно проблемы коэволюции природы и человека при всей её очевидности, нет единого мнения.

Идею ноосферогенеза по Н.Н. Моисеев его оппоненты не опровергают, но и не признают неизбежной, трактуя её излишне односторонне, – лишь как эволюцию биосферы «в сторону человека», за которой якобы неотвратимо следует нарушение биотической регуляции окружающей среды. Например, предлагается достаточно простой, на первый взгляд, выход. Возможность выживания человечества возможно при условии, восстановления естественной биоты, на большей части территории планеты, в масштабах, достаточных для сохранения её способности к регуляции окружающей среды. При этом человечеству необходимо вернуться в коридор развития, выделенный ему законами устойчивости биосферы.¹¹⁴

Таким образом, «теория биотической регуляции» по существу представляет собой попытку реализации лозунга «Назад к природе», что совершенно не реально в настоящее время. Поэтому задача сохранения жизни на земле должна заключаться не в стратегии сохранения природы в неизменном виде такой, какая она есть, или, по крайней мере, какой она была в недалёком прошлом, а в стратегии бережного и творческого использования природы на базе науки. Необходимо отметить, что концепция природной

¹¹² См.: Моисеев Н.Н. Указ. соч. С. 86-90.

¹¹³ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – С. 387.

¹¹⁴ См.: Горшков В.В. Биотическая регуляция окружающей среды / В.В. Горшков // Экология. – 1999. – № 2. – С. 105-113.

коэволюции, в понимании В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева, как поиск выхода из экологического кризиса через культурную эволюцию и всеобщее понимание планетарной ситуации, находит всё большее признание среди мировой научной элиты и общественности.

Однако существует другая тенденция, состоящая в коллизии с вышеупомянутой проблемой коэволюции человека и природы. Она имеет экономическую природу и связана с тем, что процесс глобализации на протяжении не одной сотни лет связан с экономической экспансией развитых стран за пределы своих территорий. В последние десятилетия в результате разрушения национальных экономических барьеров эта экспансия стала носить особо острый характер, в результате которого основной экономический потенциал оказался во власти немногочисленных транснациональных корпораций. Речь идет, выражаясь словами Н.Н. Моисеева, об «утверждении планетарного тоталитаризма». И всё же надежду на то, что стратегия перехода к коэволюционному развитию природы и общества будет, в конце концов, найдена, даёт ясность осознания того, что ещё не в полной мере выявлен эвристический потенциал данного стратегического курса, а её дальнейшее философское осмысление является одним из возможных направлений развития философского знания.

В заключении необходимо отметить, что рост проблем экологического свойства, раз за разом ставил человечество перед фактом его фундаментальной зависимости от природно-географической среды. Этот факт был по-разному учтен и воспроизведен в целом ряде отечественных социальных теорий XX в. к одной из которых мы переходим в следующем параграфе.

2.2. Фундированность теории этногенеза Л.Н. Гумилёва парадигмой отечественной геосоциологии

Имя отечественного мыслителя Льва Николаевича Гумилёва получило в наши дни большую известность. Многогранное научно-теоретическое наследие учёного стало предметом специального изучения лишь с конца 80-х начала 90-х годов, а в советский период его выдающийся вклад в науку об этносах по идеологическим, политическим и иным соображениям попросту замалчивался. Оригинальные научные взгляды Л.Н. Гумилёва подвергались критике со стороны значительного числа этнографов, историков и философов. Ему вменяли в вину пропаганду националистических идей, а этого было вполне достаточно, чтобы его основные теоретические работы, написанные в 60-70 годы, были попросту заморожены. Исследовательский интерес к творчеству Л.Н. Гумилёва особенно возрос в последние десятилетия, когда его работы обрели особую популярность и стали привлекать внимание многих философов, историков, культурологов, географов, этнологов. Побудительным интересом для многих из них к творчеству выдающегося учёного, явилось желание понять день сегодняшний сквозь призму его понимания современности. Так случилось, что как только возникла необходимость по новому попытаться ответить на основные вопросы человеческого бытия, труды Л.Н. Гумилёва стали востребованными и возникла необходимость в их новом осмыслении.

Л.Н. Гумилёв, сын известных поэтов Николая Гумилёва и Анны Ахматовой, родился 1 октября 1912 года в Царском Селе. В 1921 г. по обвинению в контрреволюционном заговоре расстреляли его отца, и мальчика на воспитание взяла его бабушка. В 1934 г. он стал студентом исторического факультета Ленинградского университета, однако уже через год – в период массовых репрессий после убийства Кирова – его арестовывают. Заступничество Анны Ахматовой и Бориса Пастернака, написавших письмо Сталину, освободило Л.Н. Гумилёва от следствия, и он

был восстановлен в университете. В марте 1938 г. его вновь арестовали по обвинению в попытке покушения на Сталина, Ежова, Молотова и свержения Советской власти и приговорили к 14 годам лагерей. По окончании лагерного срока, который был сокращён после смещения и расстрела Ежова, он некоторое время работал в геологоразведочных экспедициях на севере Восточной Сибири, а затем, с зимы 1944 г. по 1945 г. он находился в действующей армии в составе 1 Белорусского фронта. Вернувшись в Ленинград, он восстановился в университете. Уже через год в марте 1946 г., сдав десять экзаменов экстерном за 4 и 5 курс, Л.Н. Гумилёв получил университетский диплом и поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Защитив в 1948 г. кандидатскую диссертацию «Политическая история Тюркского каганата», его через год вновь подвергли аресту и, не смотря на защиту академиков А.П. Окладникова, Н.И. Конрада, В.В. Струве, осудили на пять лет лагерей. Очередной срок Л.Н. Гумилёв отбывал в Омском лагере, где ему разрешили переписку и дали возможность пользоваться научной литературой. В мае 1956 г. Л.Н. Гумилёв был освобожден и позднее полностью реабилитирован с формулировкой « в связи с отсутствием состава преступления».

После освобождения Л.Н. Гумилёв приступил к научной деятельности в качестве научного сотрудника Эрмитажа, Института географии, в составе ряда археологических экспедиций под руководством академика Окладникова, результатом которой стала защита докторской диссертации «Древние тюрки VI-VIII вв.», посвящённая развенчанию европоцентристской «чёрной легенды», естественности, а не враждебности контактов русского, татарского и монгольского народов. Эти идеи, высказанные им в духе евразийства, и особенно его утверждение, что «никакого татарского ига не было» подверглись и до сих пор подвергаются ожесточённой критике.¹¹⁵

¹¹⁵ См.: Емельянов Б.В. Русская философия в портретах Екатеринбург / Б.В. Емельянов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 141.

Постепенно Л.Н. Гумилёв меняет вектор научной направленности, сосредоточившись на проблеме этногенеза итогом которой стала подготовка и защита в 1972 г. в Ленинградском университете второй докторской диссертации «Этногенез и биосфера Земли», которая была по достоинству оценена много позже (только в 1990 г.) рядом различных дипломов и премий. Плодотворно Л.Н. Гумилёв работал и как популяризатор науки, читая лекции в крупнейших научных центрах страны, в том числе и на центральном телевидении. Умер Л.Н. Гумилёв 16 июня 1992 г.

Сегодня многим совершенно очевидно, что учение Л.Н. Гумилёва можно считать новым витком в развитии отечественной философии мысли. В настоящее время учёными-обществоведами предлагаются различные модели философского, политологического, культурологического, исторического и иного характера, относительно понимания будущего миропорядка. В основу одной из таких моделей, разработанной Л.Н. Гумилёвым, положен анализ этнических процессов, рассматривающий будущий мир как многополярный, основанный на культурно-этническом многообразии. Профессор Гарвардского университета С. Хантингтон, автор концепции «Столкновение цивилизаций», считает, что основным источником конфликтов в ближайшем будущем будет культура, а не идеология или экономика: «В югославском конфликте Россия предоставляла дипломатическую помощь сербам, а Саудовская Аравия, Турция, Иран и Ливия предоставляли финансовую помощь и оружие боснийцам не по причинам идеологии, политики с позиции силы или экономических интересов, но из-за культурного родства... Культура является силой одновременно и объединяющей, и вызывающей разнь. Люди, разделённые идеологией, но ощущающие культурное родство, объединяются, как это уже сделали две Германии и ещё начинают делать две Кореи и несколько Китаев».¹¹⁶ Это мнение известного учёного свидетельствуют о том, что при осуществлении современных задач научного прогнозирования идеи,

¹¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2006. – С. 22.

предлагавшиеся Л.Н. Гумилёвым, будут весьма плодотворными и востребованными в настоящее время.

Размышляя над процессом этногенеза Л.Н. Гумилёв разработал и сформулировал оригинальную концепцию, с помощью которой попытался преодолеть инерцию традиционных взглядов на теорию этносов. Настало время, когда возникла острая необходимость создания комплексной теории этногенеза, которая могла бы синтезировать знания социального и естественнонаучного характера. Возможно, что именно в концепции этногенеза проблема гармоничности взаимоотношений природы и человека, может вылиться в законченное теоретическое построение. Благодаря Л.Н. Гумилёву произошёл переход от общего знания об этнологии, философии и истории, к попытке построения синтеза новой историко-этнологической доктрины на естественнонаучной основе, которую можно ставить в один ряд с концепциями Н.Я. Данилевского, Л.И. Мечникова, В.И. Вернадского. Влияние географической среды на развитии этносов у Л.Н. Гумилёва не имела precedентов в отечественной науке, хотя эта тема всегда была предметом заинтересованного внимания учёных. Именно его исследования в этой области заметно способствовали развитию теории этногенеза и позволили по-новому взглянуть на проблему. Речь здесь идёт о том, что в истории философии существуют десятки описаний цивилизаций, общественных устройств, культур и культурно-исторических типов, однако тема народоведения, как правило, была на периферии изысканий учёных.

Созданная Л.Н. Гумилёвым концепция этногенеза стала первой оформленной научной теорией народоведения, которая в данной форме до него принципиально не существовала. Его научные изыскания касались круга разнообразных вопросов, относящихся к изучению природы и человека. Учёный выяснял закономерности исторического процесса, опосредованного изменениями природы, одновременно указывая на то, какую важную роль в жизни людей играет географическая среда. Любые изменения в природе не должны быть безразличными для человека. Они

могут затруднять или облегчать культурное и общественное развитие, и всякое безразличие в настоящем смысле может привести к катастрофическим экологическим последствиям.

Хотя общество живёт и развивается по своим внутренним законам и происходящие в нём события не всегда сводимы к воздействиям природной среды, влияние кормящего ландшафта на человека и его зависимость от окружающей природы всегда являлись очевидным фактом. Это и пытался отстаивать Л.Н. Гумилёв, однако «степень этой зависимости расценивалась различными учёными различно. Но в любом случае хозяйственная жизнь народов, населяющих и населявших Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом населённых территорий».¹¹⁷ Это высказывание не являлось плодом праздного теоретизирования. Нежелание учитывать условия существования человека в том или ином ландшафте, зачастую приводило к трагедиям.

В плане иллюстрации реального проявления закономерностей этногенеза приведём некоторые примеры, первым из которых может служить Горный Бадахшан советского периода. В 50-х годах руководство страны из лучших побуждений распорядилось переселить население высокогорных кишлаков в плодородные долины. Однако жители высокогорных районов Памира не смогли существовать, казалось бы, в благоприятных для них условиях. Необратимая ландшафтная и физиологическая дезадаптация привела к практически полному вымиранию популяции горных таджиков.

Другой, не менее яркий пример, касается истории США. При колонизации Северной Америки по официальному распоряжению европейские колонисты сознательно уничтожали биохор североамериканских индейцев: истребляли бизонов, выжигали прерии, вырубали леса. Лишившись кормящего ландшафта, индейцы достаточно быстро потеряли способность к активному сопротивлению и были физически уничтожены, а остатки некогда могущественных племен переселены в резервации.

¹¹⁷ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 29.

А вот пример из сегодняшнего дня, достаточно полно подтверждающий размышления Л.Н. Гумилёва о взаимозависимости этноса и ландшафта. Большинство народов Севера в настоящий момент находится в завершающей фазе этногенеза — гомеостазе и существуют в биоциностическом равновесии со своим ландшафтом. Растраченной в ходе этногенеза энергии, именуемой учёным пассионарностью, уже недостаточно для преобразования привычных ландшафтов и выработки новых адаптивных навыков. Существование гомеостатичных этносов возможно лишь в родном ландшафте, к которому они прекрасно адаптированы. Их традиционные способы ведения хозяйства примитивны лишь с технократической точки зрения, а техническая оснащённость оленеводства, охоты, морского зверобойного промысла низка не в силу несовершенства или отсталости, а, наоборот, в силу экологической оптимальности. Грубое, механическое перенесение «благ цивилизации» в веками устоявшиеся биоцинозы вызывают необратимые последствия, как для живой природы, так и для населяющих её народов. Такие хозяйственные реформы, как перевод на оседлость, отрыв детей от родителей и вывоз их в школы-интернаты, включают механизмы дезадаптации, которые ставят под угрозу само существование традиционного хозяйства. Вырванные из привычной жизни представители северных народов уже не могут вернуться к привычному для них образу существования в силу необратимой утраты адаптивных навыков и не могут приспособиться к новым условиям, превращаясь в людей «второго сорта».

Концепция этнокультурного развития, предложенная Л.Н. Гумилёвым, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Положенная в основу научно-исследовательских разработок, она даёт эвристические результаты и позволяет не только по-новому взглянуть на проблемы современной жизни, но и, что особенно важно, найти выход из сложившихся ситуаций. Зависимость человека от географической среды есть факт очевидный. И, хотя уровень этой зависимости всегда различен, тем не

менее, хозяйственно-экономическая жизнь народов населяющих Землю, в любом случае тесно связана с ландшафтами и климатом населенных территорий. Л.Н. Гумилёв считал, что выявлять спад и рост экономики древних эпох из-за неточности информации в первоисточниках достаточно трудно, однако возможно косвенно определить по уровню военной мощи государства. Война – это всегда затратное дело, требующее огромных материальных и людских ресурсов. Чтобы одержать победу в ней требуется крепкий тыл, цветущее хозяйство, а соответственно оптимальные природные условия. Значение географических условий для успешного ведения военных операций, предположим рельефа местности, вполне очевидно. Достаточно вспомнить битву при Фермопилах, когда спартанский царь Леонид удачно выбрав рельеф местности в виде узкого ущелья, с небольшой личной охраной в триста человек, смог долгое время успешно сдерживать продвижение многотысячного персидского войска Ксеркса вглубь Греции.

Подобных примеров в истории было множество. Следовательно, останавливаясь на такой ясной проблеме, полагал Л.Н. Гумилёв, нецелесообразно и ставил вопрос несколько иначе, а именно не только как влияет географическая среда на людей, но и в какой степени сами люди являются составной частью той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой. На какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда, а на какие не влияет? ¹¹⁸

В связи с этим Л.Н. Гумилёв ссылается на авторитетное мнение, высказанное в 1922 г. академиком Л.С. Бергом: «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определённом направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь и т.д. – всё это

¹¹⁸ См.: Гумилёв Л.Н. Указ. соч. С. 30.

накладывает особый отпечаток на организмы. Виды, которые в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой ландшафт или вымереть».¹¹⁹

Центральным понятием в теории Л.Н. Гумилёва является этнос. Этнос у него – это устойчивый коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющий внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную и динамический стереотип поведения. В реальном историческом процессе не встречается существование строго изолированного этноса, а имеют место разнообразные этнические контакты, возникающие на территориях, заселённых разными этносами, объединёнными в полиэтнические государства. При изучении этих вариантов главным, по его мнению, является слияние этносов в одном регионе, но тогда слившиеся этносы исчезают, а взамен появляется новый, не похожий не на один из прежних, третий этнос, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов. Это, как считает Л.Н. Гумилёв, и есть подлинный этногенез – рождение новых суперэтносов.¹²⁰

Известно, что современный человек существует на Земле примерно 30-50 тысяч лет, однако перевороты произведенные им на её поверхности столь грандиозны, что, выражаясь словами В.И. Вернадского, их можно приравнять к геологическим переворотам малого масштаба. Л.Н. Гумилёв ставил вопрос: «Почему же вид *Homo sapiens* распространился по всей суше Земли и всю её превратил в свою Ойкумену – место, где он живёт? За счёт чего человек смог распространиться повсюду?».¹²¹ Ответ он видел в том, что у человека есть какая-то способность, не только социальная, но и природная, которая отличает его от животных. Эту способность мы можем характеризовать как повышенную лабильность, пластичность, даже способность к реадaptации, повторному приспособлению. Это, в свою

¹¹⁹ Цит по: Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы; Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Эксмо, 2012. – С.180-181.

¹²⁰ См.: Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 137.

¹²¹ Гумилёв Л.И. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 19.

очередь, должно обеспечивать то, что учёный называл мозаичностью антропосферы, делящейся, по его мнению, на сообщества, которые мы называем народами или этносами.

Отсюда возникает закономерный вопрос, – каким образом необходимо различать этносы? Л.Н. Гумилёв полагал, что различать их возможно по стереотипам поведения, которые у разных этносов всегда более или менее различны. При этом, этническая характеристика лучше воспринимается и улавливается в больших массах, нежели в единичных. Он не считал этнос биологическим или социальным явлением, а предполагал, что это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы. Другую немаловажную особенность этноса Л.Н. Гумилёв видел в его структуре, которая более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость. В основе этнической структуры он полагал принцип иерархической соподчиненности «субэтнических групп, видя в последних таксономические единицы, находящиеся внутри этноса, как зримого целого, не нарушающие его единства».¹²²

Далее, исследуя механизм возникновения субэтносов, учёный обращался к таксономическим единицам, стоящим на порядок ниже и классифицировал их по двум разрядам. К первому разряду он относил группы людей объединённых одной исторической судьбой и называет их *консорциями*. По его мнению, в этот разряд входят кружки, артели, секты, банды и т. п. не стойкие объединения. Чаще они распадаются, но иногда уцелевают на срок в несколько поколений. Ко второму разряду – не распавшиеся консорции, которые становятся *конвиксиями*, то есть группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Конвиксии же, в свою очередь малорезистентны и разъедаемы экзогамией, частью уцелевают

¹²² Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 105.

и вырастают в субэтноты. Ими, считал Гумилёв, могут быть, например, землепроходцы – консорции отчаянных путешественников, породивших поколение стойких сибиряков, старообрядцы – консорции ревнителей религиозно-эстетического канона и ряд других групп.¹²³

Следующий момент, на что обращал внимание учёный, – это три источника энергии, питающие биосферу Земли и человека, как её части. Первый вид энергии – энергия Солнца, которая аккумулируется путем фотосинтеза в растениях, растения поедают животные, эта солнечная энергия переходит в плоть и кровь всех живых существ, которые есть на Земле. Второй вид энергии – энергия распада радиоактивных элементов внутри Земли. Общеизвестно, что губительное воздействие этой энергии на все живое различно и зависит от глубины залегания радиоактивных руд в земле и величины скопления их в том или ином районе Земли. И, наконец, третий вид энергии, который мы получаем небольшими порциями из космоса, – это пучки энергии приходящие из глубин Галактики, которые воздействует на нас, как и все другие факторы, определяющие развитие биосферы.¹²⁴

Очередным важнейшим элементом теории этногенеза является его исследовательский метод. В основу научных исследований Л.Н. Гумилёв положил системный подход. Определив системный подход как метод анализа, когда внимание обращается не на персоны, которые составляют вид, а на их взаимоотношения, Гумилев, используя этот метод, выделил четыре вида системных связей, разделив их на открытые и замкнутые или закрытые, на жёсткие и корпускулярные или дискретные. Открытой системой, учёный считал Землю, которая всё время получает солнечные лучи, благодаря которым происходит фотосинтез, а излишек энергии выбрасывает в космос. Открытая система – это вид, который получает запас энергии в виде пищи, которую поглощают животные данного вида. Они её добывают, размножаются, дают потомство, умирают. Другими словами – это система

¹²³ См.: Гумилёв Л.И. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 36.

¹²⁴ См.: Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 38.

получающая энергию извне. Закрытую систему Л.Н. Гумилёв сравнивал с печкой, которая при нагреве выделяет определенное количество энергии в виде тепла, процесс которого при остывании прекращается, то есть, это замкнутая система с разовым получением энергии.

Анализируя второй характер деления, Л.Н. Гумилёв рассмотрел сначала жесткую систему, сравнивая её с хорошо работающей машиной, где нет ни одной лишней детали. Он считал, что в чистом виде жесткой системы никогда не может быть, хотя эта машина очень эффективно работает и поломка любой детали в ней, как в часовом механизме, ведет к мгновенной её остановке. И, наконец, последняя система в данной классификации получила название корпускулярной. Это система взаимодействия между отдельными частями, не связанными жестко между собой, но, тем не менее, нуждающимися друг в друге. В качестве примера Л.Н. Гумилёв привёл семью, как биологический вид корпускулярной системы, которая основана на том, что муж любит свою жену, а жена любит своего мужа. Как только эта связующая ось, которую он назвал взаимной любовью, кончается, система разваливается и её элементы немедленно входят в какие-то другие системные целостности.

В связи с этим напрашивается вывод, что этнос – это не что иное, как корпускулярная система, получающая единый заряд энергии, растратив который, она либо переходит к равновесному состоянию со средой, либо просто распадается на отдельные части. «Именно как системы такого типа существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя (мы) всем другим (не мы). Это явление противопоставления связывает социальные формы со всеми природными факторами: ландшафтом, климатом, почвой. Это механизм, при помощи которого человек влияет на

окружающую среду обитания, воспринимает её составляющие и кристаллизует их в свою культуру» – считал Л.Н. Гумилёв.¹²⁵

Очередным важным элементом теории этногенеза выступает феномен комплиментарности. Учёный указывал, что люди объединяются по принципу комплиментарности, (комплимент – *привет*, от лат. *complimentus*) т.е. неосознанная симпатии или антипатия друг другу. Он полагал, что когда создаётся первоначальный этнос, то инициаторы этого возникающего движения подбирают себе активных ребят, потому, что они им просто симпатичны. Свой тезис Л.Н. Гумилёв иллюстрирует примерами из истории. Таким образом, скажем, подбирали викинги юношей для своих военных походов, или как Ромул и Рэм отбирали себе товарищей в бандитскую шайку, которые впоследствии стали известными патрициями и основателями Римской республики. «Когда мы берём этот феномен в исторических, больших масштабах, то эти связи вырастают в очень могучий фактор – на комплиментарности строятся отношения в этнической системе».¹²⁶ Из всего выше сказанного вполне очевидно, что этносы являются биофизическими реальностями, всегда облечёнными в ту или иную социальную оболочку.

Этногенез – процесс, проявляющийся в жизнедеятельности этноса. Для совершения любой работы необходима энергия. В настоящем случае – это не механическая и не электрическая, а геобиохимическая энергия живого вещества биосферы, описанная В.И. Вернадским. Другими словами, энергия, полученная растениями в результате фотосинтеза и усвоенная животными через пищу. Она заставляет всё живое расширяться путем размножения до возможного предела и земля не переполнена живым только потому, что эта энергия разнонаправлена и одна система живёт за счёт другой. Раз геобиохимическая энергия очевидный факт то, согласно энергетическим законам, она должна переходить в другие формы энергии, например, тепловую или электрическую. Л.Н. Гумилёв предполагал, что сама живая

¹²⁵ См.: Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 19.

¹²⁶ Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 43-44.

личность создает вокруг себя какое-то напряжение, обладает каким-то реальным энергетическим полем или сочетанием полей. Поэтому весь интерес в настоящем случае должен заключаться в том, каким образом биополе особи оказывает влияние на её поведение. Возникает вопрос о соотношении энергетического поля человека с полем этноса и процессом этногенеза, ведь в основе этнического деления лежит разница поведения особей составляющих этнос.¹²⁷

При взаимодействии особей нового этноса немедленно возникает целостность, настроенная одинаково эмоционально, психологически, поведенчески и имеющая, очевидно, физический смысл. Здесь наблюдается одинаковая вибрация биотоков этих особей или единый ритм. При возникновении пассионарного поля, оно сразу соотнобразуется в коллектив пассионариев, например, общину или дружину. При этом охватываются не только пассионарные особи, но и те, которые получили данный настрой вследствие пассионарной индукции. В дальнейшем консорция превращается в этнос который, расширяясь и навязывая свой ритм, охватывает другие этносы. Несомненным фактом для Л.Н. Гумилёва являлось то, что «неравномерность биохимической энергии живого вещества биосферы за историческое время должна была отразиться на поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах. Эффект производимый вариациями этой энергии, описан нами как особое свойство характера людей и назван *пассионарностью* (от латинского слова *passio* – страсть)». ¹²⁸ Во всех началах этногенеза, как бы разнообразны они ни были, модель пассионарности остаётся всегда одинаковой. Л.Н. Гумилёв называл её характерологической доминантой, то есть формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением общественного и природного окружения, причём на достижение

¹²⁷ См.: Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 47.

¹²⁸ Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 48.

намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни.

Несомненно, что людьми, при совершении разного рода поступков, двигает инстинкт самосохранения личного или видового характера, проявляющийся в стремлении продолжения своего рода. Пассионарность же, кроме всего прочего, определялась Л.Н. Гумилёвым как инстинкт с обратным знаком или антиинстинкт. Это значит, что она имеет обратный вектор, ибо заставляет людей жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном пренебрежении ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей. Древние люди приписывали возникновение этносов либо полубогам, либо героям. Например, племенами эллинов были дворяне – потомки Геракла, ионяне – наследники Тезея, эоляне – потомки Кадама, пришельца из Финикии. Японцев, согласно легендам, породила богиня Аматерасу, а монголов – серый волк и пятнистая лань. В середине VIII века вокруг Ромула в Италии собрались 500 бродяг положившие начало римлянам, так же вокруг Чингис-хана сплотились «люди длинной воли» благодаря которым ему удалось создать небольшую орду, а потом объединить всю Великую степь до Урала и создать великую империю завоевателей.¹²⁹

Из этих и подобных консорций постепенно вырастали сначала этносы, потом возникали субэтносы и, наконец, появлялись суперэтносы – другими словами этнические галактики, объединяющие группы этносов целостности высшего порядка. Так римские граждане объединили Средиземноморье, создав тем самым Римский мир. Таким же образом франки стали ядром христианского или католического мира. Аналогичным образом евреи распро-

¹²⁹ См.: Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 390.

странились по всей Ойкумене, выделив несколько этносов в лице сефардов, ашкинази и фаллашей. Такой целостностью можно назвать и созданный монголами оригинальный «Кочевой мир». Эти целостности так же реальны, как и этносы, наблюдаемые непосредственно. Большая система может создаваться и существовать за счёт энергетического импульса, благодаря которому система получает внутреннее развитие и способность сопротивляться внешнему окружению. Этот энергетический эффект Л.Н. Гумилёв называл пассионарным толчком, считая, что «пассионарный импульс для возникновения этногенеза обязателен, а разнообразие, наблюдаемое в действительности, определяется ландшафтными, климатическими условиями, этническим соседством, культурными традициями, и силой самого толчка, т.е. импульса».¹³⁰

В его понимании новые этносы возникают не в монотонных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов и в зонах этнических контактов, где неизбежна интенсивная метисация. Благоприятствует этногенезу так же сочетания разных культурных уровней, типов хозяйства несходных традиций. Общим моментом является принцип разнообразия. Механизм этих процессов предположительно выглядит следующим образом. Пассионарный взрыв создаёт в значительном числе особей, обитающих на охваченном этим взрывом территории, особый нервно-психический настрой, связанный с повышенной активностью. Характер этой активности определяется местными условиями и в первую очередь – ландшафтами, а также этнокультурным окружением и уровнем социального развития, вот почему все этносы оригинальны и неповторимы, хотя процессы этногенеза по характеру и направлению сходны.

Л.Н. Гумилёв полагал, что прошлое человечества освещается традиционной исторической наукой весьма односторонне. В ходе исторической эволюции возникает множество зигзагов, дискретных процессов, делающих её мозаичной на исторической карте мира. Но

¹³⁰ Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 340.

поскольку у этих процессов, выражаясь словами учёного, есть «начала и концы», то они не имеют ничего общего с линейным однонаправленным процессом, а целиком и полностью связаны с биосферой, где они так же дискретны. Таким образом, социальная и этническая история не подменяют друг друга, а дополняют представление о процессах, проходящих на поверхности Земли, где сочетаются история природы и история людей.¹³¹

Во всех исторических процессах природное и общественное настолько тесно переплетено, что характер этой взаимосвязи на поверхности трудно уловить. Л.Н. Гумилёв полагал, что в первую очередь это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса. Несмотря на то, что этногенезы происходят в разных точках земной поверхности, в разное время и в разных условиях, тем не менее, путём эмпирических обобщений учёному удалось вывести кривую этногенеза. Он представлял её как инерционную, проявляющуюся с периодичностью вследствие взрывов или толчков внешними по отношению к антропосфере, которая из-за этих импульсов превратилась из монолитной в мозаичную, т.е. стала этносферой; единое человечество стало разнообразным не только похожим друг на друга, но и различным,

главным образом по стереотипам поведения. Причинами этих взрывов могут быть мутации, которые влияют на стереотип поведения, но которые практически не отражаются на фенотипе. Л.Н. Гумилёв писал по этому поводу, что мутируют только некоторые, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникли новые «породы», которые мы и фиксируем со временем как оригинальные этносы.

Пассионарность этих «пород» является обязательным условием перерастания их в этносы. В этом механизме заключается биологический смысл этногенеза, который не подменяет и не исключает смысл социальный. На процесс образования этноса влияют пространство и время, причём, в

¹³¹ См.: Гумилёв Л.И. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 73.

реальном, а не в мистическом смысле. Пространство – это ландшафтное и этническое окружение, то есть «ландшафтное окружение влияет на формы хозяйства, уклад данного этноса, определяет его возможности и перспективы. Этническое окружение – связи с соседями, дружеские или враждебные, – весьма и весьма влияет на характер создаваемой культуры».¹³²

Что касается времени оно, по мнению Л.Н. Гумилёва, является фазой этногенеза и этнического окружения, которая определяет варианты этнических контактов с ним. Кроме этого, свойственный данной эпохе уровень технического прогресса тоже оказывает свое влияние на создание новой культуры в рамках фактора времени, используя имеющиеся уже достижения технического прогресса, правда не всегда характеризующееся положительно. Скажем в Индии, до эпохи колонизации традиционно собирали высокие урожаи, возделывая поля деревянной сохой. Возмущенные такой отсталостью местного населения английские колонизаторы стали склонять его использовать при обработке земли современный отвальный плуг, что вскоре привело к быстрой эрозии лёгких лессовых почв. Этот пример является яркой иллюстрацией тому, когда мигранты, вступая в связь с аборигенами, начинают их поучать, вносить технические усовершенствования годные для родных ландшафтов мигрантов, но не для тех стран, куда они их механически переносят. Зачастую губительное воздействие подобного рода «экспорта технического прогресса» имеет необратимые последствия для того или иного этноса, да и биосферы в целом.

Кроме пространства и времени существует и третий компонент, влияющий на возникновение этноса, как источника культуры, который Гумилев определял как энергию. Этногенез возникает в ходе пассионарности, а пассионарность – это энергия, которая растрачивается в процессе этногенеза. Она уходит на осуществление политической деятельности, на создание культурных ценностей, на управление государством, на строительство городов. Это требует трудовых усилий сверх

¹³² Гумилёв Л.И. Указ. соч. С. 179.

тех, которые необходимы для обеспечения стабильно-сбалансированного существования человека и природы.

Отсюда следует, что без пассионарности её носителей, вкладывающих свою избыточную энергию в культурное и политическое развитие своей системы, никакой культуры и никакой политики просто не существовало бы. Можно сказать, что пассионарность как энергия – есть избыток биохимической энергии живого вещества, определяющий способность к сверхнапряжениям. Примером возрастания и ослабления пассионарности в этносе может служить этническая история России. Образовавшийся в XIV веке великорусский этнос имел, выражаясь удачным термином евразийца П.Н. Савицкого, своё «месторазвитие» в Волго-Окском междуречье, где хорошо сочетались лесные и луговые ландшафты.

Исходным компонентом Л.Н. Гумилёв считал потомков древних русичей, угро-финские племена и отчасти выходцев из монголов: «Берёзовые рощи, ополья, тихие реки Волгло-Окского междуречья были такими же элементами складывающегося в XIII-XIV веках великорусского этноса, как и угро-славянская и татаро-славянская метисация».¹³³ Конец XIV – начало XVI века является фазой подъёма в этногенезе великорусского этноса. Отметим, что в вопросе образования российского этноса, Л.Н. Гумилёв очень высоко оценивал евразийскую концепцию, был её продолжателем и в своих позднейших публикациях прямо называл себя «последним евразийцем». Евразийцы, разрабатывая свою концепцию, положили в её основание, кроме философских, религиозных и культурных принципов, так же принцип географический детерминизм, как одно из важнейших формирующих её начал.

Гумилев, переложив основные понятия евразийцев на язык теории этногенеза, писал: «С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен. Но главного в теории этногенеза – теории

¹³³ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 190.

пассионарности – они не знали. ... Им не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоение идей своего отца, Владимира Ивановича».¹³⁴ Евразийцы не указывали причин появления этносов, за исключением ландшафтных, но говорили об их развитии. Кроме этого, они достаточно туманно объясняли сближение тех или иных наций и народностей, хотя приводили тому массу примеров. Л.Н. Гумилёв переработал и частично использовал материал евразийцев, хотя никогда не ссылаясь на них. Объяснял он это тем, что на П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, с которыми был лично знаком и состоял в переписке, он не мог ссылаться, так как существовала очень жесткая цензура.

В заключение необходимо отметить, что концепция Л.Н. Гумилёва представляет для нас несомненную ценность потому, что в ней чётко и последовательно прослеживается идея социоприродной коэволюции, т.е. совместного, параллельного развития природных процессов и этнических общностей. Важно так же отметить, что теория этногенеза Л.Н. Гумилёва делает его сторонником идей геосоциологии, как одной из парадигм (и соответствующей ей системы принципов) в обществознании и философии, и дающее объяснение многим особенностям развития российской цивилизации.

2.3. Геосоциологическая парадигма в объяснении особенностей развития российской цивилизации

Исходя из предыдущего анализа, целью настоящего параграфа является аргументация и доказательство того, что отечественная геосоциологическая парадигма оказывается наиболее оптимальной методологической основой для объяснения особенностей развития российской цивилизации в сравнении с альтернативными объяснительными парадигмами.

¹³⁴ Гумилев Л.Н. Записки последнего евразийца / Л.Н. Гумилев // Наше наследие. – 1991. – № 3. – С. 62.

В современном цивилизационном развитии человеческого сообщества в предельном случае можно выявить два вектора: евроатлантический (глобализм) и локально-цивилизационный (антиглобализм). Очевидно, что стране определившей себе первый вектор развития в направлении либерализации экономики и строительства свободного рынка, для правильной оценки необходим учёт исторического опыта европейских стран. Сегодняшние попытки социально-экономического реформирования России, а также связанные с ними некоторые неудачи объясняются тем, что в основу принципов осуществляемого курса модернизации была положена теоретическая посылка, связанная с первым вектором. Её суть заключается в постулате, что судьбы всех стран мира, в том числе России, подчинены действию единых, универсальных для всех экономических законов общественного развития, определяющих движение человечества к успеху. Однако, по мнению ряда отечественных учёных «категория успешности страны цивилизационно относительна, ибо каждая цивилизация имеет свои собственные критерии успеха. Нет единого универсального принципа и в этологии экономического бытия. Ценность материального приращения для аксиологии многих цивилизационных систем, включая русско-православную традицию, сомнительна. Более того, отталкиваясь от фундаментальных историко-компаративистских выводов М. Вебера, можно говорить об ограниченности феномена экономической успешности рамками духовного ареала протестантской цивилизации (а соответственно, сформировавшейся на его основе ареалом экономики современного Запада)»¹³⁵. Эти выводы совпадают с размышлениями многих выдающихся мыслителей прошлого, указывавших на отсутствие в России этики успешности в ее западном понимании и на непригодность данной категории к русской национальной ментальности.

¹³⁵ Якунин В.И. Идеология экономической политики: проблема российского выбора / В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 259-260.

Поэтому прямое сопоставление уровня успеха у цивилизаций, различных по своему экономическому развитию, не вполне корректно. Каков же выход в поиске корректных оснований? Немаловажным, как нам представляется, в настоящем случае является признание поливариантности понимания успешности в мире, которое предлагает для сравнения критерий соответствия экономического развития стратегическим национальным интересам. В этом случае экономическая успешность есть не что иное, как проявление фактора национальной идентичности. Эта существенная оговорка является предостережением от попыток внедрения на российскую почву экономических моделей постиндустриальных государств Запада с более сильной экономикой. Следовательно, для экономик догоняющего типа развития, к которым относится Россия, внедрение подобных экономических моделей лишено конструктивного смысла.

Вместе с тем положительный опыт близких к России по характеру решаемых задач динамично развивающихся стран Востока, стоило бы оценить с гораздо большим вниманием, чем это имело место до настоящего времени. Успехи в социально-экономическом развитии Японии, Южной Кореи, Сингапура, Китая, Малайзии, Таиланда и т.д. вполне очевидны. Между тем, успешными они стали во многом благодаря тому, что особенностью их развития стали национальные традиции и менталитет в экономике, глубоко укоренившиеся в сознании народов этих стран и связанные с ними представления об особенностях японского, корейского, китайского и т.д. «национального духа». Известный исследователь культуры Японии С.В. Чугров, проводя некоторые параллели между культурными традициями России и Японии, отмечал: «Как Россия, так и Япония на протяжении своей истории прилагали целенаправленные усилия, чтобы освоить западные системы ценностей. Для России эта задача была значительно проще, поскольку сама Россия входит в западный ареал. Япония

оказалась более успешной в решении этой задачи. В национальном сознании прочно закрепился лозунг «японский дух – учёность европейская», который был призван обеспечить сочетание восточных моральных принципов с западным утилитаризмом».¹³⁶

Это убедительно показывает, что социальный мир по самой своей сути многообразен. Различным культурно-историческим типам, запечатленным в определённых национальных традициях, обычаях и нравах, в религиозных верованиях, фольклоре и литературе, соответствуют различные типы социокультурного и хозяйственного развития. Цивилизации разнятся своими системами ценностей, отношением к природе, труду, своим пониманием обязанностей перед семьёй, коллективом, обществом. Именно недооценка социокультурного разнообразия цивилизаций, как особого мира со своей цивилизационной идентичностью, как уже указывалось, может служить основной причиной неудач реформирования любого социального организма.

Попытки внедрения новой системы идеалов на ту или иную национальную почву должны получить свое глубокое духовное обоснование, войти в плоть и кровь народа, а не базироваться на одном лишь интересе к высокому материальному уровню жизни. Следуя этой логике, социальное ориентирование народов в духе идеалов новой демократии объективно невозможно в короткий срок. Необходима смена многих поколений людей, чтобы новая идеология была воспринята, а старые традиции стали достоянием истории. Это касается и России, поэтому её движение в сторону сочетания свободного рынка с полной внешней открытостью миру, с точки зрения геосоциологической парадигмы, лишено конструктивного смысла. На основе геосоциологической парадигмы может выстраиваться второй вектор цивилизационного развития России, согласно которому наиболее приемлемое решение для её самоопределения – это позиционирование России в рамках концепции локальных цивилизаций, другими словами,

¹³⁶ Чугров С.В. Россия и Япония: о некоторых параллелях в политической культуре / С.В. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11. – С. 48-54.

осознание её национально-культурной идентичности и доминирование такой модели экономического развития, которая ориентирована, прежде всего, на внутренний рынок.

Хорошо известно, что функционирование и развитие любого общества детерминировано различными факторами экономического, социокультурного, исторического характера и Россия здесь не исключение. Как отмечалось, одним из определяющих детерминирующих факторов в объяснении специфики характера и направленности развития российской цивилизации является природно-климатический фактор. Особенности географического положения и тесно связанные с ними особенности исторического пути России, наложили свой отпечаток на формирование сознания русского народа и на весь её многонациональный состав. Приверженность к аскетизму и этике самоограничения, соборность, коллективизм, служение отечеству – все эти качества, свойственные русскому народу были ему просто необходимы в суровых природно-климатических условиях и были сформированы под их воздействием. Огромнейшая территория при отсутствии естественных природных границ, геокультурный размах, богатые залежи полезных ископаемых, постоянная борьба в суровых природно-климатических условиях за выживаемость, военные столкновения выступали детерминантами в историческом развитии России и в формировании только ей характерных особенностей. Известно, что географические условия являются важнейшими в определении типа и форм хозяйственной деятельности, которые формируются у того или иного народа. Следовательно, западноевропейская форма хозяйствования сформировалась в западноевропейской климатической зоне, которая значительно благоприятней восточноевропейской. Очевидно, что в более суровых природно-климатических условиях России применение западноевропейской модели хозяйствования нецелесообразно.

Следует обратить внимание и на другую закономерность, указывающую на нецелесообразность использования европейских форм

хозяйствования, которая заключается в том, что в силу разности всё тех же природно-климатических условий на протяжении многих сотен лет количество затраченного труда в Европе и России удовлетворяло не одно и то же количество жизненно важных потребностей человека. В России их совокупность была всегда выше, а условия для их удовлетворения гораздо ниже. Отсюда и объём прибавочного продукта общества меньше и условия для его создания гораздо хуже, чем в Европе. Следуя выше предложенной логике, эта закономерность является свидетельством неоправданности развития России в соответствии с классическими рыночными канонами, что вполне согласуется с действительным пониманием задач современной России.

Интересно в этой связи мнение академика Л.В. Милова. Он считал, что фундаментальное отличие России от Европы кроется именно в условиях разности природно-климатических сред. Известно, что в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был крайне низок. Первой причиной стабильно низкой урожайности учёный видит в «худородности» почв. Однако низкое их плодородие, объясняет далеко не всё и основная причина, по его мнению, кроется в специфике природно-климатических условий исторического центра России. Учёный утверждал, что при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ был необычайно коротким, занимая всего 125-130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины октября. В течение, по крайней мере, четырёх столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на обработку у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота). Находясь в столь жёстком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями труда, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почв и капризов погоды. Реально же при данном бюджете рабочего времени качество земледелия его было таким, что

он не всегда мог вернуть в урожай даже семена. Выход из такой поистине драматической ситуации был один. Русский земледелец должен был в 21-25 рабочих дней реально вложить в землю такой объём труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал 40 дней. Практически это означало неизбежность труда без сна и отдыха, труда днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда стариков, детей, на мужских работах женщин). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ там был гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь-январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда. Отсюда и резкие различия между западом и востоком Европы в типе собственности, в типе государственности и характере капитализма.¹³⁷

Следует отметить, что веком раньше аналогичные мысли, на исходе XIX века, высказывал уже упоминавшийся русский учёный В.П. Воронцов, полагая важнейшим из факторов развития российской экономики – географический. А именно огромную протяжённость российских территорий на север и восток, вследствие чего «сокращается лето – время, удобное для сельскохозяйственных работ, и удлиняется зима – мёртвый земледельческий сезон».¹³⁸ С.М. Соловьёв, сравнивая географическое положение Восточной и Западной Европы справедливо утверждал, что «природа для Западной Европы, для её народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха».¹³⁹ Своё неблагоприятное местоположение Россия постоянно ощущала, находясь на стыке нескольких цивилизаций и испытывая с разных сторон разнообразное по характеру воздействие извне. В.О. Ключевский, оценивая

¹³⁷ См.: Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л.В. Милов // Общественные науки и современность. – 1995. – №. 1. – С. 76-87.

¹³⁸ Воронцов В.П. Интеллигенция и культура / В.П. Воронцов. – М.: Астрель, 2008. – С. 643.

¹³⁹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьёв. – М., 1965. – Кн. 7. – С. 7-8.

территориальные расширения Московского государства в XVI веке, указывал на то, что увеличение территорий поставили Московские земли «в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси – шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение похожее на вооружённый лагерь».¹⁴⁰

Западная Европа всегда находилась, по сравнению с Россией, куда в лучшем положении. Сама природа создала для западной цивилизации своеобразную крепость, где с юга её ограждали Альпы и Пиренеи, с Севера – Северное море, На Западе – Атлантика, а на востоке Карпаты. Плюс – это мощные реки, леса и болота делали её практически неуязвимой, а незначительные набеги мадьяр, норманнов или арабов, которые, либо промышляли грабежами, либо просто были не в состоянии вести войны с целью порабощения, по существу не представляли смертельной угрозы для существования западной цивилизации.

Сравнивая социально-экономические процессы России и Европы в динамике их исторического развития, сквозь призму природно-климатических условий хозяйствования, напрашивается очевидный вывод. Одной из объективных причин объясняющих затяжной характер социально-экономических реформ в России является неблагоприятные природно-климатические условия, обуславливающие огромные издержки производства минимизирующие прибавочный продукт, что в условиях бедного общества неизбежно приводит к ещё большему обнищанию и люмпенизации населения.

Суровые природно-климатические условия – один из фундаментальных факторов, определяющих состояние и развитие промышленности, энергетики, сельского хозяйства, социально-бытовой сферы современной России. Анализируя её естественно-природную специфику профессор Н.Н. Родзевич отмечал, что «климат России суровей, чем в любой

¹⁴⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М.: Альфа-книга, 2009. – С. 22.

индустриальной стране мира и многие черты природы связаны с её северным положением. Более половины территории России (64,3%) располагается к северу от шестидесятой параллели. На такой широте в Европе находятся лишь Финляндия, Исландия, Норвегия и часть Швеции. Но в отличие от России эти страны имеют относительно мягкий климат, благодаря тому, что все они находятся в непосредственной близости от тёплого сектора Атлантического океана и его морей. Поэтому их климат намного мягче, чем на Русской равнине. Отмечая разницу годовых амплитуд температур между Лондоном (15°C) Берлином (19°C), Варшавой (22°C) и Москвой (28°C) становится очевидным, что условия для хозяйственной деятельности и прежде всего для земледелия, в России намного хуже, чем в других европейских странах».¹⁴¹

Оригинальные, для сравнения климатических зон Европы и России, примеры проводит учёный-экономист А.П. Паршев, указывая, что «климат становится более холодным не с юга на север, а с запада на восток, и иногда даже, наоборот – с севера на юг, а точнее, с побережий, вглубь континента. Обратите внимание В Ленинграде теплее чем в Москве, а ведь он километров на 400 севернее. В Хельсинки всегда теплее, чем в Орле, хотя Хельсинки на 1000 км севернее. Под Вильнюсом в июне поспевают черешня, а в Московской области – нет, потому, что вымерзает зимой. А широта та же! Вильнюс на 1000 западнее, вот вам и своя черешня. В Латвии из-за дороговизны бедняки могут отказаться от отопления и горячей воды. Попробуйте хотя бы даже в Курске на зиму тепло отключить! А ведь Латвия существенно севернее. Западная Европа по нашим понятиям, субтропики».¹⁴²

Из крупнейших по площади государств по географическому положению к России наиболее близка Канада, значительная часть которой

¹⁴¹ Родзиевич Н.Н. Особенности природы России, их влияние на хозяйство и экологические условия страны / Н.Н. Родзиевич // География в школе. – 1995. – № 5. – С. 12.

¹⁴² Паршев А.П. Почему Россия не Америка. 2015 / А.П. Паршев. – М.: Алгоритм, 2015. – С. 37.

находится к северу от пятидесятой параллели. Но в отличие от России, обжитая часть Канады, почти весь её зерновой пояс, находится к югу от этой параллели или в непосредственной близости от неё к северу. Иначе говоря, земледелие и индустриально развитая часть Канады сосредоточены на территории с климатом, которой примерно соответствует климату Ростовской области или Краснодарского края. В связи с этим можно заключить, что значительно меньший, чем Евразия, североамериканский континент не имеет резко континентального климата. Сильная и постоянная в течение года циклоническая деятельность ослабляет континентальность климата. Здесь не бывает замкнутых застойных областей ни низких, ни высоких областей. И это является кардинальным отличием от Востока Европы (не говоря о Сибири). Зимы в Канаде суровы, и температурный минимум может достигать -45°C , но морозы не стойки. В среднем же зимняя температура на $15-20^{\circ}$ выше, чем в наиболее суровых районах Восточной Сибири. Следовательно, и грунт земли не промерзает так, как в Сибири и в ряде районов Восточной Европы. Особенно Важно подчеркнуть изобилие снежных осадков.¹⁴³

В северном полушарии самая большая территория с экстремальными природными условиями расположена на территории России. От всех названных северных стран, за исключением Гренландии, Россия отличается суровостью климата: низкими зимними температурами и большей их продолжительностью, меньшим количеством осадков, большими годовыми амплитудами температур. Оймякон – мировой полюс холода, где температура зимой опускается -60°C , так же расположен на территории России. Продолжительность залегания снежного покрова до 80 дней на юге и до 280 дней на Крайнем Севере. Средняя температура января от 0 до минус 5 на западе европейской части и до минус 40-50 на северо-востоке. Вся северная половина России очень уязвима к антропогенным воздействиям. Экосистемы здесь легко разрушаются и крайне медленно восстанавливаются.

¹⁴³ См.: Паршев А.П. Указ. соч. С.40.

В целом Россия отличается от других стран северного полушария наиболее ранимой природой. Можно заключить, что за исключением Северного Кавказа, вся Россия – холодная северная страна.

Однако не только этим определяются географические особенности нашей страны. Профессор Б.С. Хорев утверждал, что на таких же широтах существуют другие крупные регионы с достаточно суровыми климатическими условиями: Аляска, Гренландия, однако на всех этих территориях проживает относительно небольшое количество населения, чего не скажешь о России. На ее территориях с неблагоприятными климатическими условиями проживает огромное количество людей. Россия единственная страна в мире, где в зоне экстремальных природных условий находятся большие города с населением свыше 100 тыс. жителей: Воркута, Инта, Сургут, Нижневартовск, Норильск и т. д. Лишь на 40% территории нашей страны люди могут строить города и поселки без специальных дорогостоящих мер защиты от неблагоприятного воздействия суровой, малопригодной для обитания природной среды. Особенно пагубно сказывается суровость климата на сельскохозяйственном производстве. В холодной стране необходимо иметь в рационе питания повышенное содержание белков животного происхождения, но интенсивное животноводство в России затруднено из-за нехватки более ценных кормовых культур – кукурузы и сои: они могут вызревать у нас лишь на ограниченных территориях. Многие жизненно важные сельскохозяйственные культуры на территории России не растут или же их выращивают на очень небольших площадях. После распада наша страна лишилась хлопка, большей части чая, в значительной степени сахара, кукурузы, подсолнечника.¹⁴⁴

Во внутренних частях огромного материка Евразии континентальные полупустыни и пустыни занимают самое северное положение в мире. Они находятся в непосредственной близости от южных границ России. На севере нашей страны располагаются арктические ледяные пустыни. Таким образом,

¹⁴⁴ См.: Хорев Б.С. Анти-рынок / Б.С. Хорев. – М.: Палея, 1994. – С. 22.

в совокупности с воздействием арктических и южных пустынь, это усугубляет континентальные черты климата. В результате около 45% всех земледельческих угодий России находятся в условиях недостаточного увлажнения. От всех других стран мира Россия отличается так же огромными размерами территорий с мерзлотными грунтами. Более чем на 60% площади нашей страны распространена вечная мерзлота. Причем к востоку от Енисея она встречается, вплоть до самых южных границ государства. Присутствие мерзлоты отрицательно сказывается на всех отраслях хозяйства, приводит к усложнению технологий строительных работ, к росту себестоимости продукции. Строительство домов и любых других сооружений на обширных пространствах нашего государства требует применения специальных мер, которые должны предохранять мерзлоту от деградации. В противном случае постройки будут разрушены.

Многолетняя мерзлота вызывает у людей множество проблем, которые не возникают в большинстве других стран мира. Так, по оценкам специалистов-экологов, в результате глобального потепления может произойти метановая катастрофа – выброс значительного количества метана из газогидратов, залегающих в земных глубинах, при таянии вечной мерзлоты. Как известно, метан является источником парникового эффекта, который приводит планету к глобальному потеплению. Кроме этого он гораздо более опасный, чем углекислый газ, а болота Западной Сибири, при более глубоком протаивании мерзлотных грунтов, могут стать как раз тем источником выбросов в атмосферу опасного газа. Парниковый эффект от выбросов метана в 21 раз больше, чем от выбросов диоксида углерода, поэтому сокращение выбросов CH_4 имеет существенное значение. Источником этих выбросов являются в основном угольная и газовая промышленность.¹⁴⁵

¹⁴⁵ См.: Крейнин Е.В. Глобальный климат и парниковый эффект / Е.В. Крейнин // Экономика и промышленность России. – 2007. – № 5. – С. 2.

По мнению А.П. Паршева глубина промерзания напрямую зависит от силы и продолжительности морозов. У нас на юго-западной границе России глубина промерзания 110 см. А ближе к Поволжью – 170 см. Стоимость даже простого фундамента под лёгкий садовый домик составляет у нас 30% от общей стоимости строительства. Чтобы построить завод, например, в Ирландии или Малайзии достаточно заасфальтировать площадку и поставить каркасную конструкцию типа выставочного павильона. Фундамента на непромерзающем грунте практически не нужно. Достаточно срезать дёрн. Это касается и инженерных коммуникаций, то водопровод и канализации в Европе прокладывают практически на поверхности земли, в России не ниже глубины промерзания. Любые строительные работы стоят денег. Зимой рытье траншей под любые инженерные коммуникации стоят как минимум в три раза дороже, чем в летнее время. Но где деньги текут буквально струей, так это при кладке стен. В Англии достаточно толщины стены в один кирпич, а вот в средней полосе России нужно минимум 3,5 кирпича. В Малайзии или Таиланде при средней температуре января и июля + 28°C стены нужны только для защиты от ветра и делаются из металлического или шиферного листа. Под массивную стену нужен и более прочный, а значит, и более дорогой фундамент. Наш одноэтажный кирпичный дом весит как английский трехэтажный. Кроме этого, все, что эксплуатируется, подвержено износу, а любой передел или ремонт, отвечающий природно-климатическим условиям, особенно северным, стоят в России выше, чем где-либо в мире. Ведь даже морозостойкие краски или конструкционные металлы стоят намного дороже, чем обычные, так как перепад температур в 70-90°C выдерживает не всякий материал.¹⁴⁶

Из сказанного становится ясно, что любое строительство в России дороже, чем в Европе в 2-3 раза, а с субтропиками вообще ни в какое сравнение не идёт. Соответственно, выше и амортизационные выплаты

¹⁴⁶ См.: Паршев А.П. Почему Россия не Америка. 2015 / А.П. Паршев. – М.: Алгоритм, 2015. – С. 48.

(плата за квартиру, аренду помещений), и это без учета того, что эксплуатируемые помещения и здания недолговечны. Россия остаётся самой энергорасточительной страной мира. По официальным данным на обогрев 1 кв.м. помещений в России в среднем требуется впятеро больше топлива, чем в такой же холодной Швеции...Потери энергии в России составляют до 40% от её потребления, или свыше 400 млн. тонн условного топлива. Почти треть этих потерь приходится на жилищно-коммунальное хозяйство. Наибольшие потери тепла присущи серийным панельным домам, печально знаменитыми своей не приспособленностью для жизни в наших климатических условиях.¹⁴⁷

В России, в связи с суровыми природно-климатическими условиями, дорогое не только строительство, а также и ресурсы, и их транспортировка. Общеизвестно, что ресурсы – это в первую очередь сырьё, комплектующие, оборудование и т.д. В условиях свободного мирового рынка, цены на всё, что продаётся, примерно одинаковые. Поэтому для российского потребителя российское сырьё обойдётся в ту же цену, что и для иностранного так, как ориентироваться на патриотические чувства, тем более на благотворительность отечественных производителей и даже государства, играющих по правилам свободного рынка, уже никак не приходится.

В России в настоящее время выявлено, разведано и предварительно оценено не так уж много месторождений крупных запасов полезных ископаемых. Однако, к сожалению, необходимо констатировать, что величина этих запасов, даже подготовленных к промышленной эксплуатации, не играет большой роли. Всё дело в том, что на разработку и добычу некоторых из них потребуются колоссальные финансовые вливания, которые не покроет никакая выручка. Это касается отдельных месторождений угля, золота и др. Получается, что таких ресурсов всё равно, что нет. То, что было пригодно к разработке в СССР, уже не привлечёт

¹⁴⁷ См.: Елдышев Ю.Н. Особенности национальной энергетики / Ю.Н. Елдышев // Экология и жизнь. – 2005. – № 3. – С. 21.

западных инвесторов, а на освоение новых месторождений они попросту не согласятся, и причина одна – дорого!. Даже нефтяные месторождения для иностранных инвесторов малопривлекательны. Чтобы воспользоваться тюменской нефтью, надо на вечной мерзлоте построить многие сотни километров дорог, дешевле и проще воспользоваться кувейтской нефтью, себестоимость которой ниже сибирской. Это касается разработки и добычи газов на полуострове Ямал, где Газпром сам осваивает месторождения, без всяких инвесторов.

Что касается неисчерпаемости топливных ресурсов в России – это миф. Нефть, газ и уголь – это невозобновляемые ресурсы, а значит, исчерпаемые. Кроме этого их добыча, транспортировка, и реализация стоит немалых денег. У нас нет предприятия или посёлка без котельной – в отличие от почти всего остального мира. Поэтому, когда перед западным инвестором встаёт выбор – построить завод в Сибири и 7-8 месяцев в году расходовать деньги на его отопление, или вложить свой капитал, предположим, в Таиланде или Малайзии, где среднегодовая температура +28°C круглый год и тепловые ресурсы действительно неисчерпаемые, ответ становится очевидным. С каждым годом добыча углеводородного топлива становится всё дороже и требует всё больше энергии, так, что в перспективе на добычу такого топлива будет тратиться энергии почти столько, сколько получится от его сжигания. В связи с этим возникает необходимость диверсификации энергетики за счёт увеличения вклада возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – это биосинтез и биомасса как топливо, солнце, ветер, водород, геотермальное тепло, энергия малых рек и океана. Однако, не смотря на высокий технический потенциал ВИЭ у нас в стране, экономическая целесообразность её использования крайне низкая, так как решающая роль в энергетике всё же отводится традиционному топливу.

Говоря о транспорте необходимо отметить, что распространённые среди них железнодорожный, автомобильный и трубопроводный – чрезвычайно дороги и энергоёмки. Например, очень дорого обходится

транспортировка нефти из Сибири в Европейскую Россию. Наша нефть вязкая, её трудно перекачивать, и приходится подогревать, особенно зимой. На подогрев и перекачку расходуется, по сути, значительная часть добытых энергоносителей. Самый дешёвый вид транспорта – морской и речной, но его состояние в последнее время оставляет желать лучшего, как и состояние замерзающих и незамерзающих водных путей. Фарватеры многих рек не очищены, что осложняет и без того сложные условия судоходства. Подводя итог сказанному, необходимо дать ответ как минимум на два вопроса. Каковы результаты интеграции российской экономики в мировую хозяйственную систему? Каковы перспективы формирования будущей экономической модели России?

Отвечая на первый вопрос необходимо сказать, что большая часть отечественного производства характеризуется чрезвычайно высоким уровнем издержек, и они выше, чем во многих промышленных зонах мира. Простой анализ затрат на производство по статьям расходов показывает, что по каждой из них Россия проигрывает целому ряду экономически развитых стран, а компенсировать их излишки нечем. В основе затратности российского производства лежат в первую очередь сложнейшие природно-климатические условия, которое требуют значительного расхода энергоносителей. Энергия стоит денег, поэтому наша продукция при прочих равных условиях получается дорогой. Из этого как минимум следует, что себестоимость нашей продукции, по потребительским характеристикам оказывается выше иностранного аналога, реализовав который по мировым ценам мы оказываемся в убытке, а не в прибыли – это первое. Второе – это то, что наши промышленные зоны оказываются непривлекательными для капиталовложений со стороны зарубежных инвесторов в силу неблагоприятных климатических условий. Из этого следует, что интегрирование России в мировое экономическое хозяйство и решение с её помощью внутренних социально-экономических проблем в настоящее время неосуществимо.

Что касается второго вопроса, как полагают некоторые отечественные учёные, в условиях современной России перспективы формирования будущей экономической модели вытекают из естественно-необходимых факторов и условий её развития. Это значит, что в условиях неконкурентноспособности и высокой затратности отечественной экономики, делающих нецелесообразным в настоящее время её интегрирование в мировое экономическое хозяйство, более приемлема, как нам представляется, экономическая модель развития с ориентацией на разумное самоограничение от влияния международного рынка. Для этого необходимо соблюдение, как минимум, четырёх требований: установление государственной монополии внешней торговли, прекращение вывоза капитала, отмены конвертируемости рубля и осуществления государственного контроля над банковской деятельностью. Как отмечал профессор А.Г. Малыгин: «Если мы хотим в условиях рыночной экономики достичь уровня жизни высокоразвитых стран, то необходимо разработать и внедрить технологии, позволяющие извлекать из недостатков нашей природно-климатической зоны преимущества, полностью компенсирующие эти недостатки. Это почти фантастическая задача. Но только после её решения возможна либерализация экономических отношений с внешним миром. Все другие попытки достичь процветания в обход принципиальных ограничений, накладываемых экономической географией, по своей безысходности напоминают попытки изобретателей вечного двигателя обойти закон сохранения энергии».¹⁴⁸

Что касается идейно-теоретической базы, в рамках которой будут осуществляться реорганизационные процессы, то наиболее приемлемым теоретико-методологическим фундаментом решения проблемы можно считать локально-цивилизационный подход. Он представляется более адекватным стратегической задаче новой экономики России, а именно,

¹⁴⁸ См. Малыгин А.Г. Климат против рынка / А.Г. Малыгин // Природа и человек. – 1995. – № 12. – С. 3.

обеспечению высоких устойчивых темпов ее роста и сокращению разрыва уровня экономического и социального развития с ведущими странами Запада.

Социальный мир сегодня развивается в направлении диверсификации экономик и параллельного существования культур в целях взаимного обогащения. А это цивилизационное разнообразие вполне может быть осознано на основе теории локальных цивилизаций, концептуальным стержнем которой как раз и является геосоциологическая парадигма. Сказанное, разумеется, не означает, что России необходимо отгородиться от остального мира в некоторой замкнутой «комнате счастья». Подобный опыт автаркии уже был («железный занавес») и закончился для российской экономики очередным существенным экономическим и технологическим отставанием от развитых стран мира. Речь не идет о необходимости самоизоляции. Речь идет о необходимости творческого преобразования и применения на российском цивилизационном пространстве европейских форм хозяйствования.

В начале настоящего раздела отмечалось, что в контексте обсуждаемой проблематики актуализируются вопросы сохранения российской цивилизационной и национально-культурной идентичности. Ключевой проблемой, характеризующей процесс мирового развития на рубеже XXI века, стала глобализация. Её суть состоит в расширении взаимосвязей народов и государств, которые выражаются в процессах формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка, интернационализации экологических проблем, межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Глобализация выражается и во взаимопроникновении культур, цивилизаций, в усилении стандартизации образа жизни, в поведении людей. Она включает и многие другие стороны усиления взаимосвязи и интеграции человеческих сообществ: повышение роли транснациональных структур и участников международных отношений, региональных и общественных организаций.

Однако, признавая многие её положительные стороны, необходимо отметить, что она породила и целый ряд негативных явлений. Так одной из серьёзных опасностей глобализации является односторонний характер культурного взаимодействия и возможность утраты своей самобытности многими народами, не относящимися к западной цивилизации. Отсюда становится крайне актуальным вопрос сохранения основ цивилизационно-культурной идентичности на основе тщательного анализа гуманистической сущности глобализации, выявления её общечеловеческих, социокультурных идеалов и ценностей, не отрицающих культурного многообразия мира.

В критических высказываниях ряда отечественных учёных по поводу нынешних процессов глобализации, рассуждения о её негативном воздействии на состояние культуры давно уже заняли одно из центральных мест. Глобализация, по их мнению, ведёт к исчезновению самобытных культур многих не только малых, но и больших народов. Под её влиянием формируется общий унифицированный стандарт, разрушающий многообразие традиционных укладов жизни, обычаев и культурной идентичности. Тем самым, одним из последствий глобализации является подавление и выхолащивание национальных культур, что, вне всякого сомнения, ведёт к обеднению мировой цивилизации в целом. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, где в одномерном, унифицированном мире, люди лишатся ценностей национально-культурной идентичности. Данные тенденции могут спровоцировать жесткую реакцию со стороны незападных наций и породить предсказанное С. Хантингтоном столкновение цивилизаций.¹⁴⁹

Но если глобализация объективна и неизбежна то, как человечеству преодолеть указанные угрозы? Ответ, возможно, следует искать в плоскости изменения характера глобализации, который заключается в обобщении исторического, культурного, хозяйственного, социального, политического,

¹⁴⁹ См. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2006. – С. 15-22.

национального, религиозного опыта различных народов и государств в форме различных проектов и тезисов внесённых в общую копилку развития человечества. Многое зависит от способности той или иной культуры к творческому восприятию исходящих извне воздействий, от умения трансформировать заимствованное в соответствии с собственными традициями и ценностями и отсеивать при этом всё то, что с этими ценностями несовместимо. Но это проблема внутреннего потенциала, творческой состоятельности и состязательности самой культуры, а не внешних регламентаций и искусственных запретов, стремящихся к сохранению культурной самобытности и национальной идентичности народов.

В этой связи чрезвычайно интересна позиция отечественного историка-востоковеда Н.И. Конрада, много и плодотворно работавшего над осмыслением всемирно-исторического процесса. В переписке с крупнейшим историком и философом XX века, А.Дж. Тойнби он свидетельствовал: «История человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый своё собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества!».¹⁵⁰ Сам Тойнби так же полагал, что объединение человечества неизбежно, но путь к нему долг, что это будет синтез всех цивилизаций. Более того, Тойнби полагал, что Запад сам должен обогатиться за счёт других цивилизаций и предупреждал против соблазна быстрого и насильственного объединения человечества.

В заключении следует ещё раз отметить, что в объяснении перспектив развития российской цивилизации более конструктивным, в сравнении с конкурирующими объяснительными парадигмами, представляется локально-цивилизационный подход, концептуальным ядром которого являются общие

¹⁵⁰ Конрад Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М.: Наука, 1966. – С. 476.

методологические принципы отечественной геосоциологической парадигмы, которые рассматриваются в следующем параграфе.

1.4. Общие методологические принципы отечественной геосоциологической парадигмы

Исходя из вышеприведенного анализа творчества российских и европейских представителей историко-философской мысли XIX века следует констатировать, что одним из наиболее распространенных и популярных методологических принципов в объяснении природы детерминации социальных процессов и социальной жизнедеятельности является широко известный принцип географического детерминизма. Именно он лежит в основе отечественной геосоциологической парадигмы, которая объединяет различные теории, принципы, методы которые, несмотря на некоторые различия между ними, едины в одном: человеческая общественная жизнедеятельность самым непосредственным образом предопределяется окружающей природной средой, географическими, климатическими и т.п. условиями хозяйствования, а каковы эти условия, такова и жизнедеятельность конкретного народа или этноса, её содержание, формы и вектор развития. Данный, с одной стороны достаточно тривиальный, а с другой – методологически весьма эффективный (несмотря на внешнюю простоту и самоочевидность) объяснительный принцип и принято именовать географическим детерминизмом. Географический детерминизм как принцип объяснения социально-исторических процессов стал весьма популярным в русской философии в XIX веке. Если учитывать преемственность духовных ценностей и традиций, то время формирования отечественной геосоциологической парадигмы, ее основополагающие концепты, значимы и для современного этапа развития историко-философской мысли. Поэтому целесообразно рассматривать развитие геосоциологической парадигмы поэтапно, в потоке ее прогрессирующих

идей, сопровождая подобное рассмотрение сопутствующим анализом ее гносеологической природы. В связи с этим обратимся к анализу развития некоторых геосоциологических идей и самого принципа географического детерминизма, как они представлены в трудах классиков данного направления, учитывая их оценочные аспекты и современное звучание.

Сторонники данного направления придерживаются мнения, что именно естественная среда является одним из необходимых и постоянных условий духовной и материальной жизни общества и влияет на ее развитие. Например, она ускоряет социальное развитие при благоприятном географическом положении той или иной страны, наличием естественных богатств и наоборот, развитие общества затрудняется, если благоприятных естественных условий нет. Рассуждая таким образом, один из основоположников географической школы Ш. Монтескье писал: «В стране с подходящей для земледелия почвой естественно устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска. Кого следует считать добрыми гражданами, – говорит Цицерон Аттику, – уж не торговцев ли и земледельцев, которых, по крайней мере, нельзя считать противниками монархии, так как для них все правления равны, лишь бы сами они были спокойны. Таким образом, в странах плодородных всего чаще встречается правление одного, а в странах неплодородных – правление нескольких, что является иногда как бы возмещением за неблагоприятные природные условия».¹⁵¹ В данном случае принцип географического детерминизма применен к объяснению исторических явлений.

Современник Ш. Монтескье немецкий просветитель И. Гердер высказывал аналогичные мысли в Германии в конце XVIII века, при анализе

¹⁵¹ Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 392-393.

общественной жизнедеятельности полагая, что естественные условия, среда обитания, климат и т.д. оказывают решающее и главенствующее влияние не только на прогресс развития общества как такового, но на духовные и моральные качества отдельных индивидов, поскольку они представляют неотъемлемую часть физической природы, и тем самым на индивидуальность народов в целом. На той же платформе географического детерминизма, но уже в условиях российской действительности середины XIX века, С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» обосновывал особенности детерминации процессов общественной жизни и хозяйствования следующим образом: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского моря до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев, верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению. И равнина, как бы не была обширна, каким бы не было вначале разноплеменным ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними».¹⁵²

Связь между древнерусским этносом и географической средой здесь вполне очевидна. Тем самым, философской и методологической основой историко-культурологических взглядов С.М. Соловьева, благодаря которым обнаруживается объективная связь между естественными условиями географической среды и характером экономических занятий восточных славян, древнеславянской культуры в целом, оказывается принцип

¹⁵² Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьёв. – М.: Колокол-Пресс, 1993-1998. – Кн. 14. – С. 60.

географического детерминизма. Данный принцип позволял ему связать в единое целое географическую среду «обитания» восточных славян с особенностями не только их материально-хозяйственной, но и духовной жизни. Соловьев был уверен, что роскошная природа притупляет умственную и физическую деятельность человека, а более скупая на дары природа, требует постоянной напряжённой умственной и физической деятельности от человека, держит его всегда в возбужденном состоянии.

Данное высказывание С.М. Соловьева о преимуществах умеренного пояса перед тропическим климатом в деле активизации и умножения человеческой деятельности перекликается с геосоциологической концепцией Л.И. Мечникова, основные положения которой он изложил в работе «Цивилизация и великие исторические реки». Большую часть своей книги Л.И. Мечников посвятил рассмотрению древних «речных цивилизаций»: египетской, индийской ассиро-вавилонской и китайской. Анализируя собранный научный материал, ученый пришел к выводу, что именно великие реки являются колыбелями первых древних цивилизаций. Он был убеждён, что именно реки являются выражением живого синтеза всей совокупности физико-географических условий: климата, почвы, рельефа земной поверхности, и геологического строения то или иной области.¹⁵³

Природно-географические условия, созданные «великими историческими реками» и жарким климатом, ставили перед жителями орошаемых долин альтернативу: смерть или солидарность. Чтобы не погибнуть в условиях исключительной по своему характеру среды, нужны были совокупные усилия прибрежного населения. Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость возведения сложных ирригационных сооружений, содержание их в надлежащем виде и сложная система регулирования – все это толкало большие массы людей на путь кооперации, так как только благодаря строго дисциплинированному труду в огромных

¹⁵³ См.: Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – Петроград, 1924. – С. 159.

масштабах можно было рационально организовать жизнь и пропитание. Суровая необходимость, продиктованная условиями природно-географической среды, и привела к возникновению первых известных в истории речных цивилизаций.

В поисках теории взаимосвязи природы и общества и её философского обоснования положительные результаты дают исследования В.О. Ключевского. Его идеи в общих чертах в рамках географического направления созвучны с размышлениями С.М. Соловьева. Интерес в данном случае представляет сравнительная характеристика Европы и Азии. Удобное географическое положение Европы, несомненно, играло положительную роль в прошлом, когда зависимость человека от природы была особенно велика и благоприятные природные условия способствовали активной производственной деятельности людей. Очевидный интерес представляют высказывания Ключевского о необходимости обеспечения гармоничного взаимодействия законов окружающей среды с производственными усилиями человека и его утверждения о том, что нарушение этой гармонии губительно для природы. Он указывает, что потребительское отношение человека к природе с целью удовлетворения своих потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности. В противном случае, заявляет В.О. Ключевский, природа будет во всём противодействовать человеку. Этот тезис как никогда актуален сегодня и слова учёного служат предупреждением, что природу легко разрушить неумелыми действиями.

Таким образом, геосоциологическая парадигма и её методологическая основа – географический детерминизм обладают важным объяснительным и эвристическим потенциалом. Этот потенциал сегодня делается наглядным, когда становится все более очевидной необходимость формирования гармоничных отношений между природой и человеком.

Подобный подход характерен для современных философских концепций «коэволюции», которые также вытекают из геосоциологии, констатируя параллелизм в развитии природы и человека. Наконец,

правильность методологических и мировоззренческих принципов геосоциологической парадигмы демонстрирует сама жизнь, современная практика. Сегодня, когда экологический кризис стал головной болью человечества, вести социально-гуманитарный дискурс только в пределах имманентных обществу «законов общественного развития» представляется верхом ограниченности. Совершенно очевидно, что биосфера едина и человек выступает ее органической частью.

Следовательно, можно констатировать, что методология геосоциологии в той или иной степени реализовала себя в таких отечественных философских учениях и научных теориях XX века, как учение В.И. Вернадского о ноосфере, теория биосоциальной коэволюции, теория этногенеза Л.Н. Гумилева, учение о «Коллективном Интеллекте» Н.Н. Моисеева, евразийство, отечественная геополитика конца XX – начала XXI вв. Перечисленные учения и теории исходят из того, что российская цивилизация имеет особый вектор развития (в истории, социально-государственном устройстве, экономике, политике и т.д.) в силу природно-географических, ландшафтно-рельефных, климатических и иных особенностей её локализации и бытования на планете.

Таким образом, геосоциологическая парадигма обладает большим прогностическим потенциалом. При этом на новом этапе развития ею были частично ассимилированы некоторые принципы системного анализа. Скажем, структурно-функциональный анализ, принцип многофакторности, интегральности, поскольку они не противоречат принципам геосоциологической парадигмы как таковой.

Систематизируя вышесказанное, можно сделать вывод, что основными методологическими принципами отечественной геосоциологической парадигмы необходимо считать: а) принцип обусловленности развития социума природно-климатическими условиями и географической средой обитания и; б) принцип относительной автономности природных и социокультурных детерминант развития; в) принцип несводимости

(и невыводимости) социокультурных детерминант развития к природным (из природных) и обратно; г) принцип коэволюции природных и социальных факторов; д) принцип параллельного и обратнoзависимого коэволюционного возрастания социальных, техногенных природных закономерностей и факторов; е) принцип интегральности (системности) анализа; ж) принцип пассионарности, т.е. зависимости социума от происходящих в различных регионах планеты природно-энергетических процессов; з) принцип ноосферности, и) экологический принцип сбережения и охраны окружающей природной среды, являющейся необходимым условием существования человека, отдельных человеческих сообществ и планетарной цивилизации в целом.

Значение теоретиков русской геосоциологической школы огромно. Их прогрессивный вклад в теорию и методологию обществознания заключался именно в том, что в объяснении социальных процессов они не склонялись к одностороннему признанию в качестве основополагающего, ни географический, ни социокультурный фактор. Новизна здесь как раз заключалась в обратном, а именно: не в одностороннем, а в двухстороннем и равнозначном учёте обоих факторов и понимания важности данного учёта для общественного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем наиболее значимые итоги. Даны определения исходным понятиям диссертационного исследования: «геосоциология» и «парадигма». Обосновано смысловое преимущество понятия геосоциологическая парадигма в сравнении с понятием «географический детерминизм». В понятии «*гео-социология*» фиксируется необходимость учета двоякой детерминации в объяснении происхождения и протекания социальных процессов, исторического развития человечества в целом: природно-географической среды и собственно социальных закономерностей. Два этих вида детерминант относительно автономны; одновременно, они переплетены и взаимодетерминируют друг друга. Их неразрывная динамика и взаимообусловленность удачно отражены в термине «геосоциология». В понятии же «географический детерминизм» акцент делается только на одной группе факторов, – факторах окружающей природной среды, в тоже время не учитываются факторы «внутрисоциальные», в возрастающей степени движущие общество вперед по мере его прогрессирующего развития.

Задачи первой главы состоят в раскрытии идейно-философских истоков географического детерминизма как исторического этапа в становлении отечественной геосоциологической парадигмы. Основная идея географического детерминизма состоит в том, что при объяснении процесса развития человеческих сообществ необходим учет окружающей природной среды. Человечество, несмотря на всю свою сегодняшнюю мощь и независимость не в состоянии существовать и развиваться без непосредственно окружающей его природной среды. Вне природы и использования на её основе предметов, человек не существует. От особенностей географической среды зависит любой вид человеческой деятельности. Влияние природы в виде конкретной географической среды на историческое развитие того или иного народа весьма различно. Оно

проявлялось, например, как наличие или отсутствие благоприятных климатических условий для производства сельскохозяйственных продуктов, а так же и в других отношениях. В данной главе проведён анализ эволюции географического детерминизма в истории европейской философской мысли начиная с античности и вплоть до начала XX столетия. Показано, что идеи географического детерминизма лежат в основании таких направлений философской мысли, как антропогеография, французский поппианизм, отечественная геосоциология, американский инвайронментализм. Выводится заключение, что западноевропейская школа географического детерминизма сформировала новое универсальное понимание истории, которое объясняло общественное развитие практически полной её зависимостью от геоприродных и климатических факторов.

Даётся анализ исторических предпосылок возникновения и развития геосоциологических идей в России и делается вывод, что важнейшим положением, на которое опирались русские учёные, размышляя о детерминирующих факторах в развитии российского общества, явился учёт равнозначности геоприродных и социокультурных факторов, ставший концептуальным ядром отечественной геосоциологической парадигмы. Особое внимание уделяется историко-философскому анализу творчества корифеев отечественной философской мысли второй половины XIX столетия – Л.И. Мечникова и Н.Я. Данилевского. Показано, какой значительный и оригинальный вклад внесли они в разработку методологических принципов отечественной геосоциологической парадигмы.

В конце главы подводится итог, представляющий, что к концу XIX века в России сформировалось такое направление философской и исторической мысли, которое существенно отличалось в ряде своих идейно-теоретических положений и методологических принципов от западноевропейской школы географического детерминизма, и поэтому его

вполне правомерно обозначить как отечественная геосоциологическая парадигма.

Эти отличия заключаются в следующем:

1. Утверждение равносильности действий наряду с географическими факторами (природно-климатическими и т.п.) и собственно социальных, социокультурных;
2. Признание в качестве ведущих детерминант исторического развития не только естественного отбора и конкурентной борьбы, но и роста общечеловеческой солидарности, толерантности и взаимоподдержки. Причём вторая детерминанта в процессе исторического развития человечества постепенно становится преобладающей;
3. Признание линейного процесса исторического развития, но не на основе какой-то одной доминирующей цивилизации (западноевропейской), а на основе развития разнообразных и самодостаточных локальных цивилизаций (культурно-исторических типов);
4. Построение типологии и классификации культурно-исторических типов;
5. Философско-культурологическую разработку учения об особенностях российской цивилизации и её вкладе в мировую культуру.

Задачи второй главы состоят в исследовании процесса эволюции отечественной геосоциологической парадигмы в XX веке, её методологического применения в объяснении и прогнозировании эволюции человеческой цивилизации, современных социальных процессов.

В главе проанализирована ключевая концепция глобального эволюционизма теория коэволюции, предполагающая взаимосвязь двух процессов – природного и социального внутри биосферы. Она охватывает широкий круг явлений, приводящих к убеждению в универсальном характере её воплощения. Согласно этой теории, адекватное понимание биологической эволюции невозможно без учёта взаимодействия живых организмов и целых экологических систем, в состав которых они входят. Понятие «коэволюция» подчёркивает факт, что эволюция не сводится к

одностороннему приспособлению организма к его среде обитания. Сама среда обитания под влиянием живых организмов так же эволюционирует. Подобная методологическая установка была разработана русской философией еще во второй половине XIX века в форме учения русского космизма. Основные размышления многих подлинно русских интеллектуалов сводились к тому, что человек – это составная часть природы, их нельзя противопоставлять, а необходимо рассматривать в единстве. Козволюционная стратегия задаёт новые перспективы для организации знания, ориентируя на поиск и осмысление путей совместной эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, природы, цивилизации и культуры. Эта стратегия позволяет преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и эволюционистским подходом к человеку, наметить пути их синтеза. Стратегией перехода к режиму коэволюции является разработка задач по изучению естественных процессов и явлений планетарной жизни и повышения своих средосозидающих возможностей в такой мере, чтобы добытые знания и умения были достаточными для поддержания требуемых биохимических параметров в средах с помощью естественных живых систем. Именно такая регулируемая коэволюция стала одним из основополагающих принципов учения о ноосфере. Показано, что сама идея социоприродной коэволюции имеет своей основной методологию геосоциологической парадигмы

Если человечество сумеет преодолеть надвигающийся глобальный кризис, то вся его дальнейшая история станет историей ноосферогенеза: будут непременно изменяться условия жизни человека и условия «экологического императива». Альтернативой этому может быть только конец человеческой истории. Поэтому сегодня одной из наиболее обсуждаемых проблем является поиск стратегии перехода к обществу, способному обеспечить режим коэволюции природы и человека. Человечество не вправе переступать границы, позволяющие эксплуатировать природную среду; в противном случае начнет

ся необратимый процесс перехода биосферы планеты в состояние подобное тому, в котором находится Марс или Венера, и в котором уже не будет места для всего живого на земле.

Подробно анализируются предпосылки и формирование теории этногенеза Л.Н. Гумилева, в результате чего обнаруживается, что ученый в своей методологии из исходил из парадигмы отечественной геосоциологии, которая утверждает единство природных и социальных детерминант в объяснении антропосоциальных феноменов. Важными детерминантами исторического формирования этносов Л.Н. Гумилев считал ландшафтные и климатические условия их проживания, и геобиохимическую энергию, которая, преобразуясь, создает вокруг индивида определенное напряжение (пассионарность). Именно пассионарные личности являются деятельными творцами и активистами – в бизнесе, науке, изобретательстве, искусстве, политике, военном деле, спорте, творчестве в целом. В итоге отмечается, что теория этногенеза делает Л.Н. Гумилёва сторонником идей геосоциологии, как одной из парадигм (и соответствующей ей системы принципов) в общественном знании и философии и продолжателем традиций русской геосоциологической школы. Кроме этого заключается, что концепция представляет для нас несомненную ценность ещё и потому, что в ней чётко и последовательно прослеживается идея социоприродной коэволюции, то есть совместного и параллельного развития природных процессов и этнических общностей.

Приводится аргументация и доказательство того, что отечественная геосоциологическая парадигма оказывается наиболее оптимальной методологической основой для объяснения особенностей развития российской цивилизации в сравнении с альтернативными объяснительными парадигмами. Известно, что функционирование и развитие любого общества детерминировано различными факторами экономического, социокультурного, исторического характера и Россия здесь не исключение. Кроме того, одним из определяющих детерминирующих факторов, в

объяснении специфики характера и направленности развития российской цивилизации является природно-климатический фактор, концептуально соответствующий геосоциологической парадигме. Особенности географического положения и тесно связанные с ними особенности исторического пути России, наложили свой отпечаток на формирование сознания русского народа, на весь её многонациональный состав. Приверженность к аскетизму и этике самоограничения, соборность, коллективизм, служение отечеству – все эти качества, свойственные русскому народу, были ему просто необходимы в суровых природно-климатических условиях и были сформированы под их воздействием. Огромнейшая территория при отсутствии естественных природных границ, геокультурный размах, богатые залежи полезных ископаемых, постоянная борьба за выживание в суровых природно-климатических условиях, военные столкновения выступали детерминантами в историческом развитии России и в формировании только ей характерных особенностей. В заключении отмечается, что в объяснении перспектив развития российской цивилизации более конструктивным, в сравнении с конкурирующими объяснительными парадигмами, представляется локально-цивилизационный подход, концептуальным ядром которого являются общие методологические принципы отечественной геосоциологической парадигмы.

Утверждается, что методология геосоциологии в той или иной степени реализовала себя в таких отечественных философских учениях и научных теориях XX века, как учение В.И. Вернадского о ноосфере, теория этногенеза Л.Н. Гумилева, учение о «Коллективном Интеллекте» Н.Н. Моисеева, евразийство, Перечисленные учения и теории исходят из того, что российская цивилизация имеет особый вектор развития (в истории, социально-государственном устройстве, экономике, политике и т.д.) в силу природно-географических, ландшафтно-рельефных, климатических и иных особенностей её локализации и бытования на планете. Таким образом, геосоциологическая парадигма обладает большим прогностическим

потенциалом. При этом на новом этапе развития ею были частично ассимилированы некоторые принципы системного анализа. Скажем, структурно-функциональный анализ, принцип многофакторности, интегральности, поскольку они не противоречат принципам геосоциологической парадигмы как таковой.

Систематизируя вышесказанное, заключается вывод, что основными методологическими принципами отечественной геосоциологической парадигмы необходимо считать: а) принцип обусловленности развития социума природно-климатическими условиями и географической средой обитания и; б) принцип относительной автономности природных и социокультурных детерминант развития; в) принцип несводимости (и не выводимости) социокультурных детерминант развития к природным (из природных) и обратно; г) принцип коэволюции природных и социальных факторов; д) принцип параллельного и обратнoзависимого коэволюционного возрастания социальных, техногенных природных закономерностей и факторов; е) принцип интегральности (системности) анализа; ж) принцип пассионарности, т.е. зависимости социума от происходящих в различных регионах планеты природно-энергетических процессов; з) принцип ноосферности, и) экологический принцип сбережения и охраны окружающей природной среды, являющейся необходимым условием существования человека, отдельных человеческих сообществ и планетарной цивилизации в целом.

В итоге второй главы констатируется огромный прогрессивный вклад теоретиков русской геосоциологической школы в теорию и методологию общественнознания, утверждавших необходимость двухстороннего и равнозначного учёта как географического, так и социокультурного фактора, при анализе социальных процессов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов М.А. Оценка дихотомии культурно-цивилизационной деятельности в философии русского космизма / М.А. Абрамов // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. – 2006. – № 3. – С. 22-26.
2. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов / Л.Р. Авдеева. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 380 с.
3. Аксёнов Г.П. Вернадский / Г.П. Аксёнов. – М.: Соратник, 1994. – 554 с.
4. Александров Н.А. К вопросу о взаимодействии общественного человека с внешней средой / Н.А. Александров // Печать и революция. – 1924. – № 4. – С. 25-44.
5. Александровская О.А. Французская географическая школа конца XIX начала XX века / О.А. Александровская. – М.: Наука, 1972. – 144 с.
6. Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке / О.А. Александровская. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
7. Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека / Т.И. Алексеева. – М.: Мысль, 1977. – 302 с.
8. Амелина Е.М. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня / Е.М. Амелина // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 97.
9. Андрианов Б.В. Историко-географические закономерности взаимодействия общества и природы / Б.В. Андрианов. – М.: Наука, 1991. – С. 26-28.
10. Андрианов Б.В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы / Б.В. Андрианов // Общество природа. Исторические этапы и общество взаимодействия. – М.: Наука, 1981. – С. 250-261.
11. Античная география / Сост. проф. М.С. Боднарский. М.: Географгиз, 1953. – С. 374.
12. Антология мировой философии: Возрождение. – М.: АСТ, 2001. – 928 с.

- 13.Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества / В.А. Анучин. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.
- 14.Анучин В.А. Теоретические проблемы географии / В.А. Анучин. – М.: Мысль, 1972. – 430 с.
- 15.Апухтина Н.Г. Геосоциологическое учение Л.И. Мечникова в контексте современных реформ / Н.Г. Апухтина // Россия на пути реформ: политические, исторические, философские аспекты анализа общества: тезисы докл. и выст. респ. научн.-теоретич. конф. – Челябинск, 1996. – С. 29-30.
- 16.Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: АСТ, 2006. – 393 с.
- 17.Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: ЭКСМО, 2008. – 608 с.
- 18.Арманд А.Д. География через призму дополнительности / А.Д. Арманд // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 116-125.
- 19.Барг М.А. Цивилизационный подход в истории / М.А. Барг // Коммунист. – 1991. – № 3. – С. 29-35.
- 20.Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия Европа» / Б.П. Балуев. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 280 с.
- 21.Банных С.Г. Географический детерминизм от Льва Мечникова до Льва Гумилёва: Исторические очерки / С.Г. Банных. – Екатеринбург, Изд-во УрГУ, 1997. – 120 с.
- 22.Баньковская С.П. Инвайронментальная социология / С.П. Баньковская. – Рига, 1991. – 128 с.
- 23.Басовская Н.И. Природно-географический фактор в истории: к вопросу об эволюции проблемы / Н.И. Басовская // Вестник РГГУ. – 1996. – № 3. – С. 35-43.
- 24.Берг Л.С. Номогенез или эволюция на основе закономерностей / Л.С. Берг. – Петроград, Государственное издательство, 1922. – 306 с.
- 25.Берг Л.С. Основы климатологии / Л.С. Берг – Л.: Наркомпрос РСФСР, 1938. – 453 с.

- 26.Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – 702 с.
- 27.Бицилли П.М. Два лика евразийства / П.М. Бицилли. – М.: Наука, 1993. – 279 с.
- 28.Боден Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. – М.: Наука, 2000. – 412 с.
- 29.Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. В 2 т. / Г.Т. Бокль. – М.: Мысль, 2000. – 970 с.
- 30.Боднарский М.С. Словарь географических названий / М.С. Боднарский. – М.: Гос. уч.-пед. изд., 1947. – 368 с.
- 31.Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека / Е.П. Борисенков. – М.: Наука, 1982. – 223 с.
- 32.Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений / С.Н. Булгаков. – М.: Астрель, 2007. – 998 с.
- 33.Бэкон Ф. Жизнь, мировоззрение, мысли, максимы, афоризмы / Ф. Бэкон. – Мн.: Современное слово, 1998. – 352 с.
- 34.Вальковская В.В. Ценность природы / В.В. Вальковская // Философия и общество. – 1998. – № 6. – С. 103-123.
- 35.Валитов О.К. Была ли цивилизационная «дыра» в нашей истории / О.К. Валитов // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1. – С. 307-330.
- 36.Васильева Л.Н. Философия развития цивилизаций / Л.Н. Васильева // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1. – С. 108-119.
- 37.Веллер М.И. Социология энергоэволюционизма / М.И. Веллер. – М.: Астрель, 2011. – 415 с.
- 38.Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружение / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 2001. – 376 с.
- 39.Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 519 с.

- 40.Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
- 41.Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989. – 702 с.
- 42.Вернадский В.И. Переписка с Б.Л. Личковым (1918-1939) / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1979. – 271 с.
- 43.Вернадский Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. – М.: Алгоритм, 2012. – 336 с.
- 44.Вейдле В.В. Россия и Запад // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 63-71.
- 45.Виноградов П.Г. Рецензия на книгу Мечникова Л.И. «Цивилизация и великие исторические реки» / П.Г. Виноградов // Северный Вестник. – 1892. – № 6. – С. 34-44.
- 46.Воейков А.И. Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека / А.И. Воейков. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. – 134 с.
- 47.Вольф Р.П. О философии / Р.П. Вольф. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
- 48.Воронцов В.П. Интеллигенция и культура / П. Воронцов. – М.: Астрель, 2008. – 752 с.
- 49.Восканян Л.М. О роли географической среды в развитии общества / Л.М. Воскопян. – Ереван, 1956. – 204 с.
- 50.Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Л.И. Мечников / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров // Русская философия XI-XIX веков. – Л.: Наука, 1970. – С. 589-602.
- 51.Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Мечников и его историко-социологическая концепция / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров // Философские науки. – 1968. – № 6. – С. 53-61.
- 52.Гегель Г. Географическая основа всемирной истории / Г. Гегель // Феноменология духа. Философия истории. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 550-571.

53. Гегель Г. Лекции по истории философии / Г. Гегель. – СПб.: Наука, 1994. – 582 с.
54. Гельвеций К. А. Об уме / К.А. Гельвеций. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 480 с.
55. Гердер И.Г. Идеи к философии истории общества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
56. Гиппократ. Сочинения. В 3 кн. Кн. 1. / Гиппократ. – М.: Биомедгиз, 1936. – 736 с.
57. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / Ф.И. Гиренок. – М.: Наука, 1987. – 182 с.
58. Гиренок Ф.И. Русские космисты / Ф. Гиренок. – М.: Знание, 1990. – 61 с.
59. Гловели Г.Д. Лев Мечников / Г.Д. Гловели // Альтернативы. – 1995. – № 1. – С. 13-26.
60. Голосенко И.А. Л.И. Мечников / И.А. Голосенко // История русской социологии XIX-XX вв. – М.: Онега, 1995. – С. 136-154.
61. Голосенко И.А. Социология в дореволюционной России / И.А. Голосенко // Философские науки. – 1988. – № 1. – С. 48-56.
62. Грегори К. География и географы / К. Грегори. – М.: Прогресс, 1988. – 384 с.
63. Гродецкий М. Л.И. Мечников / М. Гродецкий // Жизнь. – 1897. – № 23. – С. 264-272.
64. Гумилёв Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии / Л.Н. Гумилёв // История СССР. – 1967. – № 1. – С. 53-66.
65. Гумилёв Л.Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования / Л.Н. Гумилёв // Вестник ЛГУ. – 1967. – № 24. – С. 104-105.
66. Гумилёв Л.Н. О соотношении природы и общества по данным исторической географии и этнологии / Л.Н. Гумилёв // Вестник ЛГУ. – 1970. – № 24. – С. 39-49.
67. Гумилёв Л.Н. Записки последнего евразийца / Л.Н. Гумилёв // Наше наследие. – 1991. – № 3. – С. 19-27.

- 68.Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 384 с.
- 69.Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв – М.: Айрис-пресс, 2005. – 560 с.
- 70.Гумилёв Л.Н. Чёрная легенда / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
- 71.Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 768 с.
- 72.Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: АСТ, 2004. – 602 с.
- 73.Данилов-Данильян В.И. Возможна ли «коэволюция» природы и общества»? / В.И. Данилов-Данильян // Зелёный мир. – 1988. – № 3. – С. 15-25.
- 74.Данилова В.С. Влияние циркумполярных поясов земли на формирование нообиогеосферы и нообиогеосферной личности / В.С. Данилова // Философия науки. – 2003. – № 3. – С. 21-24.
- 75.Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1990. – 574 с.
- 76.Демченко В.М. Критика Г.В. Плехановым геосоциологии В.С. Соловьёва / В.М. Демченко // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 1. – С. 63-72.
- 77.Дёмин В.Н., Селезнёв В.П. К звёздам быстрее света. Русский космизм вчера, сегодня, завтра / В.Н. Дёмин, В.П. Селезнёв. – М.: Академия космонавтики им. К.Э. Циолковского, 1993. – 429 с.
- 78.Доброчеев О.В. Физические закономерности общественного развития от тысячелетних цивилизаций до наших дней / О.В. Доброчеев // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 88-101.
- 79.Докучаев В.В. Учение о зонах природы / В.В. Докучаев. – М.: Географиз, 1948. – 63 с.

- 80.Дружинин А.Г. Методологические основы географических исследований культуры / А.Г. Дружинин // Известия ВГО. – 1989. – Т.121. – Вып. 1. – С. 59-64.
- 81.Дубинин Н.П. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека / Н.П. Дубинин. – М.: Наука, 1976. – 235 с.
- 82.Дубовский С.В. Глобальная пирамида, как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды / С.В. Дубровский // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 73-82.
- 83.Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России / А.Г. Дугин. – М.: Артогея, 1997. – 600 с.
- 84.Дуденков В.Н. Русский космизм: философия надежды и спасения / В.Н. Дуденков. – СПб.: Синтез, 1992. – 231 с.
- 85.Дулов В.А. Географическая среда в истории России. Конец XV середина XIX веков / В.А. Дулов. – М.: Наука, 1983. – 257 с.
- 86.Дулов А.В. Литература о роли географической среды в истории общества / В.А. Дулов // Вопросы истории. – 1973. – № 8. – С. 142-148.
- 87.Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о Поэзии и Живописи / Ж.-Б. Дюбо. – М.: Искусство, 1975. – 767 с.
- 88.Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
- 89.Евдокимов. В.И. Феномен Льва Мечникова / В.И. Евдокимов // Л.И. Мечников. Цивилизации и великие исторические реки – М.: Айрис-пресс, 2013. С. 5-75.
- 90.Елдышев Ю.Н. Особенности национальной энергетики / Ю.Н. Елдышев // Экология и жизнь. – 2005. – № 3. – С.18-24.
- 91.Елдышев Ю.Н. Будущее энергетики в XXI веке / Ю.Н. Елдышев // Экология и жизнь. – 2006. – № 9. – С. 46-50.
- 92.Емельянов Б.В. Русская философия первой половины XIX века / Б.В. Емельянов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. – 432 с.

93. Емельянов Б.В. Русская философия в портретах / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. – 512 с.
94. Емельянов Б.В. История отечественной философии: XX век / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. – 316 с.
95. Емельянов Б.В. Русский космизм: основные направления: Учебное пособие / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, – 2006.
96. Емельянов Б.В. Этюды о русской философии / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. – 264 с.
97. Емельянов Б.В. Любутин К.Н. Введение в историю философии: Учебное пособие для вузов / Б.В. Емельянов, К.Н. Любутин – М.: Высшая школа, 1987. – 160 с.
98. Емельянов Б.В. История русской философии: Учебник / Б.В. Емельянов. – М.: Академический проспект, 2005. – 736 с.
99. Емельянов Б.В. Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия / Б.В. Емельянов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 400 с.
100. Забелин И.М. Очерки истории географической мысли в СССР (1917-1945) / И.М. Забелин. – М.: Наука, 1989. – 255 с.
101. Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации / Д.Н. Замятин // Полис. – 2009. – № 1. – С. 71-99.
102. Замятин Д.Н. Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам / Д.Н. Замятин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 125-138; № 9. – С. 144-153.
103. Замятин Д.Н. Географические образы в гуманитарных науках // Человек. – 2000, № 5. – С. 81-88.
104. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. / В.В. Зеньковский. – Ростов на / Д.: Феникс, 2004. – 1088 с.
105. Зверева Г.Н. Цивилизационная специфика России. Дискурсный анализ новой «историософии» / Г.Н. Зверева // Общественные науки и современность. – 2003. – № 4. – С. 98-112.

106. Ибн-Хальдун. Введение: Фрагменты / Ибн-Хальдун // Избранные произведения мыслителей стран ближнего и среднего Востока. IX-XIV вв. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – 627 с.
107. Ионов И.Н. Империя и цивилизация. Идеи и догадки Н. Данилевского в сравнительно-историческом подходе / И.Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 110-124.
108. Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания / И.Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 118-133.
109. Иоселиани Ф.Н. Система «человек-природа» в религии Востока / Ф.Н. Иоселиани // Философские науки. – 2000. – № 3. – С. 154-165.
110. Кабо И.Р. Природа и человек в их отношениях, как предмет социально-культурной географии / И.Р. Кабо // Вопросы географии. – 1947. – Сб.5. – С. 5-32.
111. Каганский В.Л. Ландшафт и культура / В.Л. Каганский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134-145.
112. Калинин Э.Ю. Проблема окружающей среды в русской мысли / Э.Ю. Калинин. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 304 с.
113. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / И. Кант. – М.: Прогресс – «VIA», 1993. – 243 с.
114. Кара-Мурза С.Г. Европоцентризм – эдипов комплекс интеллигенции / С.Г. Кара-Мурза. – М.: ЭКСМО, 2002. – 256 с.
115. Карамзин М.Н. История государства Российского / М.Н. Карамзин. – М.: Альфа-книга, 2011. – 1279 с.
116. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии / Н.И. Кареев. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 451 с.
117. Кареев Н.И. Критика историософических идей и опыт теории исторического прогресса / Н.И. Кареев // Философия и общество. – 1997. – № 1. – С. 222-247.

118. Карчевцев О.А. Грезы о Земле и небе: антология русского космизма / О.А. Карчевцева. – СПб.: Художественная литература, 1995. – 526 с.
119. Карташёва К.С. Дороги Льва Мечникова / К.С. Карташёва. – М.: Мысль, 1981. – 55 с.
120. Кизеветтер А.А. Евразийство / А. А. Кизеветтер // Философские науки. – 1991. – № 12. – С. 123-136.
121. Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М.: Альфа-книга, 2009. – 1197 с.
122. Клименко В.В. Россия: тупик в конце туннеля / В.В. Клименко // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 71-80.
123. Кобылянский В.А. Единство и соподчинённость природы и общества / В.А. Кобылянская // Взаимодействие общества и природы. – М.: Наука, 1986. – С. 25-47.
124. Ковалевский М.М. Сочинения. В 2 т. / М.М. Ковалевский. – СПб.: Алетея, 1997. – 700 с.
125. Ковалев А.М. Философия природы и общества. В 5 т. Т. 3. / А.М. Ковалев. – М.: Квадратум, 2000. – 424 с.
126. Ковальченко И.Д., Муравьёв А.В. Труды по взаимодействию природы и общества / И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьёв // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 169-175.
127. Коган-Бернштейн Ф.А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII в. / Ф.А. Коган-Бернштейн // Вопросы истории. – 1955. – № 5. – С. 99-109.
128. Кокорин А.О. От климатической теории к экономической практике // Экология и жизнь. – 2008. – № 2. – С. 58-59.
129. Колесник И.И., Беляев И.Д. О географическом факторе в «Истории России» С.М. Соловьёва / И.И. Колесник, И.Д. Беляев // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1997. – С. 92-101.

130. Константинов В.Н. Философские взгляды Л.И. Мечникова / В.Н. Константинов // Ежегодник Философского общества СССР. – 1986. – С. 174-180.
131. Конт О. Курс позитивной философии / О. Конт. – Ростов на /Д.: Феникс, 2003. – 256 с.
132. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. – М.: Восточная литература, 2003. – 273 с.
133. Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева / А.А. Корольков. – СПб. Изд-во ЛГУ, 1991. – 211 с.
134. Корольков А.А. Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного процесса / А.А. Корольков. // Философские науки. – 1991. – № 11. – С. 115-127.
135. Костомаров Н.И. Русская истори в жизнеописаниях её главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – М.: Альфа-книга, 2010. – 1260 с.
136. Котляков В.М. Наука, общества, окружающая среда / В.М. Котляков. – М.: Наука, 1997. – 410 с.
137. Крейнин Е.В., Евергетидова А.С. Глобальный климат и парниковый эффект / Е.В. Крейнин, А.С. Евергетидова // Экономика и промышленность России. – 2007. – № 5. – С. 43-45.
138. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. – М.: Правда, 1990. – 639 с.
139. Крубер А.А. Общее землеведение. Часть III (Био-и антропогеография) / А.А. Крубер. – М.: ГИЗ, 1914. – 404 с.
140. Круть И.В. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества / И.В. Круть. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
141. Кузнецов П.П. Что такое географическая среда и какова её роль в общественном развитии? / П.П. Кузнецов // Молодой большевик. – 1939. – № 7. – С. 48-53.

142. Куткин С.Г. Русская геосоциология от Л. Мечникова до Л. Гумилева / С.Г. Куткин // Философский сборник. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – Вып. 7. – С. 112-121.
143. Кутырёв В.А. Идеальное и реальное в учении о ноосфере / В.А. Кутырёв // Природа. – 1990. – № 11. – С. 3-10.
144. Кульпин Э.С. Путь России / Э.С. Кульпин. – М.: Московский лицей, 1995. – 200 с.
145. Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды «колонизация южнорусских степей в 13-15 веках» / Э.С. Кульпин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 74-89.
146. Кульпин Э.С. Энергия, климат и историческая перспектива России / Э.С. Кульпин // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 99-105.
147. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – АСТ, 2003. – 605 с.
148. Лавров С.Б. Евразийство: современность концепции / С.Б. Лавров // Естественно-историческая специфика России и русские геополитические концепции: материалы Всерос. конф. 15-16 июля 1999 г. – СПб., 1999. – С. 105-114.
149. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. Лаэртский. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
150. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство / К.Н. Леонтьев. – М.: ЭКСМО, 2007. – 687 с.
151. Лубский А.В. Цивилизационные образы России / А.В. Лубский // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4. – С. 47-61.
152. Маджаров А.С. Природа и общество в трудах А.П. Щапова / А.С. Маджаров // История и историки: Историографический вестник. – М.: Наука, 1995. – С. 168-185.
153. Макаренко В.В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока / В.В. Макаренко // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М.: Наука, 1992. – С. 131-153.

154. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории / Х.Дж. Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 163-169.
155. Малыгин А.Г. Климат против рынка / А.Г. Малыгин // Природа и человек. – 1995. – № 12. – С. 3-6.
156. Мантатов В.В, Мантатова Л.В. Ценностные основания грядущей цивилизации: устойчивое развитие и экологическая этика / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова [Электронный ресурс] – URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/12910.htm>. – 09.09.2011.
157. Марков Ю.Г. Социальная экология: взаимодействие общества и природы / Ю.Г. Марков. – Новосибирск: Наука, 2001. – 544 с.
158. Маслович Н. К биографии Л.И. Мечникова / Н. Маслович // Исторический вестник. – 1897. – №. 6. – С. 999-1000.
159. Менделеев Д.И. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. – М.: Мысль, 1995. – 414 с.
160. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Голос труда, 1924. – 255 с.
161. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – 464 с.
162. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Арис-Пресс, 2013. – 320 с.
163. Мечников Л.И. Школа борьбы в социологии / Л.И. Мечников // Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – С. 152-216.
164. Мечников Л.И. Социологические очерки / Л.И. Мечников // Дело. – 1880. – № 7.
165. Мечников Л.И. Вопросы общественности и нравственности / Л.И. Мечников // Дело. – 1879. – № 9,10,11,12.
166. Мечников Л.И. Географическая теория развития исторических народов / Л.И. Мечников // Вестник Европы. – 1889. – Т.2. – кн. 3.

167. Мечников Л.И. До-азбучная цивилизация / Л.И. Мечников // Дело. – 1889. – № 5,6,8.
168. Мечников Л.И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии / Л.И. Мечников // Русские ведомости. – 1884. – № 24.
169. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М.: РОСПЭН, 1998. – 576 с.
170. Милов Л.В. Климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л.В. Милов // Общественные науки и современность. – 1995. – №. 1. – С. 76-87.
171. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов // Вопросы истории. – 1992. – № 4. – С. 37-56
172. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству? / Н.Н. Моисеев. – М.: Наука, 1999. – 288 с.
173. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
174. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
175. Моисеев Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизаций / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 1992. – № 5. – С. 84-95.
176. Моисеев Н.Н. Унивесум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
177. Моисеев Н.Н. Избранные произведения. В 2 т. Т.2. / Н.Н. Моисеев // Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. – М.: Тайдекс Ко, 2003. – 263 с.
178. Моисеев Н.Н. Экологический фон современной политики / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 135-144.

179. Моисеев Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизаций / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 1992. – № 5. – С. 84-95.
180. Моисеев Н.Н. Логика динамических систем и развитие природы и общества / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 3-10.
181. Моисеев Н.Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 52-66.
182. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 32-42.
183. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 799 с.
184. Мукиданов Н.К. От Страбона до наших дней / Н.К. Мукиданов. – М.: Мысль, 1985. – 237 с.
185. Назаретян А.П. Законы природы и инерция мышления / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 1988. – № 4. – С. 152-161.
186. Науменко О.А. Инвайронментализм: истоки и эволюция развития / О.А. Науменко // Социально-гуманитарные науки в системе образования. – 2006. – № 3. – С. 137.
187. Новикова Л.И. Социологическое направление в русской философии истории / Л. И. Новикова // Философские науки. – 1997. – № 2. – С. 73-84.
188. Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума / Ю.В. Олейников. – М.: Институт философии РАН, 2003. – 258 с.
189. Олейников Ю.В. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В. Олейников. – М.: Институт философии РАН, 1999. – 210 с.
190. Олейников Ю.В. Природный фактор геополитической стратегии России Ю.В. Олейников // Философия и общество. – 1997. – № 6. – С. 125-142.
191. Пайпс Р. Россия при старом режиме. / Р. Пайпс. – М.: Захаров, 2012. – 480 с.

192. Паршев А.П. Почему Россия не Америка? / А.П. Паршев. – М.: Астрель, 2006. – 350 с.
193. Паршев А.П. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. 2015 / А.П. Паршев. – М.: Алгоритм, 2015. – 352 с. – (Русский реванш)
194. Перцев А.В. Почему Европа не Россия / А.В. Перцев. – М.: Академический Проект, 2005. – 383 с.
195. Перцев А.В. Типы методологий историко-философского исследования / А.В. Перцев. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – 196 с.
196. Пичугин С.С. Роль географической среды в общественном развитии / С.С. Пичугин // Под знаменем марксизма, 1938. – № 11. – С. 174-190.
197. Померанц Г.С. Опыт философии солидарности / Г.С. Померанц // Философские науки. – 1991. – № 3. – С. 51-66.
198. Полибий. Всеобщая история. В 2 т. / Полибий. – М.: АСТ, 2004. – 768 с.
199. Поляков А.Н. Образование древнерусской цивилизации / А.Н. Поляков // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 72-89.
200. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии / Н.А. Проскурякова // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 153-165.
201. Птоломей Клавдий. Руководство по географии (отрывки) // Античная география. – М.: Географгиз, 1953. – С. 286-323.
202. Пустарнаков В.Ф. Проблемы этнографии и этнологии в геосоциологической концепции П.А. Кропоткина / В.Ф. Пустарнаков // Труды Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. – М., 1997. – Вып. 2: Идеи П.А. Кропоткина в социально-экономических науках. – С. 110-126.
203. Раскина. Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева / Е.Ю. Раскина. – М.: МГИ имени Е.Р. Дашковой, 2009. – 223 с.
204. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – Ростов н/ Д.: Феникс, 2002. – 992 с.

205. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. В 2 т. / Ф. Ратцель. – СПб.: Брокгауз и Эфрон, 1906.
206. Реймерс Н.Ф. Природопользование / Н.Ф. Реймерс. – М.: Мысль, 1988. – 637 с.
207. Реклю Ж.Э. Человек и земля в 6 т. / Ж.Э. Реклю. – СПб.: Брокгауз и Эфрон, 1906-1909.
208. Реклю Ж.Э. Предисловие / Ж.Э. Реклю // Л.И. Мечников. Цивилизации и великие исторические реки – М.: Айрис-пресс, 2013. С. 76-86.
209. Родзиевич Н.Н. Особенности природы России и их влияние на и экологические условия страны / Н.Н. Родзиевич // География в школе. – 1995. – № 5. – С. 8-13
210. Родзиевич Н.Н. Эколого-географические последствия разрушений СССР / Н.Н. Родзиевич // География в школе. – 1995. – № 5. – С. 35-42.
211. Романенко В.М. Борьба Мечникова против мальтузианства социал-дарвинизма и расизма / В.М. Романенко // Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С. 100-105.
212. Риккерт Г. Философия истории. Гл.3: Философия истории как всеобщая история / Г. Риккерт // Философия и общество. – 1997. – № 6. – С. 222-247.
213. Савицкий П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Философские науки. – 1991. – № 12. – С. 109-122.
214. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории / П.Н. Савицкий // Вопросы истории. – 1993. – № 12. – С. 120-134.
215. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 482 с.
216. Салмин А.М. Политическая историософия Константина Леонтьева / А.М. Салмин // Русская политическая мысль конца XIX в. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 118-119, 134-135.
217. Самсонов А.Л. На пути к ноосфере / А.Л. Самсонов // Вопросы философии. – 2000. – № 7. – 53-61 с.

218. Самсонов А.Л. Человек и биосфера – проблема информационных оценок / А.Л. Самсонов // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 111-127.
219. Семевский Б.Н. Взаимодействие системы «природа-человек» / Б.Н. Семевский // Природа. – 1970. – № 8. – С. 74-75.
220. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна / В.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М.; Л.: ГИЗ, 1928. – 311 с.
221. Семёнова С.Г. Философ будущего века: Николай Фёдоров / С.Г. Семёнова. – М.: Пашков дом, 2004. – 584 с.
222. Семёнова С.Г. Русский космизм: антология философской мысли / С.Г. Семёнова. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
223. Сеченов И.Е. Русский гарибальдиец Лев Мечников / И.Е. Сеченов // Учёные записки исторического факультета Киргизского государственного университета. – 1958. – Вып. 5. – С. 25-29.
224. Сиваков М.А. Философия и социология Л.И. Мечникова / М.А. Сиваков. – Кишинёв, 1970. – 171 с.
225. Синицкий Л.Д. Очерки землеведения (антропогеография) / Л.Д. Синицкий. – Петроград-М.: Книга, 1923. – 281 с.
226. Скачков А.С. Автотрофность человечества как социально-философская проблема / А.С. Скачков // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 5. – С. 342-347.
227. Слесарёва Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев / Г.Ф. Слесарёва // Философские науки. – 1991. – № 1. – С. 105-114.
228. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политическая литература, 1992. – 543 с.
229. Соловьёв В.С. Из философии истории. В 2 т. / В.С. Соловьёв. – М.: Правда, 1989. – 1423 с.
230. Соловьёв В.С. Лекции по истории философии / В.С. Соловьёв // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 76-132.
231. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьёв. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.

232. Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. / С.М. Соловьёв. – М.: Колокол-Пресс, 1993-1998.
233. Сорокин П.А. Циклические концепции социально-исторического процесса / П.А. Сорокин // СОЦИС. – 1998. – № 12. – С. 61-80.
234. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Минск: Современный литератор, 1988. – 1408 с.
235. Стойкерс Р. Теоретическая панорама геополитики / Р. Стойкерс // Элементы. – 1992. – № 1. – С. 2-8.
236. Страбон. География / Страбон. – М.: Ладомир, 1964. – 944 с.
237. Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций / К.В. Султанов. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. – 252 с.
238. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
239. Татищев В. История Российская. В 3 т. / В. Татищев. – М.: АСТ, 2003. – 2160 с.
240. Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания / Н.В. Тимофеев-Ресовский. – М.: Прогресс-Пангея, 1995. – 384 с.
241. Тюрюканов А.Н., Федоров В.М., Тимофеев-Ресовский Н.В. Биосферные раздумья / А.Н. Тюрюканов, В.М. Федоров, Н.В. Тимофеев-Ресовский. – М.: Мысль, 1996. – 368 с.
242. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 366 с.
243. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. – СПб.: Ювента, 1996. – 480 с.
244. Тойнби А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
245. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер – М.: ООО АСТ, 2002. – 776 с.
246. Тютчев Ф.И. Сочинения. В 2 т. Т.1. / Ф.И. Тютчев. – М.: Правда, 1980. – 384 с.

247. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания устойчивого развития общества / А.Д. Урсул. – М.: Луч, 1993. – 275 с.
248. Урсул Т.А. Концепция универсальной эволюции: социоприродное измерение / А.Д. Урсул // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 1. – С. 301-314.
249. Усольцев В.В. «Русский космизм» и глобальные проблемы современности / В.В. Усольцев // Наука Урала. – 2002. – № 29-30. – С. 10-12.
250. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций / А.И. Уткин. – М.: Гардарика, 2000. – 574 с.
251. Феофанов К.А. Современное мировое сообщество и взаимодействие цивилизаций / К.А. Феофанов // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 6. – С. 3-15.
252. Федоров М.Г. Русская прогрессивная мысль от географического детерминизма к историческому материализму / М.Г. Федоров. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1972. – 161 с.
253. Федоров М.Г. Г.В. Плеханов и географическое направление в социологии / М.Г. Федоров // Вопросы методологии и логики наук. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1966. – Вып. 3. – С.13-23.
254. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Фёдоров. – М.: Эксмо, 2008. – 752 с.
255. Федоров Е.К. Взаимодействие общества и природы / Е.К. Федоров. – Л.: Гидрометеиздат, 1972. – 88 с.
256. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 474 с.
257. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С.Хантингтон. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
258. Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио / К. Хаусхофер // Элементы. – 1995. – № 7. – С. 32-36.

259. Хачатурян В. М. Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского: логика противоречия / В.М. Хачатурян // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 96-109.
260. Хорев Б.С. Анти-рынок: Авантюризм разрушает Россию / Б.С. Хорев. – М.: Палея, 1994. – С. 52.
261. Хорев Б.С. И всё ушло в песок Нечерноземья / Б.С. Хорев // *Сельская новь*. – 1990. – № 10. – С. 13-21.
262. Хорев Б.С. Очерки геоглобалистики и геополитики / Б.С. Хорев. – М.: Палея, 1997. – 488 с.
263. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего / П.Я. Чаадаев // *Сочинения*. – М.: Наука, 1991. – С. 139-154.
264. Челлен Р. О политической науке, её соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Р. Челлен // *ПОЛИС*. – 2005. – № 2. – С. 115-126.
265. Чесноков Г.Д. Философское понимание исторического развития / Г.Д. Чесноков // *Социально-гуманитарные знания*. – 2005. – № 3. – С. 87-105.
266. Чёрный Г.П. Биофизическая модель устойчивого развития цивилизаций / Г.П. Чёрный // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 3. – С. 143-148.
267. Чижевский А.Л. Астрономия, физиология и история / А.Л. Чижевский. – Калуга: 1-я Гостиполитография, 1924. – 78 с.
268. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса / А.Л. Чижевский. – Калуга: 1-я Гостиполитография, 1924. – 72 с.
269. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни / А.Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1995. – 521 с.
270. Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: годы дружбы с Циолковским / А.Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1995. – 715 с.

271. Чугров С.В. Россия и Япония: о некоторых параллелях в политической культуре / С.В. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11. – С. 48-54.
272. Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл Российской цивилизации / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 628 с.
273. Шемякин Я.С. Размышления о «Постижение истории» А.Дж. Тойнби / Я.С. Шемякин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 52-62.
274. Шкуропат С.Г. Географический фактор в культурологических концепциях конца XIX нач. XX века: дис. ... канд. культурологии (24.00.01 – теория и история культуры) / Шкуропат; С-П.б. гос. ун-т культуры и искусств. – С-П.б, 2004. – 183 с.
275. Шмидт С.О. Проблемы взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения / С.О. Шмидт // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. – М.: Наука, 1981. – С. 262-275.
276. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
277. Шпет Г.Г. Сочинения / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – 601 с.
278. Щапов А.П. Избранное / Сост. А.С. Маджаров. – Иркутск: Изд-во Оттиск, – 1991. – 368 с.
279. Эрлих Г.В. Философия «общего дела» и учение о воскрешении / Г.В. Эрлих // Химия и жизнь. – 2007. – №10. – С. 4-9.
280. Южаков С.Н. Роль физической среды в истории / С.Н. Южаков // Русское богатство – 1890. – № 11. – С. 55-68.
281. Яницкий О.Н. Энвайронментальная социология вчера и сегодня / О.Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 76-92.
282. Яницкий О.Н. Индустриализм и инвайронментализм: Россия на рубеже культур / О.Н. Яницкий // СОЦИС. – 1994. – № 3. – С. 3-14.

283. Яницкий О.Н. Инвайронментализм – идеология будущего? / О.Н. Яницкий // Наука в России. – № 2 – 1994. – С. 82-88.
284. Яншина Ф.Т. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива? / Ф.Т. Яншина // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 163-174.
285. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.